ИНОЕ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ИНОЕ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

МОСКВА
1995

ББК 60.55
И67

Замеченная опечатка

Путеводитель, с.8. 5-ю строку сверху следует читать так:

что они в той или иной мере обладают (не по собственной воле) каналом

Иное. Хрестоматия нового российского самосознания.
И67 Редактор-составитель С.Б.Чернышев. – М.: Аргус, 1995. – 112 с.

ISBN 5-85549-065-3

ISBN 5-85549-069-6 (Путеводитель)

«Иное» (Хрестоматия нового российского самосознания) представляет собой, строго говоря, не книгу в обычном понимании, а «метакнигу»: комплект брошюр-монографий, каждая из которых содержит краткий авторский очерк оригинального подхода к рассмотрению существенных вопросов прошлого, настоящего и будущего России. Комплект разделен на три кассетных блока-тома по тематическому признаку: т. 1 – «Россия как предмет»; т. 2 – «Россия как субъект»; т. 3 – «Россия как идея». Общий взгляд на цели издания и содержание материалов, вошедших в «Иное», представлен в работе «Апология составителя», которая вместе со справочными и сопроводительными материалами ко всем трем томам, а также галереей фотопортретов Виктора Бреля включена в четвертый блок-том «Путеводитель».

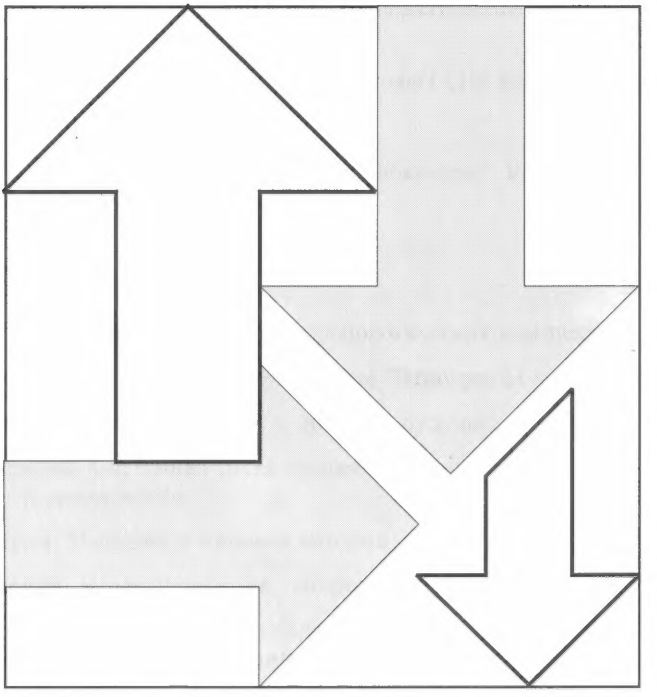
В настоящем издании по технологическим и экономическим соображениям каждый из кассетных блоков-томов выходит в общем переплете.

И $\frac{0302010000 - 025}{Я46(03) - 95}$ Без объявл. **ББК 60.55**

© ИНОЕ-РОССИЯ. Институт русского самосознания, 1995
© Издательство «Аргус», 1995
© Составление – С.Б.Чернышев, 1995
© Дизайн издания – В.Л.Глазычев, 1995

ISBN 5-85549-065-3
ISBN 5-85549-069-6 (Путеводитель)

ОГЛАВЛЕНИЕ



ИНОЕ

Хрестоматия нового российского самосознания

1. РОССИЯ КАК ПРЕДМЕТ

А.Белоусов. Структурный кризис советской индустриальной системы

Т.Ворожейкина. Россия в латиноамериканском зеркале

В.Глазычев. Слободизация страны Гардарики

В.Каганский. Советское пространство: конструкция и деструкция

К.Касьянова. Представляем ли мы, русские, нацию?

С.Кордонский. Постперестроечное экономическое пространство. Трансформации административного рынка

Э.Кульпин. Феномен России в системе координат социоестественной истории

В.Махнач. Россия в XX столетии (Диагноз историка культуры)

В.Радаев. Об истоках и характере консервативного сдвига в российской идеологии

А.Фадин. Модернизация через катастрофу? (Не более чем взгляд...)

С.Чернышев. Порог истории

Т.Шанин. Россия как "развивающееся общество". Революция 1905 года: момент истины (Главы из книг)

2. РОССИЯ КАК СУБЪЕКТ

О.Генисаретский. Культурно-антропологическая перспектива

А.Кара-Мурза. Россия в треугольнике "Этнократия — империя — нация"

С.Кургинян. Русский вопрос и институт будущего

З.Кучкаров. Системная точка зрения на кризис: потеря управляемости

В.Махнач. Империи в мировой истории

А.Панарин. К реконструкции "Второго мира"

В.Пастухов. Культура и государственность в России: эволюция Евроазиатской цивилизации

Ш.Султанов. Карма элиты: вдох-выдох, ночь-день...

В.Цымбурский. Остров Россия. Циклы похищения Европы (Большое примечание к "Острову Россия")

С.Чернышев. Век трансформации власти

П.Щедровицкий. В поисках формы

3. **РОССИЯ КАК ИДЕЯ**

Д.Галковский. Русская политика и русская философия

М.Гефтер. Мир миров: российский зачин

Б.Капустин. Либеральная идея и Россия (Пролегомены к концепции современного российского либерализма)

А.Кара-Мурза. Между Евразией и Азиопой

А.Кураев. О вере и знании

С.Лёзов. Образы христианства

В.Малявин. Россия между Востоком и Западом: третий путь?

С.Медведев. СССР: деконструкция текста (К 77-летию советского дискурса)

Г.Павловский. Слепое пятно (Сведения о беловежских людях)

В.Ушаков. Немыслимая Россия

А.Филиппов. Смысл империи: к социологии политического пространства

С.Чернышев. Кальдера Россия

4. **ПУТЕВОДИТЕЛЬ**

Оглавление

С.Чернышев. Апология составителя

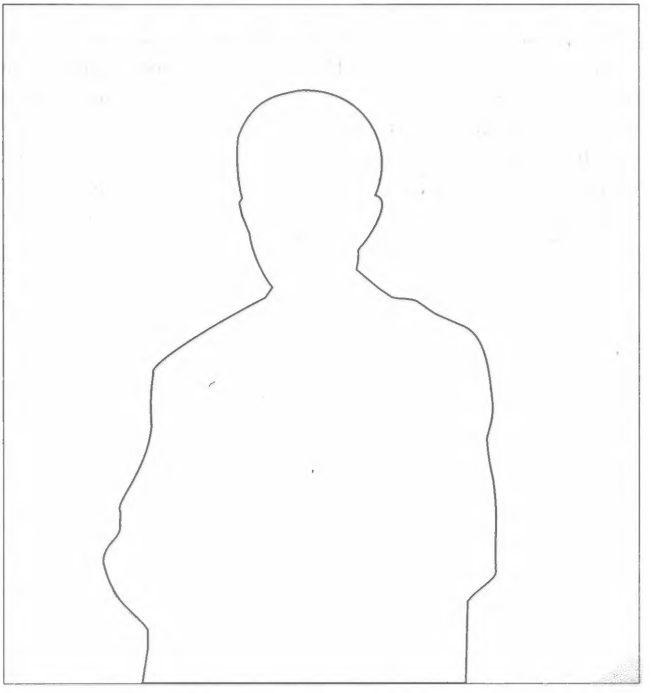
ИНЫЕ. Об авторах "Хрестоматии нового российского самосознания"

Галерея Виктора Бреля

Кто это сделал? ИНОКНИЖНИКИ

АПОЛОГИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

С. ЧЕРНЫШЕВ



Традиционным принципом объединения мыслителей и интеллектуалов служила *партийность* – приверженность общей идее. В межчеловеческом пространстве авторов «Иного» витает предчувствие принципиально иной духовной общности: корпорации лиц, осознавших, что они в той или иной мере обладают (по собственной воле) каналом личного Откровения. Идеология в традиционном ее понимании – последнее из того, что нужно сейчас России. «Иное» – это ширма, сквозь отверстия в которой угадываются контуры смысла наступающего метаисторического периода. И отсутствие, нехватка любого из них могут привести к необратимым потерям в самосознании страны, стоящей на пороге перемен. Главная задача «Иного», с точки зрения составителя, – в том, чтобы иные из круга авторов вчитались, вдумались в работы других. Результатом может стать цепная реакция огромной духовной мощности.

© Чернышев С.Б., 1995

С. ЧЕРНЫШЕВ

"Его слова безбрежны, как океан; чтобы быть верным себе, он себя ничем не стеснял, поэтому правители и сановники не могли его использовать".
Историк Сыма Цянь – о мудреце Чжуан-цзы

У слова "иное" – особая судьба и особый смысл в русском языке.

Заглянув в словари, можно выяснить, что оно ведет родословную от старого индоевропейского корня с базовым значением "один". В греческом языке "ойнос" означает "одно очко на игральной кости". В латинском есть слово *unus* (один). Латынь содержит также замечательное слово *ineo*, очень похожее на "иное", которое означает "вхожу, вступаю, начинаю". А уж потом ineo развивается в *initio* – ввожу (в культовые таинства). Можно проследить видоизменение корня "ин" в разных европейских языках: *ein*, *one*, *un* и пр.

Есть и древнерусское, восходящее к общеславянскому корню слово "инъ", "иный". Здесь, на нашей земле, оно обрело целый веер значений, среди которых первоначальное оказалось совсем не главным.

Значение это ("один") ныне едва просвечивает из глубин русской речи. Одно из немногих его реликтов – понятие "инок", монах. Собственно, "монах" тоже происходит от корня monados – по-гречески "единица". Слово "инок" исходно означало "единственный, одинокий, отшельник" и в этом смысле применимо ко многим авторам книги "Иное". Есть еще забытое ныне слово "инорогъ" – одинокий, ни с кем не схожий зверь единорог, герой мифов многих народностей начиная с шумеров.

Второе значение слова "иной" – *некоторый, один элемент из множества*. Оно еще полнокровно живет в классической поэзии начала XIX века. Баратынский писал:

Я братьев знал; но сны младые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные
И в мире нет уже других.

В современной речи это значение спрятано в слове "иногда", в выражении "иной раз", а в чистом виде приобрело явный оттенок архаизма.

Третье и на сегодня главное значение слова "иной" – *другой, не такой, не этот*. Старинная форма слова в этом значении – "инакий". От него происходит отдающее архаикой, но всегда злободневное слово "инакомыслящий", а также укрывшийся в служебном словаре коневод-

ства "иноходец", которому Высоцкий вернул исконный смысл. Иносказательность – родовая черта русско-московской речи.

В 20-х годах XVII века в Московии появляется литературно-публицистический памятник, составленный неизвестным автором, – "Иное сказание". В нем по-новому трактуются некоторые события русской Смуты, описанные ранее в классическом "Сказании" Авраамия Палицына.

Серия книг Т.Шанина о России носит общее название "Roots of Otherness. Russia's Turn of Century". С согласия Шанина это будет переведено как "Корни инакости. Россия на рубеже столетий". Иными словами, "инакость" живет и здравствует.

Пушкин в "Арионе" прямо противопоставляет старое "иное" новому:

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы...

Сам поэт чаще употребляет слово "иное" именно в этом, новом смысле. Вспомним отрывки из "Путешествия Онегина", где Пушкин декларирует свое расставание с заимствованными жанрами, стилями и терминами:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи –
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
.....
Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...

По существу, Пушкин создает иной язык, новую понятийную сетку для описания феномена России. До этого было принято изображать ее в терминах, понятиях и образах, заимствованных из античной классики или европейского романтизма.

Но есть у Пушкина и тоска по новой социологии:

Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода...

Огромная тема, которую здесь приходится оставить в стороне, – традиция употребления русского слова "иное" переводчиками для обозначения одной из важнейших категорий, играющей особую роль во многих философских системах – от Платона до Гегеля.

В-пятых, есть более частный, но притом самый модный ныне смысл термина. "Иное" означает на публицистической фене *несуществующее третье*, как свидетельствует лозунг "Иного не дано" – странноватый отечественный перевод латинской фразы "Tertium non datur". Иное-несуществующее (в смысле tertium non datur) подразумевает, что провозглашается некая двуполюсная картина мира, основанная на парах противоположных понятий (запад – восток, открытое об-

щество – закрытое общество, цивилизация – варварство и т.п.). Отечественное обществознание пользуется двумерными понятийными координатами, заимствованными у западной социальной науки (больше взять неоткуда, мы не выбирали – других просто не оказалось). Но все чаще выясняется, что для описания феноменов нашей жизни эта сетка оказывается или непригодной, или мистифицирующей, вводящей в заблуждение.

В поисках выхода из гносеологического тупика происходит таинство обретения нового смысла: *Иное* само по себе, взятое без "не", превращается в *Третье*, намек на переход от дихотомической понятийной системы – к троичной. Благодаря этому целая треть мира, не имевшая статуса в мире Tertium non datur и потому как бы невидимая, вдруг возникает в поле зрения и оказывается не менее, если не более реальной, чем привычные полюса оппозиции.

Это – знак перехода к троичному мышлению, знак радикального расширения концептуального пространства. Поднимаясь над плоскостью, мы обретаем чудесную способность увидеть такой странный предмет-инорог, как Россия. Похоже, он имеет собственный онтологический статус, свое смысловое пространство, отличное как от задворок Запада, так и от предбанника Востока. Полнокровное, органичное Бытие, а не ублюдочную "самобытность".

Тогда мы вспоминаем, что культура, в которой живем (в отличие от науки, плодами которой пользуемся), изначально трехосновна. Христианская интуиция троична. Из истории европейской культуры всем памятна триада идеалов на знамени Французской революции ("свобода – равенство – братство"). Правда, не принято обсуждать, что означало это "братство" и куда подевалось потом.

Инакость, троякомыслие – вот что сближает необъединимых, уникальных иноков, участников проекта "Иное": иные из авторов сознательно пользуются троичными понятийными структурами, другие прибегают к этому интуитивно. Благодаря этому предмет-невидимка, предмет-оборотень оказывается хоть как-то уловим в концептуальные сети, русское инобытие впервые обретает понятийный статус.

Здесь – самый очевидный, поверхностный слой замысла "Иного".

Но существует иное измерение слова "иное", полное экзистенциального и мистического смысла. Здесь оно приобретает глубоко эмоциональное и личностное звучание. Помните? – Дон Гуан из пушкинских "Маленьких трагедий", в традиционной манере стоя на одном колене перед Доной Анной, импровизирует. Его несет стихия речи, он строит прекрасную картину несбывшегося будущего:

...Если б
Я прежде вас узнал, с каким восторгом
Мой сан, мои богатства, всё бы отдал...
...чтоб ваша жизнь
Была одним волшéбством беспрерывным.

Но тут возникает заминка: он-то знает, что вызвал на это свидание третьего – Командора, чувствует, что тот уже стоит за дверьми, а главное, вспоминает, что он – Дон Гуан с русской судьбой! И вдруг, неожиданно сбившись, выпаливает:

"Увы! – Судьба судила мне иное".

***

Обстоятельства появления на свет книги "Иное" вовеки пребудут тайной для всех, вовлеченных в ее орбиту. И составитель не составляет исключения, – напротив, тайна сия сидит у него в печенках[1].

Что объединяет авторов "Иного"? На первый взгляд ответ очевиден: ничего.

Это обстоятельство побуждает обратиться к жанру апологии. Только кто ее станет читать? Если "Иное" – не более чем сборник текстов, объединенных по прихоти составителя, – это заранее обесценивает бумагу, готовую выйти из-под его пера.

Убежден, однако: бумага эта – ценная, поскольку обеспечена золотым содержанием. Правда, оценить его непросто. Собранные в книге тексты принадлежат авторам, имеющим мало общего и чрезвычайно много различий, порой драматических. Это личности с весьма разнонаправленными, а часто несовместимыми (как кажется) иерархиями ценностей. Их разделяют возраст, происхождение, образование, взгляды, предрассудки, вероисповедание, пристрастия и вкусы, принадлежность к различным стратам общества, тип мышления и степень одаренности. Некоторые из них – до последнего времени по крайней мере – избегали подавать друг другу руку, появляться вместе на экранах телевизоров, встречаться на страницах газет.

При всем том книга "Иное" – осознанное общее действие, ставшее возможным благодаря независимому решению, принятому каждым из ее авторов.

Мне посчастливилось стать первым читателем большинства текстов "Иного". Тех, кто решится разделить со мной этот труд, хотел бы предупредить, что их ждет.

По мере вчитывания в каждой из работ словно открывается глубинная скважина, обращенная к трансцендентным слоям смысла[2]. Там, на глубине, все они достигают с разных сторон определенного пласта идей и в нем смыкаются. Еще точнее, дело выглядит так, будто скважины не бурились со стороны авторов, а были пробиты со стороны идей. Идеи играют активную роль. Давление в пласте нарастает, оно достигло критических величин. Уже сегодня, сейчас, этот комплекс идей начинает открывать себя обществу, используя авторов "Иного" в качестве канала трансляции. Устремленные к нам потоки, идущие из трансцендентной глубины, неумолимо прогрызают километры пустой породы, слои вязкой глины предрассудков и мертвого песка пропаганды, они неудержимо со дня на день вырвутся на поверхность, проявятся как родники, гейзеры нового смысла. Единственное, что в человеческих силах, – попытаться несколько ускорить или замедлить их прорыв.

Когда я поделился этими ощущениями с одним из авторов "Иного", он напомнил мне притчу Чжуан-цзы о флейте неба.

---

[1] В том, что это не поза, легко убедиться, заглянув в одну из ранних версий проекта "Иное дано", датированную апрелем 1993 г. — см. Приложение (опубликована в сокращении журналом "Век XX и мир", № 3–4 за 1994 г. С. 162–168).

[2] Все, что говорится ниже о личностях авторов "Иного" и о качествах их статей, естественно, никак не относится к личности составителя и его текстам, которые, по хорошей советской традиции, включены в "Иное" по блату, в качестве "нагрузки".

С. ЧЕРНЫШЕВ

***

ИЗ КНИГИ "ЧЖУАН-ЦЗЫ"[3]

Ты, верно, слышол флейту человека, но не слыхал еще флейты земли. И даже если ты внимал флейте земли, ты не слыхал еще флейты неба.

[...] Великая Пещера выдыхает воздух, зовущийся ветром. В покое пребывает он. Иной же раз он приходит в движение, и тогдо вся тьма отверстий откликается ему. Разве не слышол ты его громоподобного пения? Вздымающиеся гребни гор, дупла исполинских деревьев в сотню обхватов – как нос, рот и уши, как горлышко сосуда, как винная чаша, как ступка, как омут, как лужа. Наполнит их ветер – и они завоют, зокричат, заплачут, застонут, залают. Могучие деревья завывают грозно: У-у-у! А молодые деревца стонут им вслед: А-а-а! При слабом ветре гармония малая, при сильном ветре – гармония великая. Но стихнет вихрь, и все отверстия замолкают. [...]

– Зночит, флейта земли – вся тьма земных отверстий. Флейта человека – полая бамбуковая трубка с дырочками. Но что же такое флейта неба?

– Десять тысяч разных голосов! Кто же это такой, кто позволяет им быть токими, какие они есть, и петь так, как им поется?

[...]

Когда мы спим, душа отправляется в странствие.

Пробудившись от сна, мы открываемся миру.

[...]

Малый страх делает нас осторожными.

Большой строх делает нас раскованными.

[...]

Речь – это не просто выдыхание воздуха. Говорящему есть что сказать, однако то, что говорит он, крайне неопределенно. Говорим ли мы что-нибудь? Или мы на самом деле ничего не говорим? [...] Отчего так затемнен путь, что существует истинное и ложное? Почему так невнятна речь, что существует правда и обман? [...] Путь затемняется человеческими пристрастиями, речь становится невнятной из-за цветистости. И вот уже возникает "правильное" и "неправильное", о которых толкуют последователи Конфуция и Мо Ди, и то, что одни объявляют правдой, другие начисто отрицают. Но вместо того чтобы принимать то, что они отрицают, и отрицать то, что они провозглашают, лучше прийти к прозрению.

Каждая вещь в мире есть "то", и каждая вещь в мире есть "это". Каждый знает то, что доступно ему, и не видит того, что доступно другому.

[...]

[...] Каждый из них в своих пристрастиях отличался от других и притом старался розъяснить лишь то, к чему сам питал пристрастие, а потому умалчивал о других точках зрения.

[...]

Положим, мы затеяли с тобой спор, и ты победил меня, а я не смог переспорить тебя, значит ли это, что ты и в самом деле прав, а я но самом деле не прав? [...] Обязательно ли кто-то из нас должен быть прав, а кто-то не прав? [...] Кто же рассудит нас? Если придет кто-нибудь, кто согласится с тобой, то как ему рассудить нас? А если кто-то третий будет согласен со мной, то и ему не удастся нас рассудить. Если же, наконец, позвоть того, кто не согласен ни со мной, ни с тобой, то токой человек тем более не поможет нам установить истину. [...]

Противоречивые суждения о вещах друг друга поддерживают, а если они перестают поддерживать друг друга, следует привести их к равновесию на весах Небес.

***

Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм были крупнейшими социологами рубежа веков. Отрезки их жизни на исторической шкале почти совпадают. Оба знали славу при жизни, каждый создал научную школу. Их труды обрели широкую известность, непрестанно цитировались. Но если бы из всей социологической литературы того времени до потомков дошло только полное собрание сочинений одного из них – мир никогда не узнал бы имени другого.

Не полемика, не критика, даже не враждебность – тут абсолютное игнорирование существования друг друга. Это и стало единственной формой отношений между ними. Трагедия? А ведь плодотворный син-

[3] Перевод В.Малявина.

тез их идей был возможен, – что и осуществилось в дальнейшем, например, в работах Парсонса.

Эта история не исключительна, скорее она типична. Сколько гениев изнывало от духовного одиночества, в то время как их собратья по духу находились буквально за стеной.

Что объединяет Вебера и Дюркгейма вопреки всем внешним различиям, вопреки, быть может, их собственной воле?

Чистота тона, воспринимаемая каждым, кто наделен специфическим слухом. Подлинность и сила звучания лада небесной флейты. Выдох неба, ясно различимый за их собственным голосом. И при этом – неспособность, неумение, нежелание расслышать свое *иное*.

***

Прозанимавшись свыше двадцати лет жизни проблемой *понимания*, составитель отдает себе отчет, что понимание как таковое играет исчезающе слабую роль в жизни нашего общества. Но тогда нельзя не признать, что в случае с авторами "Иного" мы сталкиваемся с загадкой. Большинство из них и в научном, и в человеческом плане выглядят более-менее состоявшимися людьми (иные притом вполне состоятельны). У каждого опубликованы запоминающиеся работы, многие ведут успешную педагогическую деятельность, являются создателями и руководителями исследовательских центров, журналов и иных научных и творческих организаций, их работы известны, широко цитируются. Однако, если обратиться к главным идеям указанных авторов, мы столкнемся с поразительным фактом: степень их понимания даже ближайшим окружением, коллегами, представителями той же научной дисциплины или узкой референтной группы, – эта степень близка к нулю. Ситуацию можно рассматривать и как трагическую, и как трагикомичную, но это так. Приходится признать, что жизненные успехи или неудачи, известность и карьера авторов "Иного" практически не связаны с восприятием и общественным признанием их идей. Если бы все упиралось только в проблему понимания, то, вероятнее всего, их ждал бы полный крах, они были бы выброшены на обочину жизни.

Объяснение этого загадочного феномена нужно искать в совершенно других социальных механизмах и сферах общественного устройства. Общество как бы обладает избирательным чутьем на присутствие творческого потенциала, одаренности. Оно достаточно часто выделяет подобных людей и либо истребляет их, либо стремится использовать в своих целях, но при этом – весьма своеобразным способом. Научные коллективы, профессиональные группы, корпорации, кружки и прочие общественные институты словно испытывают некую потребность иметь в своем ядре одного или нескольких людей с явно выраженной одаренностью, – но, заполучив, обволакивают их специфическим социальным коконом, внутри которого тем предназначена роль, чем-то подобная функции матки в муравейнике. Формы социальности, которыми общество пеленает своих гениев, скорее подобны биологическим механизмам

отторжения, обезвреживания и нейтрализации вредоносных элементов, попавших в организм.

По отношению к самим творцам эти оболочки можно рассматривать даже как некие формы социальной компенсации: вместо полноценного понимания автору идеи или концепции подсовываются разнообразные суррогаты и формы "отступного". Общество утешительно премирует их маскарадными, но вполне респектабельными костюмами руководителей научных направлений, редакторов журналов, телепроповедников, популярных публицистов, почетных докторов, академиков, председателей научных советов и т.п.

Муравьи разных социальных муравейников распознают друг друга по признакам, как правило, слабо связанным с содержанием каких бы то ни было "концепций". Поскольку формы разборок между ними связаны с сугубо прозаическими причинами, это приводит творцов, ставших заложниками собственных "команд", к сильнейшим личностным перекосам и травмам. В частности, идеологические игры в "своих" и "чужих" отгораживают творческую личность от иных подобных ей, воздвигают между ними систему кривых зеркал, густо размалевывают их идеи боевой раскраской враждующих сект, школок и группировок.

Одна из целей "Иного" – извлечь ядра авторских идей из подобной скорлупы.

***

Притча Чжуан-цзы о небесной флейте предвосхитила известный опыт из квантовой механики. На пути элементарной частицы – таинственного сгустка первоматерии – устанавливают пластину с несколькими отверстиями. И на глазах у исследователей происходит чудо: "частица" пролетает во все отверстия разом! Корпускула ведет себя как волна, и каждая дыра в пластине, оказавшаяся перед ее фронтом, становится как бы источником вторичного излучения, параметры которого зависят от размеров и формы отверстия.

В образах людей, несущих миру свет идей, в Новое время принято выпячивать, педалировать роль творца и забывать, что *творится*, собственно, форма идеи, содержание же *открывается*:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей....

Но из того, что пророки исполнены единой Волей, вовсе не следует, что они будут говорить одно и то же. Каждое отверстие небесной флейты поет на собственный лад. "Противоречивые суждения о вещах друг друга поддерживают, а если они перестают поддерживать друг друга, следует привести их к равновесию на весах Небес".

Первичный Смысл ("то, что Бог думает о России в вечности", – по известному выражению В.Соловьева) порождает целый веер вторичных идей (то, что мы сами думаем о себе во времени). Идея – проблеск Божий. Но ограниченный общественный разум не в силах преодолеть противоречия между идеями и потому склонен обожествить одну из

них, а все прочие объявить ересью. По мере того как идея теряет первоначальную энергию, она обрастает идеологическими оболочками и пристройками. Идеология – вырождение идеократии. Идея в ней перегорела, погасла.

Традиционным принципом объединения мыслителей и интеллектуалов служила *партийность* – приверженность общей идее. В межчеловеческом пространстве авторов "Иного" витает предчувствие принципиально иной духовной общности: корпорации лиц, осознавших, что они в той или иной мере обладают (не по собственной воле) каналом личного Откровения. Факт Откровения объединяет их вне зависимости от того, в какие именно словесные оболочки они склонны облекать то, что им открывается. Таким мог бы стать несбывшийся союз Вебера с Дюркгеймом. Музыкантов тоже принято объединять по тому признаку, что их инструменты принадлежат, скажем, к "группе струнных". Но альтист может быть бесконечно ближе флейтисту просто потому, что каждый исполняет свою партию в общей симфонии, и оба играют *вдохновенно*.

Многие из мета-пророчеств, представленных в "Ином", вполне могли бы быть эксплицированы, популяризированы и развернуты в полномасштабную идеологию. Но идеология в традиционном ее понимании – последнее из того, что нужно сейчас России. "Иное" – это ширма, сквозь отверстия в которой угадываются контуры смысла наступающего метаисторического периода. И отсутствие, нехватка любого из них может привести к необратимым потерям в самосознании страны, стоящей на пороге перемен.

Пророчества обычно темны и косноязычны... Не стоит питать надежд на успех книги у читателей. Можно сказать и больше: главная задача "Иного", с точки зрения составителя, – в том, чтобы иные из круга авторов вчитались, вдумались в работы других. Результатом может стать цепная реакция огромной духовной мощности, последствия которой трудно переоценить. Главное – будет дан толчок к становлению нового русского самосознания. Необходимо восстановить российский канал к трансцендентному слою бытия. Прорубить окно в Иное.

Что касается установления рациональных соотношений между частными откровениями Смысла – оно может оказаться делом отдаленного будущего.

***

В публицистической статье 1842 года двадцатичетырехлетний младогегельянец Карл Маркс противопоставил расколу отчуждения, "духовному животному царству" – объединение вокруг **святого Гумануса**. Тому, кто отважится на поиски родословной этого святого, дано будет прикоснуться к тайнам...

Неоконченная, точнее, едва начатая поэма Гёте "Тайны" – один из наиболее загадочных памятников европейской культуры. Сам автор придавал огромное значение своему замыслу, за которым, очевидно, стояло поразившее его событие-откровение. Впервые "Тайны" были напечатаны в собрании сочинений Гёте, вышедшем в Лейпциге в 1787 –

1790 гг. Поэма начата 8 августа 1784 года, о чем имеется свидетельство в письмах автора к г-же фон Штейн и Гердеру. В этот день было написано посвящение к ней, помещенное впоследствии автором во главе собрания его стихотворений. Традиция сохраняется и по сей день, – посвящение к "Тайнам" служит как бы напутствием ко всей жизненной работе Гёте.

Но внутренних значений песни этой
Никто во всем не сможет разгадать...

Спустя три десятилетия, 15 ноября 1815 года, некий кружок студентов в Кенигсберге, собиравшийся для чтения и обсуждения поэтических произведений, обратился с письмом к еще здравствовавшему патриарху мировой литературы, прося его, ввиду возникших в кружке споров, дать свое истолкование этому таинственному отрывку. Неожиданно Гёте откликнулся, причем по тем временам весьма оперативно, и написал заметку под заглавием: "Тайны. Фрагмент Гёте", которая была помещена в "Моргенблатт" от 27 апреля 1816 года. Пространный комментарий автора как по объему, так и по содержанию значительно превосходит сам комментируемый фрагмент. Собственно, из опубликованного текста "Тайн" читатель успевает лишь узнать о том, как некий монах, заблудившийся в гористой местности, попадает в приветливую долину, где находит двенадцать таинственных рыцарей. Прочее осталось невоплощенным. Что же именно?

Вслушаемся в тихий голос старого Гёте:

"*Чтобы дать теперь понять мои дальнейшие намерения, а вместе с тем и выяснить и общий план и цель стихотворения, я открою, что имелось в виду провести читателя... через различные области горных, скалистых и утесистых вершин... Мы посетили бы каждого рыцаря-монаха в его жилище и из созерцания климатических и национальных различий узнали бы, что эти отменные мужи собрались сюда со всех концов земли, где каждый из них перед тем чтил Бога на свой лад в тиши*".

"*Читатель заметил бы, что различнейшие образы мыслей и чувств, развиваемые и запечатляемые в человеке атмосферою, страною, народностью, потребностью, привычкой, призваны явиться здесь, на этом месте, воплощенными в выдающихся индивидах, и что здесь находит свое выражение жажда к высшему усовершенствованию, не полному в отдельном лице, но достойно завершающемуся в совместной жизни*".

"*Но для того, чтобы все это стало возможным, они собрались вокруг человека, носящего имя Гуманус; на это бы они не решились, если бы не чувствовали некоторой близости, некоторого сходства с ним*".

"*При этом оказалось бы, что каждая религия в отдельности достигает в известное время высшего расцвета своего и приносит плод свой, и что тогда она сближается с указанным выше верховным вождем и посредником, и даже вполне сходится с ним. Эти эпохи должны были явиться закрепленными и воплощенными в двенадцати представителях так, чтобы каждое признание Бога и добродетели, в каком*

бы удивительном образе оно ни предстало перед нами, являлось нам всегда достойным всякой чести и любви".

"И теперь после долгой совместной жизни Гуманус мог прекрасно покинуть их, ибо дух его воплотился в них всех и, принадлежа всем, не нуждался более в собственной земной оболочке".

***

Предположим, что некоторую страну поразил духовный голод. На ней не сеют трансцендентные зерна истины, блага и красоты, не жнут урожай, не молотят, не свозят его в элеваторы и разнообразные закрома, не мелют муку, не пекут хлеб и не распространяют его тем или иным способом через торговую сеть или систему полевых кухонь. Как известно, чем сильнее духовная дистрофия, тем беспощаднее огонь материальной вражды, который невозможно потушить материальными же средствами. В этой ситуации задачей-максимум является возрождение культуры смыслоделия, возделывания духовной почвы. Но первым шагом должно стать осознание самого факта трансцендентного голода, понимание, что функция духовного питания общества, функция целеполагания разрушена, нуждается в скорейшем восстановлении и институциализации.

Поэтому задача-минимум может состоять в том, чтобы под покровом ночи послать на эту территорию пузатый транспортный самолет и сбросить на парашюте гуманитарную помощь: большой контейнер, в котором в виде консервных банок упакован необходимый минимум концептуального, ценностного, идеального содержания, способного катализировать процесс выхода из духовного тупика. Конечно, никаких гарантий успеха такой миссии быть не может. Вполне возможно, что контейнер упадет в болото, затеряется в джунглях или рухнет на голову туземного вождя. Правда, утешать себя можно тем, что консервы не портятся. И даже если сейчас содержание гуманитарного груза не будет востребовано и усвоено, пройдет какой-то срок (скажем, половина жизни поколения), и ситуация трансцендентной цинги все равно будет осознана. Но вероятность того, что подобного сорта продукт удастся произвести в стране еще через двенадцать лет, несравненно меньше. К тому времени мы скорее всего недосчитались бы по тем или иным причинам большей части авторов "Иного".

И вот в такой постановке задачи дело наконец-то доходит собственно до содержания, то есть качества тех консервов, которые упакованы в контейнер. По глубокому убеждению составителя, комплекс идей, представленных в книге "Иное", с лихвой и даже, может быть, с многократным избытком обеспечивает решение задачи, которая подразумевается: возрождение страны – сначала в духе, а потом во плоти.

***

Взор современного читателя, отрываясь от страниц "Иного", не обнаруживает окрест никаких признаков духа, повсюду натыкаясь на торжествующую плоть. Точнее – подрагивающие от вожделения хвосты

и трясущиеся загривки разномастного зверья, что облепило тушу дохлого мастодонта-СССР. Разлагаясь, "великий и могучий" продолжает служить последним поводом для новейшей "исторической общности". Плоть лежит в ее основе, распространяя весьма специфический дух. Орды трупожорок, лимфососов и прочих ценителей поживы, радостным воем встретившие крылатую фразу "Процесс пошел", теперь, уверенно урча, ведут указанный процесс к логическому концу. Ибо популяция некрофилов разрастается, а падаль, увы, ресурс исчерпаемый.

Сценарии дальнейшего не составляют тайны для мировой политологической мысли. Сначала рвут куски друг у друга, потом – рвут друг друга на куски... Это даже не пресловутый "закон джунглей", ибо он, как известно из Киплинга, гласит: "Мы с тобой одной крови – ты и я!"

Однако Россия никогда не была общностью по крови. А общность по духу, пусть суррогатную, мы утеряли. Что остается? Общие газы?

Население сгрудилось у трубы, по которой в закатную сторону течет, оскудевая, первичное и вторичное сырье; навстречу, снисходительно блестя сникерсными обертками, плывет-сплавляется ширпотребный ленд-лиз.

Черная, вязкая нефть сочится по венам страны. А небесные артерии перерезаны или забиты тромбами.

Но материализм в России мог существовать только как духовное движение. В натуральном виде он шансов не имеет. Тут царство идеализма, доходящего до идиотизма: русский "софтвер" фатально предшествует "хардверу".

Российское имущество, некогда грабительски "обобществленное", теперь по-блатному "приватизировали". Самое же Россию, между делом, не заметив, – выбросили за ненадобностью... В пламени очередных реформ выковывается новый русский: прагматичный, непьющий (нас не проведешь!) Иван-дурак, что вылил драгоценное вино, дабы сдать бутылку. А в приемном пункте с нее содрали ярлык.

Исчезла в пространстве, блин, исчезла! О, русская земля, ты – вечно за холмом, не здесь, незнамо где. Русь – шестая часть небес с названьем кратким... Не делится чудо на душу и плоть.

А потому плоть России, всеобщего "Иного", – всегда и для всех крайняя. Потому изгнание духа оборачивается развоплощением, обрезанием и кромсанием пространств, самоизгнанием. И вновь от "России" остается лишь имя, неистребимый и неотвязный пароль, властно взыскующий из глубины эмигрантских душ позабытого отзыва.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

"Иное" – философский пароход, который возвращается на родину.

Сергей Чернышев
3 мая 1995 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИНОЕ ДАНО
Концепции российских реформ: от обзора — к синтезу

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

АННОТАЦИЯ

В настоящее время, как бы странно это ни звучало, отсутствует удовлетворительный ответ на вопрос, в чем состоит **предмет** российских реформ. Для монетаристской команды реформаторов, например, в качестве такового выступала денежная масса, совокупность ее потоков и узлов, в которых она производится и потребляется. Вне рамок этого чрезвычайно узкого (хотя и важного) аспекта социальной системы реформаторы не имели никаких теоретических моделей и действовали вслепую, чисто эмпирически. В результате достигнутый ими положительный эффект был сведен на нет деструктивными процессами по другим аспектам и подсистемам общественного организма.

Для современного западного общества целостное теоретическое видение предмета не столь существенно, поскольку при ограниченном масштабе и перманентном характере реформ зачастую достаточно точечного, хирургического воздействия в определенных проблемных сферах и узлах, а остальное доделывают присущие обществу силы *самоорганизации.* Однако кризис и масштабы необходимого преобразования российского общества имеют всеобщий характер, а потенциал самоорганизации, и без того незначительный, в основном утрачен. Реформа должна иметь многослойный, многоаспектный, комплексный характер, иначе она просто не идет. Но для российских политических и социальных институтов, претендующих на роль субъекта общественных преобразований, 99% социальной системы остаются как бы невидимыми и неощутимыми. В этих обстоятельствах вопрос *комплексной концепции реформ* приобретает критическую важность.

Цель настоящего проекта – совместить и соотнести в едином культурном пространстве смысловые ядра основных концепций, каждая из которых выделяет в российском обществе как в едином объекте реформ свой специфический предмет. Эти аспектные концепции уже представлены в научной литературе, но не усвоены общественным сознанием и не вовлечены в процесс выработки практических решений. На первом этапе проекта ставится задача установления *перечня основных аспектов предмета российских реформ* и краткого изложения понятийного ядра каждой из аспектных концепций, на втором – задача организации междисциплинарного синтеза[4] с целью реконструировать по этим аспектам структуру *целостного предмета* российских реформ и на третьем – построения на этой основе *комплексных программ* общественных преобразований.

Речь в проекте, таким образом, идет не о написании очередной книги, а о *процессе междисциплинарного синтеза целостной модели российских реформ, организуемого на основе специальной интеллектуальной технологии, – синтеза, в который вовлечены сами создатели аспектных концепций, лидеры направлений, выдающиеся специалисты и оригинальные мыслители.* В повседневной жизни они разделены перегородками научных школ, политическими разногласиями, предрассудкоми и информационными барьерами. Необходима концентрация интеллектуального и духовного потенциала российского общества для того, чтобы оно смогло избежать катастрофы, для ускорения формирования общественного самосознания и запуска механизмов социальной самоорганизации. Ставится также задача привлечь внимание междуна-

[4] Одна из попыток разработать понятийный аппарат для решения этой задачи предпринята в книге автора проекта "Смысл. Периодическая система его элементов" (Москво, 1993 г.).

родного научного сообщества к реальной предметной сложности идущих в России общественных преобразований.

1

После ряда неудачных попыток реализации либерально-монетаристской концепции российских реформ ее сторонники и в руководстве страны, и среди населения остались в меньшинстве. Это новое меньшинство как по своей численности, так и по степени радикальности становится сопоставимым с меньшинством сторонников возврата к модели брежневского "развитого социализма". Весь же промежуточный спектр политических сил, не готовых однозначно солидаризироваться ни с одним из этих противоположных идеологических полюсов, оказался лишенным эксплицитно выраженных концепций преодоления кризиса. Происходит массовое осознание концептуальной пустоты российских "реформ", – впрочем, пустоты, бывшей "секретом Полишинеля" с самого начала т. наз. перестройки.

Означает ли это, однако, что российские реформы фатально обречены двигаться вперед "эмпирически, весьма нерациональным методом проб и ошибок" (по выражению Андропова)?

Исторический опыт российских кризисов и реформ свидетельствует в целом против возможности такого стихийного движения, движения через самопроизвольное "прорастание" конструктивных сил, "складывание" необходимых отношений и "нащупывание" верного направления. Из сложившегося положения наиболее вероятны два выхода: либо реформы, сознательно осуществляемые сверху на основе вполне определенной концепции, – либо прохождение через катастрофу и период "смутного времени". О том же в принципе говорит международный опыт целого ряда кризисов-модернизаций второй половины XX столетия.

В культуре представлен широкий спектр точек зрения на существо переживаемого страной кризиса и пути выхода из него. Некоторые из них доведены до уровня концепций и даже идеологий. Однако они не усвоены общественным сознанием и не включены в процесс принятия политических решений.

Наше общество переживает совершенно уникальный момент, когда на протяжении жизни одного поколения несколько раз меняется парадигма общественного развития и официальная мифология, когда сразу несколько идеологических, экономических и политических концепций не только сосуществуют, но и поочередно получают доступ к средствам массовой информации. В общественном сознании де-факто уже происходит отслоение различных моделей общества от самого общества как такового, и эта "отслойка сетчатки", ставшая мировоззренческой трагедией миллионов, имеет и ту положительную сторону, что акцентирует внимание на устройстве "глаза", которым общество смотрит на самое себя.

Постепенно (а по историческим меркам – стремительно) расширяется концептуальный спектр дискуссии о судьбах нашего общества, растет терпимость и "диапазон приемлемости", по крупицам накапливается методологическая культура. Одним словом, проклюнулась тенденция к зарождению и оформлению ***общественного самосознания***.

Возник и усиливается идейный вакуум, концептуальный и методологический голод, который проявляется в разнообразных формах. Существует во многом осознанная общественная потребность в глубоких, мировоззренческих подходах, в новых, нетрадиционных трактовках переживаемого нами кризиса. Однако этот новый спрос резко контрастирует с убогим уровнем предложения на существующем "рынке политического анализа".

Все это происходит в стране с необычайно мощным (вопреки репрессиям и массовой утечке мозгов) духовным и интеллектуальным потенциалом, со множеством одаренных ученых и специалистов, обладающих высокой культурой мышления.

Для тех, кому действительно есть что сказать, появляется уникальная, крайне редкая возможность не просто прорыва на рынок идей, но и формирования самого этого рынка.

2

В политическом, научном и культурном обиходе сейчас имеет хождение множество различных концепций, моделей и точек зрения, описывающих существо пережи-

ваемого Россией кризиса и пути выхода из него. Среди них – макроэкономические, этатистские, организационно-управленческие (технократические), социально-структурные, этнополитические, конфликтологические, геополитические, концепции "национальных интересов", концепции "зависимого развития", рефлексивные, концепции исторических циклов, "русской идеи" и целый ряд других.

Основная проблема состоит в том, что каждая из групп концепций пользуется своим языком, своим понятийным базисом. Какая-либо связь между ними, как правило, отсутствует. Концепции выступают как самодостаточные, замкнутые, взаимонепроницаемые "монады" Лейбница. Чаще всего носители каждой концепции и не испытывают потребности в каких-либо иных: используемые объяснительные схемы при взгляде "изнутри" выглядят полными, дающими ответы на все мыслимые вопросы. Для моноконцептуального сознания характерны неограниченная экспансия в предметные области других концепций и их редукционистское сведение к собственным объяснительным схемам.

В результате сегодня любые программы "выхода из кризиса" (как и ранее – программы "ускорения и перестройки") обречены на один из двух печальных исходов. Либо они строятся на базе только одной из всего спектра концепций, и тогда, даже обладая внутренней целостностью и логической последовательностью, они терпят неизбежную неудачу из-за односторонности: вместо системного объекта они имеют дело с его частным аспектом. Либо же они представляют собой эклектический набор разнообразных рекомендаций, которые вытекают из представлений и логики нескольких различных концепций. Но даже будучи помещены в единый "список мероприятий", они по существу не перестают быть написанными на разных языках, взаимонепроницаемыми, противоречащими друг другу. Поэтому составление таких "комплексных программ" оставляет открытым главный вопрос: что с ними делать дальше?

Таким образом, и поныне социальные реформаторы обречены двигаться вперед "эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок". Мобилизовать научный, культурный, духовный потенциал общества для осуществления его сознательных преобразований не удается.

3

Теоретические разработки, направленные на построение "конфигураторов" – моделей, адекватно синтезирующих две и более концепции, с разных сторон описывающие общий объект, – ведутся несколько десятилетий в русле системного движения. Однако применительно к тем широким классам концепций, о которых шла речь выше, ни одна из этих разработок еще не доведена до уровня практического использования.

Процесс междисциплинарного синтеза различных концепций и подходов на сегодня остается неформализуемым, интуитивным, осуществляемым отдельными творческими личностями, недоступным для планового подхода и коллективных усилий. Одним из главных условий – и одновременно ограничений – здесь является то, что для осуществления такого синтеза от личности требуется одинаково глубокое и творческое владение сразу несколькими концепциями. Такие качества встречаются реже и достигаются труднее, чем свободное владение двумя языками на уровне родного.

Выходом явилась бы специальная технология творческого содержательного общения специалистов – носителей отдельных концепций, которая бы позволила не только облегчить и ускорить их взаимопонимание, но и "объективировать" процесс междисциплинарного синтеза, как бы вынести его в интеллектуальное и духовное пространство, возникающее между участниками диалога.

Основы такой "мягкой" технологии концептуального синтеза с конца 80-х годов разрабатывал и практически использовал в своей деятельности интеллектуальный клуб "Гуманус". На базе этой технологии с конца 1992 года были развернуты подготовительные работы по проекту **"Концепции российских реформ. От обзора – к синтезу"**. Они осуществлялись на базе аналитического клуба Внешнеполитической ассоциации ("ГРУППА БЕССМЕРТНЫХ") при поддержке Фонда "За выживание и развитие человечества".

Важным самостоятельным предметом является вопрос о том, сколько вообще существует независимых концепций, сопоставимых с рассматриваемым предметом (истоки, характер переживаемого обществом кризиса и пути выхода из него), каковы

происхождение этого концептуального разнообразия и природа отношений между единичными концепциями. Иными словами, речь идет о классификации "эйдосов" (по Платону) или идеальных типов (по Веберу). В культуре представлен ряд попыток ответа на этот вопрос как применительно к различным сферам знания (в периодической системе Менделеева или в "Архитектуре математики" Н.Бурбаки), так и в целом – в различных версиях общей теории систем как метатеории.

Однако на первом этапе настоящего проекта вполне можно начать с эмпирического перечня единичных концепций. По мере развития работ по проекту он может пополняться, к примеру, через экспертный опрос по методу "снежного кома", где в качестве исходной группы экспертов могут выступить авторы, уже вовлеченные в проект.

4

Междисциплинарное общение имеет шанс принести плоды только в том случае, если в нем участвуют *не пользователи, а создатели концептуальных схем*, то есть ученые, активно включенные в творческий процесс формирования новых понятий и познавательных моделей своей дисциплины. При этом бесполезно делать ставку как на крепких "середняков", так и на известных профессионалов-предметников с устоявшимся мировоззрением, пусть даже с мировым именем. Характеристики потенциального участника такой работы должны быть совершенно иными.

Это чаще всего сравнительно молодой (хотя нет правил без исключений) "носитель концепции", – уже состоявшийся в человеческом и профессиональном плане обществовед максимально широкого профиля и эрудиции, находящийся на пороге или в процессе формулирования и изложения своей "заветной идеи", главной работы всей жизни, – открытый для диалога, имеющий навык творческой работы в коллективе, способность к ясному изложению своих и восприятию чужих идей (а в идеале – журналистскую или литературную практику) и самое главное – мощный интеллектуальный потенциал.

Как правило, инноватор, создатель новых понятийных схем (в отличие от "ординарного" ученого), в человеческом отношении – далеко не подарок. Несносный характер, сомнительные вкусы, диковинные политические взгляды, эгоизм, непомерное честолюбие, подозрительность, деспотический нрав, многочисленные странности и комплексы – вот лишь некоторые стандартные элементы соответствующего джентльменского набора. Но тут уж приходится выбирать. Единственный способ бороться с этим – терпение. Результат искупает все жертвы. Да и для самих обладателей указанного "набора" единственное лекарство – регулярное творческое общение с себе подобными. Поэтому, как представляется, при конкурсном отборе личностный момент должен быть снят – главным, если не единственным критерием должен стать *творческий потенциал кандидата*, оцениваемый "по гамбургскому счету".

Мотивы, по которым тот или иной автор может быть заинтересован участвовать в проекте, весьма разнообразны. Их упорядоченный перечень в общих чертах примерно таков:

– регулярное неформальное общение с людьми "своего" интеллектуального и духовного уровня;

– возможность дополнить до междисциплинарной целостности сферу своих профессиональных знаний, быстро получить ориентацию в новых областях и ответы на возникающие вопросы;

– возможность предварительной обкатки собственных идей на ранней стадии их формирования перед пользующейся доверием, благожелательной аудиторией;

– возможность ассоциировать собственную деятельность с работой интеллектуального центра, занимающегося социально значимой деятельностью и имеющего шансы приобрести известность и высокий общественный статус;

– наличие прямых регулярных каналов доведения результатов аналитической деятельности до руководства страны и общественного мнения;

– сотрудничество с максимально независимой организацией, которая обладает неиспорченной репутацией и не ассоциируется с какой бы то ни было обязывающей политической или идеологической платформой;

– свободные и политически необременительные контакты в ее рамках с талантливыми аналитиками любой партийно-политической, конфессиональной, идеологической принадлежности или ориентации;
– индивидуальный выбор из широкого спектра возможных форм участия в работе центра при сохранении взятых на себя обязательств перед другими организациями;

– общая "корпоративная" заинтересованность в производстве совместного интеллектуального продукта в сочетании с обеспечением во всех необходимых случаях индивидуальных и групповых авторских прав на его соответствующие части;
– короткий и эффективный путь (за счет специальной технологии работы) от "озвучивания" идеи до получения отредактированного текста, готового к печати;

– относительно высокое (по сравнению с затрачиваемым временем) материальное вознаграждение, позволяющее освободиться хотя бы от части нетворческих усилий по поддержанию жизненного уровня;
– возможность в интересах совместной работы свободно пользоваться компьютерной и печатно-множительной техникой, информацией и другими услугами.

Технология деятельности, организационная форма и правовой статус работы над проектом должны в максимальной степени учитывать эту систему мотиваций.

5

Предполагается на протяжении 1994 года провести в рамках проекта работу по его первому этапу: систематический обзор, обсуждение и первоначальное соотнесение основных концепций кризиса и реформ в России.

По итогам предполагается издать состоящую из трех разделов книгу общим объемом в 40 – 50 п. л. под условным названием "ИНОЕ ДАНО. Концепции российских реформ: от обзора – к синтезу".

Идея книги "Иное дано" не накладывает на входящие в ее состав работы каких-либо политических, идеологических и – шире говоря – содержательных ограничений. Не требуется "вписываться" в какую бы то ни было концепцию или общий замысел. Не требуется ни солидаризироваться с кем-то из других авторов, ни отмежевываться от них. Более того, на первом этапе проекта, результатом которого и должна стать эта книга, каждому из авторов вообще желательно в максимально возможной степени игнорировать других.

Ограничения, вытекающие из идеи книги, имеют скорее *жанровый* характер. Каждая из статей должна как можно более выпукло и емко представить одну-единственную концепцию и основанную на ней точку зрения на истоки, характер переживаемого страной кризиса и пути выхода из него. От автора требуется максимум методологической культуры, чтобы представить соответствующий "эйдос" в монохроматически чистом виде, выделить его понятийное ядро и оболочку важнейших следствий в их логической взаимосвязи. С другой стороны, при этом желательно временно выключить рефлексивный, методологический, метатеоретический слой личности автора, снять апелляции к другим теориям и оценки, не вытекающие из внутренней логики самой излагаемой концепции, – то есть как бы отождествить себя с ней, превратиться в ее глашатая.

Конечно, нет правил без исключений. Обращения вовне, в том числе критические, могут понадобиться, чтобы в ограниченном объеме статьи более выпукло и емко обрисовать основные положения и подчеркнуть новизну или уникальность концепции. В особых случаях, когда концепция представляет собой некий "анти...изм" (...все беды России проистекают из "...изма", присущего славянам либо занесенного еще варягами, татарами или масонами; в настоящее время "...изм" правит бал; преодоление либо истребление "...изма" будет означать решение всех проблем...), критическое обращение к соответствующему "...изму" становится неизбежным. Мысль здесь состоит в том, что критика каких бы то ни было взглядов, концепций и идеалов, сколь угодно блистательная и остроумная, *в качестве самоцели* не представляет никакого интереса для книги "Иное дано". В том числе не требуется критика концепции, ассоциирующейся с известным сборником "Иного не дано", напротив, крайне желательно

максимально яркое и адекватное изложение этой концепции наряду с другими. Проблема, видимо, не в том, что та или иная концепция порочна сама по себе, а в том, что российское общество не вмещается во вполне определенные рамки единичной теории.

Основания для выделения в структуре книги первых трех разделов кратко изложены в моем отчете Интерцентру о работе по проекту "Субъект социальной деятельности: индивид или общество? (Вебер против Дюркгейма)".

Предметная социология (другие возможные названия – социология *бытия*, рациональная, "социология факта" и т.п.) рассматривает мир устоявшихся, ставших, застывших форм деятельности, выступающих, в свою очередь, как предмет и средство для других форм деятельности. Например, она может изучать устройство и функционирование автомобиля, сеть дорог, технологию, организацию и свод правовой регламентации движения по ним. *Субъектная* социология (социология *сущности*) должна рассматривать субъекта социальной деятельности с точки зрения его способности рационально-практически соотнести идеальную цель с предметом и средствами ее достижения: проложить маршрут с помощью "Атласа автомобильных дорог", адекватно реагировать на знаки и дорожную ситуацию, доставать ногой до педалей управления и достаточно быстро поворачивать руль. Наконец, *идеальная* социология (социология *понятия*, "социология смысла", "социология духа") рассматривает вопросы о возможных целях и идеальных качествах езды на автомобилях, бытующих в формах общественного сознания: таких, как "поездка к морю", "престижная модель", "гонки", "безаварийная езда" и т.п.

Более сильные средства упорядочения и классификации концепций целесообразно привлекать на последующих этапах работы, чтобы не вносить в эмпирический материал раньше времени априорных конструкций.

Работа по проекту в целом рассчитана на несколько лет. Ее намечается осуществлять по следующим этапам:

I этап: Краткое изложение базовых концепций кризиса, переживаемого Россией, и путей выхода из него (первый год работы).

II этап: Изложение базовых концепций в новой редакции, при которой выявляются основные линии и узлы их взаимозависимости. На этом этапе также возможно добавление новых концепций, первичный обзор и систематизация всего множества подобных концепций и моделей в виде некоторой "периодической таблицы".

III этап: Третья редакция базовых и дополнительных концепций, в которой намечаются пути их синтеза и основные контуры комплексной программы реформ, а также вводятся некоторые представления о технологии и специальных средствах воплощения в жизнь подобных многоаспектных программ (эти представления можно изложить в форме "Требований к субъекту реформ, его интеллектуальному, организационному и технологическому оснащению").

Представляется, что уже результаты первого этапа работ, несмотря на их предварительный характер, могут сыграть полезную роль в формировании адекватного общественного самосознания, способствовать разработке стратегии выхода страны из кризиса.

С.Чернышев,
президент клуба "Гуманус",
главный советник Внешнеполитической ассоциации.

Апрель 1993 г.

О КЛУБЕ "ГУМАНУС" (Справка)

Святой Гуманус – герой неоконченной поэмы Гёте "Тайны", в которой автор стремился выразить идею-мечту о синтезе всех религиозных, культурных, научных ценностей, накопленных народами на протяжении всемирной истории. Введение к этой поэме, согласно завещанию Гёте, неизменно помещается в начале всех изданий его поэтических произведений.

Клуб "Гуманус" учрежден в 1989 году группой обществоведов широкого профиля, принадлежащих в основном к среднему и младшему поколениям. В их число входят философы, социологи, экономисты, юристы, историки, культурологи, политологи, представители управленческой науки и теории систем. В деятельности клуба участвуют не только ученые, но и общественные деятели, политики, предприниматели, журналисты, писатели, религиозные деятели. Среди них – люди не просто различных, но часто и противоположных политических взглядов и убеждений. Клуб не имеет устава и не является юридическим лицом.

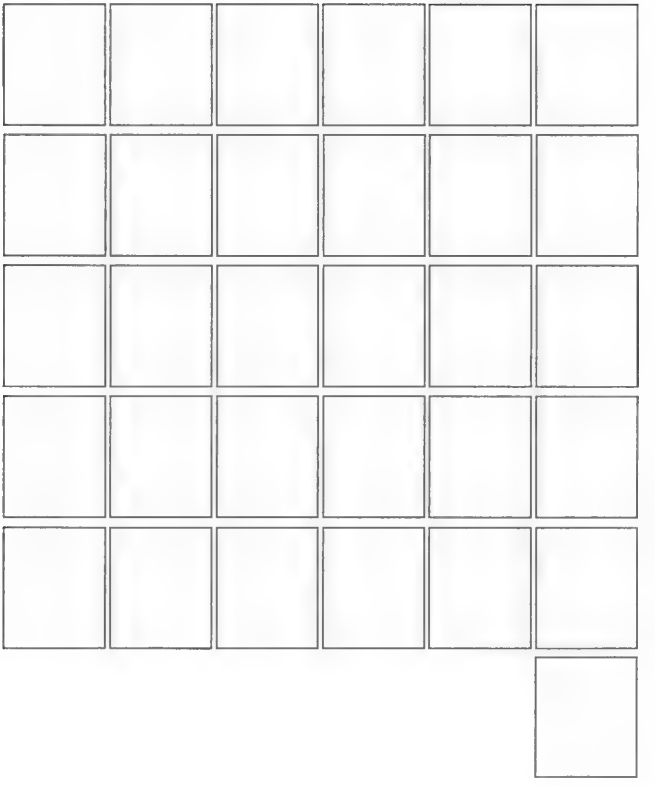
Некоторые идеи, положенные в основу создания клуба, основные цели и направления его деятельности изложены в книге "Второе пришествие" (М., 1991 г.).

В основе интеллектуальной технологии клуба "Гуманус" – организация регулярных тематических обсуждений, проводимых в форме, максимально приближенной к свободной дискуссии. Полные стенограммы обсуждений оперативно расшифровываются, редактируются и вручаются всем их участникам. На базе изучения этих текстов организуются повторные, углубленные обсуждения (при необходимости – с приглашением специалистов), которые также записываются и расшифровываются. Затем, на основе полученных материалов, творческая группа из числа участников обсуждений готовит интеллектуальный продукт, включающий авторские доклады, основные идеи дискуссии и совместное резюме обсуждений.

В 1990 году клуб получил в качестве гранта от Фонда Сороса оборудование для своей деятельности. Среди тем, подвергавшихся рассмотрению в 1989 – 1991 гг., "Марксизм и колбаса", "Творец и творчество в русской культуре", "Славянороссы и жидомасоны", "Ленин – взгляд из XXI века", "Инакомыслие в России", "Терроризм", "Распад СССР и международная безопасность" (доклад клубу по этой теме был представлен корпорацией RAND), "Воскрешение российской государственности", "Евразийство" и ряд других. Гостями клуба были Григорий Бакланов, Даниил Гранин, Татьяна Заславская, Борис Раушенбах, а также экономист Борис Пинскер, писатель и журналист Александр Проханов, западные исследователи Теодор Шанин (Манчестерский университет, Великобритания), Джереми Азраел (RAND, США), Александр Рар (Исследовательский центр Радио "Свобода", Мюнхен), Юрий Ярым-Агаев (один из основателей Хельсинкской группы, ныне проживает в США).

С 1991 г. по предложению президента Внешнеполитической ассоциации А.Бессмертных члены клуба принимают участие в организации и деятельности аналитического клуба "ГРУППА БЕССМЕРТНЫХ" при ВПА, в работе которого использовалась и получила дальнейшее прикладное развитие интеллектуальная технология "Гумануса".

ИНЫЕ
(Об авторах
"Хрестоматии нового
российского самосознания")



Сборник материалов об авторах работ, вошедших в «Иное».

АУТСАЙДЕР – ЧЕЛОВЕК ВОПРОСА*

Михаил Яковлевич Гефтер

Легко ли представлять того, кто сам бесконечно задает себе уязвимый вопрос "Я – кто?", бьется над ним, доискивается то одного, то иного ответа и вдруг неожиданно выпаливает: "Я – кто? Если "чистосердечно", как предлагают следователи и интервьюеры, – никто. Никто в том самом смысле, для какого лишние все акты гражданского состояния, а решение о принадлежности выносят первое произнесенное слово и последняя из сокрушенных надежд". Когда истаивают надежды, остается, быть может, единое прибежище – в аутсайдерство и естественнейшее одиночество – в вопросах. Как, видимо, прав Михаил Яковлевич, полагая, что самое главное определение человека – "существо, которое спрашивает...".

И он весь оброс колючками-вопросами, возможность ответов на которые – облачком истаивающая видимость.

Одни говорят о Гефтере – пифия, другие – аналитик, выдающийся историк, блистательный эссеист. Иные ворчат, что, не заботясь о ясности смысла, он надстраивает над фактами столь мудреную "полосу интеллектуального отчуждения", что поди догадайся, о чем вовсе толкует. Некто в печати подметно возмущается, что столько эфирного времени предоставляют Гефтеру с его-то "бессодержательной риторикой". А иным его слова – роскошь, пир непохожести на прочих, всех, даже суперизысканных.

Когда после 20-летнего непечатанья вышло в 1987 г. его интервью Г.Павловскому "Надо ли нас бояться", за подписью Чебрикова понеслось Горбачеву донесение: "Кажется странным новый тезис, выдвигаемый историком Гефтером при оценке уже не "культа личности", а "системы Сталина"... Тогдашние верхи, почуяв новое, неведомое инакомыслие, насторожились. Но и при новой власти, в последнем по времени публичном доносе (газета "Сегодня", август 94-го) Гефтера усердно

---

* Эти заметки написаны о живом Гефтере. Работа, подготовленная им для "Иного", еще хранит тепло его рук, следы бесчисленных правок и дополнений, которые Михаил Яковлевич продолжал вносить буквально накануне рокового инфаркта.

уличали в бессодержательности, вменяли, что "исторических трудов его никто не читал, научных заслуг никто не припомнит, ибо трудов и заслуг у него нет". И под хлестким заголовком "О том, чего нет".

Попробуем иначе – не о том, **кто**, а о том, чему с ним "пришлось случиться", вернее, даже о малюсенькой толике того, что для него "пришлось" (тем более, что выражение из гефтеровских любимых).

Гефтер – человек, которого постигла непростая участь. Он добрался до признания исчерпанности-завершенности того, что привык считать делом своей жизни. Горькое прозрение, трудное для выговаривания, почти непосильное для внятного изложения. Обретая себя, становился все менее *понятным*, оказывался производителем заметок, фрагментов, обрывков. Так он многими годами прорывался к **слову**, коим удалось бы передать, к **чему** пришел в мучительных спорах с собой и со спасительными догмами, **что** извлек из опыта собственного "погубленного" поколения, возведя сомнение в принцип и доискавшись до Вопроса как способа постижения Мира в пору абсурда. К *языку-алфавиту*, на котором можно изъяснить добытое проникновением в кромешности начал истории и расслышанное им на исходе второго тысячелетия "...эхо падения Pax Romana и мученических родов человечества: тогда еще замысла, выговариваемого безумными словами. Эпоха за эпохой испытывали катакомбный Проект на осуществимость и на человечность, выяснив, что нет ни заданной совместимости того и другого, ни предрешенного разлада между ними. А есть путь и срок, образующие особое "тело" – *историю*. Когда мы спрашиваем себя: "Не покидает ли нынешний мир **идея человечества как единственного единства**, оставляя пустоту, в которую ворвалась стихия этноса, ярость "своего", непримиримость новоявленных сект?" – мы тем самым спрашиваем: "Не оборвалась ли История, конченная без завершения?"

Так все же – историк ли? Такой профессии (как и такому сомнению) нельзя обучиться (даже окончив в 41-м сильный своими кадрами исторический факультет Московского университета). Об это надо расшибиться. Многие из близких людей огибали эти валуны, разбросанные по дорожке судьбы. Да и сам Гефтер, после контузии и ранений списанный на гражданку, до поры двигался по накатанному руслу: помощник секретаря ЦК ВЛКСМ, аспирантура с прекрасным руководителем А.Л.Сидоровым, защита, место в академическом Институте истории, авторитет и достижимый замысел создания комплексного сектора методологии истории... Какой же подвернувшийся камешек превратился в лавину, накрывшую целиком и перемоловшую так, что прежнего не собрать? Либо – в никуда, либо – в новое "Я". Видимо, камень-провокатор наращивался, как нарастает кристалл в перенасыщенном растворе.

Как строить Всемирную историю, ту, что и по сей день самая толстая из отечественных и самая *всеобщая*? А что такое "*все*-мирная", то же ли, что и "*все*-общая"? Если история **возникает**, то было время, когда ее не было? И что такое она? Все на свете, упорядоченное в хронологической последовательности? Нет, тогда – реестр, каковой, ежели

каноничен, то лжив. Историй же, по идее, множество, и они – суть работа человека с самопониманием, реконструкция собственного былого. А оно что такое, прошлое? Равнозначное "тому, что было"? Но в зависимости от задачи формируются наиразличнейшие **было**, подправленные ретроспективными воссозданиями истоков и логик событий. А поправки – вне законов и программ – неожиданность человека, многозначнейший факт поступка...

На **поступке** – акцент и закавыка. От чаадаевского "Неужто надо непременно делать дела, чтобы делать дело?" протянулось размышление о философии поступка и метафизике Дела. Но не подкрепленное *собою* любо-мудрствование оставалось пустопорожним. Реальные поступки – добровольный уход на пенсию после разгона сектора (1976), выход из партии (1982), открытые, собственным именем подписанные публикации в самиздате, обращения к коллегам-историкам, к Генеральному прокурору в защиту молодых друзей – слагаемые своего Дела. И сквозь такую призму и статьи, и горы черновиков, и рукописи неизданных книг, бесчисленные записные книжки, сотни лекций, читанных подчас единственному слушателю, – лишь одна из ипостасей, быть может, существеннейшая, но одна. А другие?

Порой способы доработаться до сути вопроса внешне казались сродни играм в "исторические песочницы". Марк Печерский, ученик из талантливейших, завороженно наблюдал, как Гефтер "построит фигуру, смахнет, построит другую, смахнет; казалось, он может играть до бесконечности... Поначалу я совершенно его не понимал, да и немудрено было! "Старик" в день нарабатывал с десяток великолепных идей, затем день, другой записывал, рылся в книгах, после чего... небрежно их оставлял и переходил к другой паре дюжин, надуманных за дни писания и копания в книгах". Быть может, так отрабатывался метод вероятностного "будущего прошлого", позволяющий видоизменить самый подход к **событию**. Не движение из знаемого следствия к истокам происшедшего, но очистка от наслоения позднейших домыслов и интерпретаций. Выстраивание минувшего возвращением ему всех брошенных по пути возможностей и альтернатив, выравнивание (в идеале) всех, ушедших навсегда, нынешним интересом к ним и презумпцией величия каждой в случае самоосуществления.

А как же с собственной нереализованностью? Отчего столько брошенных крупных и малых разработок, статей и книг? Быть может, в том загвоздка, что вместо глагола "начать" он предпочитает иной – "начаться", и сам делает это вновь и вновь. А наработанное по ходу вгрызания в глубь Вопроса кажется ему не столь уж заманчивым...

В недавней телесъемке о людях гефтеровского поколения режиссер задала вопрос: "Что в Вашем понимании мудрость?". В тот момент меняли кассету, камеру не успели включить, а он живо отозвался поразившим меня афоризмом: "Мудрость – это молодость предуходного времени". Вот так, молниеносно, с естеством дыхания. И – бездны...

Е.Высочина

КОРНИ ИНАКОСТИ
Теодор Шанин

Теодор Шанин родился в 1930 году в Вильно. Окончив в 1951 году колледж социальной работы, занимался профессиональной деятельностью по специальности. В 1959 году вернулся к учебе и окончил в 1963-м отделение социологии и экономики Иерусалимского университета. С 1965-го преподаватель Шеффилдского университета. В 1970-м защитил докторскую диссертацию (PhD) по социологии в Бирмингемском университете, тема – "Циклическая мобильность и политическое сознание русского крестьянства: 1910 – 1925 гг.". С 1974 года – профессор, заведующий кафедрой социологии Манчестерского университета. В 1990 году избран почетным академиком ВАСХНИЛ. Имеет семью: жена, две дочери.

Шанин – один из основателей западного крестьяноведения, составитель классической хрестоматии "Крестьяне и крестьянские общества", выдержавшей много переизданий, ставшей базовым учебником по этой теме. Первая из целого ряда его научных монографий – "Неудобный класс" (1972) посвящена русскому крестьянству. Впрочем, крестьяноведение – одно из направлений научной деятельности. Он сыграл важную роль в развитии исследований "Третьего мира" 1960 – 1970-х гг. и связанной с этим глобальной реконструкции мировоззрения западных общественных наук. Другие направления его научной работы: теория познания, методология социальных наук, история, историческая социология, социальная экономика и политология.

Главная особенность его метода – междисциплинарность, комбинация научных тем и методов – "стыки" социологии с историей, философией, экономикой и политической наукой. Шанин – не только кабинетный ученый. Он проводил исследования, в том числе и полевые, в Иране, Индии, Мексике, Танзании, Польше, Венгрии, России.

Шанин и Россия – отдельная тема. Не только книги и статьи, но нечто большее посвятил он этой стране... С конца восьмидесятых годов Шанин принимает активное участие в процессе организационной перестройки общественных наук в России. Его первым начинанием в этом направлении стала организация совместно с академиком Заславской

трех школ по переподготовке молодых советских социологов в Манчестере и Кенте (1989 – 1991 гг.).

С 1987 года Шанин начинает выступать в российской печати и перед различными аудиториями по вопросам развития сельского хозяйства, а также общей историографии России. В 1988 году – году столетия А.В. Чаянова – на заседании ВАСХНИЛ им был прочитан первый после шестидесятилетнего молчания доклад об огромном значении наследия школы Чаянова, традиции российской аграрной науки доколлективизационного периода не только для истории, но и для современности. Вместе с академиком Никоновым Шанин проводит первый международный съезд ученых-аграрников в Москве.

Чтобы понять, что происходило и происходит в русском селе, в качестве шага в возрождении российской крестьяноведческой традиции Шанин в 1991-м начинает трехлетнее социологическое исследование российского крестьянства. В семнадцати регионах бывшего СССР группы исследователей-социологов, по 8 месяцев проживая и работая в селе, изучали историю деревень, сельских семей и бюджеты крестьянских хозяйств. Один из крестьян, приглядевшись к тому, чем занимаются крестьяноведы, сказал так: "Пятьдесят лет мы вас ждали: тридцать лет мы боялись говорить, и двадцать лет нас никто не слушал".

Несмотря на необыкновенные потрясения "исследовательского поля" (работа начиналась в СССР, а окончилась в семи государствах СНГ), проект успешно завершен. Новое социологическое исследование русской деревни развертывается в 1995 году.

Другое детище организационной работы Шанина в России – создание российско-английского университета, который решено назвать скромно – Московская школа социально-экономических наук. На ее первых факультетах: права, экономики, социологии и социальной работы специально подготовленными российскими и английскими преподавателями с осени 1995 г. будет даваться последипломное двухгодичное образование. И уже два года как существует Междисциплинарный академический центр социальных наук ("Интерцентр") в качестве научной основы создаваемого университета. За это время Интерцентр поддержал серию перспективных научных проектов и публикаций, провел два международных симпозиума под названием "Куда идет Россия".

Наконец, много сил отдал Шанин работе и руководству в программе "Обновление гуманитарного образования в России" международного фонда "Культурная инициатива". Реальная отдача – уже изданные сотни новых, оригинальных книг и учебников, написанных русскими авторами для учащихся от дошкольников до студентов.

Весь этот период Теодор Шанин умудрялся частично продолжать свою преподавательскую работу в Манчестерском университете.

Суммировать идеи и работы Шанина здесь невозможно, но всем им присуще стремление преодолеть упрощенчество всеобщих теорий прогресса и "окончательных" быстрых решений. Здесь чувствуется влияние ученых, которых Шанин считает своими учителями: Миллса, Блоха, Суизи, Чаянова.

По Шанину, Россия – страна, оказавшаяся уже в начале XX века в ситуации, которая к концу века стала типичной для так называемых стран Третьего мира. В этом смысле Россия стала исторически первой страной Третьего мира. Однажды на просьбу сформулировать краткое определение "развивающегося общества" Теодор Шанин ответил: "Это страна, которая "не развивается", то есть не развивается согласно ожиданиям теории прогресса; это страна, чье развитие заблокировано внешними силами и внутренними факторами". Это принципиальный мировоззренческий вопрос: имеется ли однозначно магистральное направление прогрессивного развития истории, по которому с большей или меньшей скоростью, различной степенью успеха движутся народы, а с "отстающими" поступают по армейской поговорке: "не может – научим, не хочет – заставим"? Или же мир принципиально разнонаправлен, и в каждой конкретной ситуации от индивида и общества требуется новое продумывание действия, совершение открытия, а не следование модному или привычному шаблону?

Шанин – сторонник признания разнонаправленности, противоречивой сложности мира. Одно из его научных выступлений (чей заголовок возник в полемике с западными прогрессистами и советскими коллегами, ратовавшими за безошибочно верный переход СССР на путь демократии и прогресса западного типа под девизом "Иного не дано!") было озаглавлено: "*Иное всегда дано!*" В этом переосмыслении мира в конце 80-х годов им была выдвинута модель *эксполярных форм* – форм существования общества, не вписывающихся в привычные схемы теоретической науки и соответствующей ей социально-экономической политики. Эксполярные формы (эксполярные – вне полюсов рынка и государства, а следовательно, и вне доминирующих схем) – семейное хозяйство, межсемейная кооперация, вторичная занятость, свободная индивидуальная деятельность, в некоторых аспектах теневая экономика – все это в стандартных политикоэкономических курсах принято считать чем-то не очень существенным, бесперспективным, чем можно пренебречь. Именно это вызывает возражения Теодора Шанина. Те общества, в которых создаются возможности и благоприятные условия для разнообразия общественных форм, в том числе и эксполярных, обладают способностью более динамичного и благоприятного развития. По Шанину, то, что "маргинально", и следует изучать в первую очередь.

По умению видеть парадоксальную сложность и неопределенность мира его можно было бы отнести к представителям постмодернизма, – и все же при этом крупно ошибиться, ибо сам Шанин так отозвался о постмодернистах: "Они очень хорошо показывают, что у нас в познании и в жизни не получилось, а далее делают вывод, что ничего у нас и не может получиться. Вот с этим-то я и не согласен. Невозможного нет. Есть только трудное".

Марксист Антонио Грамши призывал к "пессимизму интеллекта и оптимизму воли". Христианский гуманист Альберт Швейцер сказал: "Мое мышление пессимистично, моя воля оптимистична". Этот постулат и эти человеческие характеры – хорошая основа для понимания как мировоззрения, так и личности Теодора Шанина.

ОТ ЭТНОСА К НАЦИИ: РУССКИЙ ДОЛГОСТРОЙ

Ксения Касьянова

Общая слава в прошлом и общая воля в настоящем. Воспоминание о совершенных великих делах и готовность к дальнейшим. Позади наследие славы и раскаяния, впереди – общая программа действий... Ксения Касьянова напоминает эту "формулу Ренана", описывающую процесс складывания нации.

Принято считать, что "нация" – это определенная фаза в развитии "этноса". В праве быть ярко выраженным этносом с древней и оригинальной культурой русским, кажется, никто не отказывает. Но сложились ли мы в нацию? Или находимся, говоря словами Герцена, на "донациональном уровне"?

"Пока еще не нация" – заключает свой анализ Касьянова. Пока еще только материал для грядущего складывания. В принципе, дело может кончиться и ассимиляцией русских, разворовыванием материала. Чтобы этого не произошло, нужна идея "борьбы за...", нужен четкий строительный проект. Без него создание нашей нации превращается в долгострой. По мнению автора, разработка этого проекта и есть задача настоящего момента.

...Ксения Касьянова (это псевдоним) родилась в Сибири, в семье профессионального военного. Закончила Ленинградский университет. По специальности – историк.

С начала 70-х годов Касьянова участвовала в правозащитном движении. В частном порядке проводила социологические исследования, ставшие основой ее книги "О русском национальном характере" (закончена в 1983 году, издана в 1994-м: М., Институт национальной модели экономики). Автором, в частности, использовался американский тест MMPI – Миннесотский многофакторный личностный опросник. Ксения Петровна сопоставляла графики, построенные на основании опросов американского и советского населения, и интерпретировала расхождения "средних".

Слово самой К.Касьяновой:

"Я сравнила среднюю выборку, сделанную мною, со средней американской. Удивило расхождение на некоторых шкалах. Повесила на стену график – длинный, в 127 шкал. Попыталась интерпретировать

эти расхождения. Постепенно начала складываться концепция... Собранный материал был никому не нужен, и даже опасен для автора. А книга, кажется, получилась. Правда, не совсем по социологии, а скорее по этнопсихологии. К началу работы над книгой было опрошено 165 человек. Сейчас у меня на руках около тысячи тестов (этого вполне достаточно для психологической выборки). Когда мы недавно вывели "среднюю", она оказалась настолько близка к использованной в книге, словно между опросом 165 и 1000 респондентов нет никакой разницы.

Тестированием я начала заниматься во второй половине 70-х. Материал скапливался, как снежный ком, порой анкеты неведомыми мне путями попадали в дальние дали и возвращались уже заполненными. Я перезнакомилась с массой людей. Пыталась вскрыть корень их внутренних проблем. Сопоставив уровень притязаний, социальных навыков, других факторов, можно было сделать определенные выводы и чем-то помочь.

Национальный характер не опишешь только в терминах социологии. Тест не всесилен. Тем не менее, полученных с его помощью данных вполне достаточно, чтобы показать, чем мы, русские, отличаемся от американцев. Многим разительно отличаемся. В частности, наши исконные черты характера – довольно "нерыночного" типа. Едва ли мы сможем полностью перестроиться "под рынок". Сам рынок нужно приспосабливать. Под нас.

Национальный характер не есть чисто природное, стихийное явление, он – слагаемое генотипа и культуры. Культура адаптирует генотип к социальному окружению. Сама культура мне представляется ядром, окруженным концентрическими периферийными сферами. Периферийная сфера (например, простейшие нормы поведения) может подвергаться изменениям, но чем ближе к центру – тем больше стабильности. К ценностному ядру я отнесла бы, например, свободу, независимость. Человек выбирает свой путь к свободе – скажем, через знание. Знание становится ценностью, но "промежуточной", звеном к ценностям более высокого порядка. К ядру в русской культуре я причислила бы и бескорыстие.

Теперь я на пенсии. Очень грустно – сейчас есть все возможности заниматься социологической работой...

Существующие политические партии меня не устраивают – все. Я бы принадлежала к какой-нибудь партии националистического толка, но весьма умеренной ориентации. Такой нет. А те, которые есть, обычно связывают судьбу русской нации с имперской формой государственности. Я думаю, империю нельзя вернуть, мы, подобно другим бывшим империям, начинаем переход к национальному государству. Когда этнос переходит в стадию нации, связи в обществе уже образуются не по крови, и даже не по территории, а по культуре и системе ценностей. Отсюда – вывод, который, полагаю, взбесит всех русских националистов: тот, кто признает ценности и разделяет культуру народа, и есть русский".

"ИНТЕРЕСНО НАХОДИТЬ НЕ ТО, ЧТО ИЩЕШЬ"
Эдуард Сальманович Кульпин

Кто мы?

Если мы – Запад, то без особых проблем двинемся вслед за развитыми странами европейской цивилизации. Рецепты реформ известны, остальное лишь вопрос времени. Если мы – одна из стран Востока, то наши перспективы тоже неплохо просматриваются. Нужно лишь определиться, к какому типу стран Востока принадлежит Россия.

Но, по-видимому, судьба уготовила нам свой, особый путь развития. Проблема номер один тут, по Эдуарду Кульпину: что из себя представляют народы, населяющие Россию? На этот и другие вопросы он отвечает в рамках методологии "социоестественной истории" (СЕИ).

О себе Эдуард Сальманович Кульпин пишет:

"Я родился в 1939 году в Баку. Родители происходили из разных социальных слоев двух главных этносов России. Один из моих прадедов – Александр Кульпин – был крепостным крестьянином-мастеровым, другой – Салих Губайдуллин – богатым купцом-меценатом, покровителем просвещения и науки. Его сын – Газиз, историк-востоковед и писатель, первый профессор из татар, был расстрелян в 1937 году как главный идеолог пантюркизма. Его сын Сальман, прошедший всю Великую Отечественную войну, вынужден был скрываться от преследований органов уже не только как сын врага народа, но и как один из оппонентов небезызвестного Лысенко.

До 1956 года я сменил десять школ в разных республиках бывшего Советского Союза, после этого постоянно живу в Москве. В школе готовил себя к стезе востоковеда. С помощью одного из родственников учил арабский язык, однако поступить в ИВЯ (ныне Институт стран Азии и Африки при МГУ) не смог из-за здоровья – порока сердца. Окончил Московский полиграфический институт. Во время учебы в

институте был внештатным корреспондентом "Комсомольской правды". Предполагал стать журналистом. Но при первой же командировке столкнулся с делом, аналогичным знаменитому адыловскому, только в России и без зиндана. Директор комбината договорился в Совмине, что публикаций не будет, и не было.

Быть журналистом расхотелось: пошел работать в лабораторию соединения металла с керамикой для производства вентилей полупроводниковых выпрямителей. Через два года ушел в аппарат Миннефтехимпрома. Эта работа позволила увидеть ряд производств: машиностроительных, металлургических, химических, дала уверенность в возможности разобраться практически в любом техническом вопросе и добиваться своего перед любым руководством.

Диссидентом никогда не был, просто мнение свое имел и, когда нельзя было молчать, говорил. Парадоксально, но дорога для министерской карьеры не только не закрывалась, но, напротив, открывалась еще шире: как и я, думали многие, потому и относились хорошо, и поддерживали.

В 1970 году поступил в аспирантуру Института международного рабочего движения. Условия уникальные: можно делать все, что и как захочется. Единственное, но тяжелое для негуманитария и некитаиста ограничение – страна: Китай.

Диссертацию сделал почти в положенный срок. В 1975 году выпустил по ее результатам первую книгу "Технико-экономическая политика руководства КНР и рабочий класс Китая". Затем еще в течение двух лет публиковались мои статьи, а потом десять лет ни одна моя работа по современному Китаю не принималась ни одним научным журналом.

Психологической отдушиной были поездки с лекциями по стране и работа в АПН. Полтора года писал для якобы сингапурского журнала "Современный Китай и мы". Его делали пятеро. Мы должны были войти в роли людей Запада, немножко левых, но не слишком, снобов-интеллектуалов. Все авторы имели свою легенду. Я был профессором Эдом Вартом из Калифорнии. Мы обязаны были писать, как пишут "они", и только чуть-чуть иначе. Однако на Старой площади требовали не чуть-чуть, а много больше. Эти требования в конце концов провалили журнал.

Мертвым грузом легли рукописи двух книг... Если нельзя писать о современном Китае, то можно о дореволюционном, древнем. Стал выступать с докладами, написал новую монографию. Историки-древники встретили новичка, непрофессионала "в штыки". Отдел Китая Института востоковедения рассматривал рукопись дважды: сначала отклонил, потом в 1984 году рекомендовал монографию к изданию и защите ее как докторской диссертации. Дальше книга на семь лет недвижно легла

в редакции "Восточная литература". Лишь когда, по примеру Л.Н.Гумилева, я решил ее депонировать, был собран совет, который был к моей книге очень либерален. На вопрос главного редактора: "Сколько будет она жить?" – самый малый срок был назван в 50 лет. Монография "Человек и природа в Китае" вышла в свет в 1990 году, в Москве была распродана в две недели и затем получила первую премию на конкурсе работ Института востоковедения.

Весь мой жизненный путь, в котором были и поездки с родителями в экспедиции, и работа помощником таксатора в аспирантские каникулы в Беловежской Пуще, инженерное прошлое и, конечно, изучение истории великой китайской цивилизации, дал мне ключ к познанию других цивилизаций, открыл глаза на новую научную дисциплину на стыке гуманитарных и естественных наук – социоестественную историю (СЕИ). В Институте стран Азии и Африки, в который в юности не мог поступать, я начал читать спецкурс СЕИ. В 1992-м защитил докторскую диссертацию "Социоестественная история: предмет, метод, концепции". С того же года в Коктебельском заливе в Крыму провожу ежегодную конференцию "Человек и природа – проблемы социоестественной истории", являюсь руководителем ученых: историков, философов, экономистов, психологов, биологов, географов, геологов и других естественников. При поддержке РФФИ и Института востоковедения Центр осуществил выпуск трех книг по проекту "Генезис кризисов природы и общества в России", в типографии – четвертая, на подходе – пятая, план следующего года – выпуск еще пяти книг.

СЕИ – часть истории биосферы Земли, научная дисциплина на стыке естественных и гуманитарных наук, которая рассматривает взаимосвязь, взаимообусловленность процессов, явлений и событий в жизни общества и природы. При совмещении знаний разных наук происходит эффект, подобный цветной печати в полиграфии. Там наложение трех цветов – синего, желтого и красного – дает весь спектр радуги. Более того, появляются новые четкие линии, которые слабо намечены либо вовсе отсутствуют на отдельных моноцветных оттисках. В социоестественной истории аналог радуги – объемное, многоаспектное представление о процессах, явлениях и событиях: аналог линий – новые идеи, новые логические цепочки. В отличие от традиционных дисциплин, где всегда знаешь, чего добиваешься, в СЕИ много нового, неожиданного. Получаешь не только то, что ищешь, но и иное".

ТВОРЧЕСТВО И ХАОС
Вячеслав Леонидович Глазычев

Родился под Рыбами в предвоенном Драконе, что предопределило, по-видимому, органическую неспособность заниматься каким-то одним делом, неумение делать то, что обычно именуют отдыхом, и неприязнь к писанию "в ящик".

Выбрав, назло прочему семейству, погрязшему в истории, археологии и этнографии, архитектуру, счастливым стечением обстоятельств провел пятый курс в Варшаве, вместо учебных занятий штудируя страну, театр, кино, литературу и философию, о которых дома почти ничего не было известно. Вернувшись, сочинил очерк о прогулках по Польше, неожиданным образом напечатанный в альманахе "На суше и на море", получил по тем временам изрядный гонорар, купил пишущую машинку. Вырисовывая преддипломные проекты, понял, что занятие архитектурой в начале 60-х и далее не могло иметь перспективы, и сделал ставку на формирование теории дизайна, каковое занятие имело, как выяснилось, перспективы еще менее. По неимению предмета для практики начал бурно сочинять статьи, получая от процесса несомненное удовольствие.

По распределению, за строптивый нрав был определен в "Гипросвязь", откуда делал не единожды попытки сбежать до срока, что и осуществил посредством фиктивного поступления в аспирантуру ВНИИ технической эстетики. Попал в странную компанию, в которой были фантастически разные люди: от Георгия Щедровицкого с Олегом Генисаретским до Игоря Голомштока. Печатал все новые статьи в "Декоративном искусстве", бывшем тогда чем-то вроде интеллектуального клуба. Одновременно, по приглашению Е.А.Розенблюма, участвовал в создании Экспериментальной Студии художественного проектирования, работавшей преимущественно вне Москвы, у озера Сенеж. Там тоже было что-то вроде гибрида вольной школы и клуба. Лекторствовал. Сочинил книгу "О дизайне".

Полагалось защищать диссертации. Защитил – за неимением тогда в списке наук социологии это называлось историческим материализмом. Без партбилета это, как говорили, было трудновато, но повезло. Полагалось воспользоваться степенью. Оглядевшись, был принят в не лишенный забавности и хорошего общества НИИ теории и истории архи-

тектуры, где с переменным успехом заведовал секторами добрую дюжину лет. Сочинял книги дальше. Что-то вдруг печатали, что-то нет. Увлекся и, консультируя газетку "Архитектура", не отказывал себе в удовольствии щемить хвосты генералам от профессии, за что и бывал оными не слишком привечаем.

Подрабатывал макетом и иллюстрациями в журнале "Знание — Сила", что доставляло и немало приятства, сводя к тому же с непоследними авторами, равно как художниками, включая автора портретной галереи этой книги.

Считалось, что нужна докторская. Воспользовавшись досугом, любезно предоставленным властями на очередных военных сборах, сочинил занятный пасьянс из функций и типов проектирования, весь построенный как "игра в 15", с детства запомнившаяся из Перельмана. Назвал все это горделиво "основами теории архитектурного проектирования", сумел пропихнуть в издательстве мини-тираж в 500 экземпляров и был собой весьма доволен.

Защиту пропустили без проблем, а затем – обычное дело: черный оппонент, разборки в ВАКе, предложение забрать и исправиться, отказ и отторжение от Эдема.

Озлел и, как многие другие, по неприязни к настоящему все более склонялся в пользу далекой истории: чем дальше, тем лучше, тем самым был справедливо наказан за юную неприязнь к занятиям родственников. Дело было приятное, книги сочинялись одна за другой и, как ни странно, печатались.

Сделал отчаянную попытку сочинить Историю Расселения и был отбит с уроном – совместить синхронный и диахронный планы в рамках единого дискурса оказалось не то чтобы вообще невозможно, но совершенно несъедобно для непосвященных душ. Персональных компьютеров в отечественном быту еще не было, и о том, что возможен "гипертекст", не подозревалось.

Залез в экологические царства. В "Науке" издали опус с вынужденно долгим наименованием "Социально-экологическая интерпретация городской среды", из каковой цензурою были исторгнуты единственно две цитаты: из Иова и из Набокова, прочее не тронув.

С азартом сочинил "Эволюцию творчества в архитектуре", что заставило вновь много читать и рисовать.

Началось почти с шутки, но пришлось всерьез писать книгу об Аристотеле Фьораванти, о котором так называемой объективной информации почти нет, что понуждало к бурному производству гипотез, возбуждению божественной интуиции и переводам со староитальянского.

Под видом книг для подростков сочинял историю жилища и историю зодчества.

По неистребимой любви к пасьянсам составил и сочинил "Гемму Коперника". Из чувства долга написал за себя и покойного приятеля начатую им книгу о городе.

Увлекся составлением грандиозного труда под элегическим названием "Сравнительная хаотика" (если Хаос божественный и хаосы людские извечны, то кто-то должен с ними разобраться), но помешали судороги перестроечного времени, когда делил со многими некие иллюзии, и дал себя втянуть в чужую игру под названием Секретариат Со-

юза архитекторов СССР. Выдержал два года, сделав за это время два безусловно добрых дела и одно условно доброе: чарующий круиз трех сотен молодых архитекторов по Средиземному морю, поддержка начинавших тогда мастеров "бумажной архитектуры" и уже забытый в наше время казус учредительной конференции "Мемориала". В этом был тот лишь несомненный плюс, что накопилось собственное представление о множестве заметных персонажей политики перестроечного времени.

Соблазнился возможностями, вроде бы открытыми Фондом Сороса, в роли секретаря правления старался нечто полезное сделать с явным ущербом для здоровья, но во всяком случае познакомился с немалым числом занятных людей, включая вдохновителя-составителя этой книги и ее авторов. Слетел в инфаркт. Во время реконвалесценции нарисовал альбом и очухался. Уйдя из Фонда, был приглашен профессорствовать в Альма-Матер. Оброс званиями как лишайником и мхами. Увлекся не то чтобы самим public participation, но злобноватым удовольствием от подрыва дутого авторитета градоформирующих профессионализмов, которое удовольствие в парадигме "соучастия" сквозит с очевидностью.

Соблазнившись примером западных коллег, учредил собственную Академию городской среды и по сей день, укрепившись бывшими своими студентами, держу ее начиненный электроникой кораблик галсами против всех ветров, по возможности с удовольствием. Предмет текуч и подвижен, бросает то в кварталы московского центра, то в провинциальные городки, вроде Мышкина, а нужда в деньгах понуждает к возобновлению забав в графический и полиграфический дизайн.

Потерял вкус к сочинительству, не считая "функциональных" текстов и заказов со стороны приятелей, зато продолжил ранее начатую забаву в переводы, теперь уже издавая их самостоятельно, под собственным грифом и тем по-детски горд.

Эссе, озаглавленное "Слободизация страны Гардарики", посвящено тому, чтобы в максимально сжатой форме обсудить феномен несостоявшейся урбанизации России, где на протяжении тысячи лет слобода успешно парализовала городские начала. Взаимовыгодный альянс имперской жажды тотальной власти и слободского духа, в коем, наряду с казачеством, выражала себя народная жажда Воли, сыграл с начатками города в России ту шутку, какая так и не удалась до конца злокозненным германским баронам в XVI веке. Город в России не имел шансов состояться. Понадобился добротный постперестроечный полураспад государственного монизма, чтобы у российского города появился шанс выжить и окрепнуть. От крошечного Лихвина до гигантских промышленных слобод, вроде Тольятти, от маленького микрорайона во Владимире до Царского Села – везде можно усмотреть робкие шажки города к самостоятельности. Москва в этом отношении гордо хранит исключительность, по-прежнему, ради столичных претензий, жертвуя ресурсами подлинной урбанистичности. Удастся ли так называемым субъектам федерации задушить город в своих пределах, или горожанам хватит сметки воспользоваться финансовыми трудностями патронов – остается открытым вопросом, и потому наше эссе завершенности не имеет.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПРОТИВ ИСТОРИИ
Александр Сергеевич Панарин

В известном (с подачи Ф.Фукуямы) мифе "конца истории", считает Александр Панарин, проявилась не столько гордыня Запада, сколько потребность людей в цивилизованной стабильности после неслыханных катастроф XX века. Не оптимизм в этом мифе чувствуется, а страх – перед "длящейся Историей", с ее сюрпризами, угрожающими наметившемуся миру предсказуемости. Движимые этим страхом и образуют единый фронт "западничества" в современной культуре. Таким образом, не демократия сегодня противостоит тоталитаризму, а, скорее, Цивилизация – Истории. "Мир цивилизованный" опасается России как непотухающего вулкана Истории между Востоком и Западом.

Сложились и во многом альтернативны, по мнению автора, два типа сознания: "цивилизационный" и "геополитический". Первый воспринимает мир как единый или идущий к единству. Второй – как войну всех против всех, где никому не гарантировано "жизненное пространство" и где смогут выжить только сильные, до зубов вооруженные. Здесь биология, антропология и география берут реванш над социологией: "Геополитический тип мышления... утверждает непреодолимое давление биологии и географии на историю и их конечный реванш над ней".

Панарин не сомневается, что осевой идеей мировой истории является все-таки универсализм, становление общечеловеческой цивилизации, хотя это и не линейно-поступательный процесс. "Цивилизационное" сознание он предпочитает агрессивно-комплексующему "геополитическому". Пространство СНГ должно стать, по его мнению, не "первым" и не "третьим", а "вторым миром". В поисках новой целостности на континенте автор с надеждой посматривает на евразийскую модель. Именно она, ожидает Панарин, может дать синтез социально-политического модернизаторства с постмодернистскими ограничениями экологических, культурных, антропологических "пределов" прогресса.

Александр Сергеевич Панарин родился 26 декабря 1940 г. Доктор философских наук, профессор, действительный член Российской академии гуманитарных наук. Окончил философский факультет МГУ в 1966 г. Руководит Центром социально-философских исследований Ин-

ститута философии РАН, заведует кафедрой политологии философского факультета МГУ. Известен своими работами в области философии политики, философии истории, философии культуры, геополитики. Опубликовал 8 книг (3 в соавторстве) и около 150 статей, в основном по проблемам современного цивилизационного процесса (диалог мировых цивилизаций), анализа общественно-политического развития России, ее исторических перспектив в эпоху перехода от индустриального общества к информационному.

В предлагаемой работе автор анализирует ситуацию вызова со стороны динамично развивающихся цивилизаций – западной, мусульманской, тихоокеанской (конфуцианско-буддийской). Перед лицом этого вызова России предстоит заново осмыслить свои возможности и историческую роль, мобилизовать культурный и нравственный потенциал, предложить свою модель ответа на глобальные проблемы современности.

Автор полагает, что российская культура содержит обнадеживающий парадокс: по критериям индустриального (технократического) общества она заметно отстает от Запада, но по нормам новой постиндустриальной (культуроцентричной) эпохи ей есть что предложить миру. Однако, чтобы использовать этот парадокс, необходимо сберечь научный, культурный, образовательный потенциал страны и избежать демонтажа перерабатывающей промышленности и наукоемких производств под предлогом их "нерентабельности".

Здесь велика роль национальной интеллигенции, в частности гуманитарной, выявляющей "человеческое измерение" острейших проблем современности. Даже вопросы национально-государственной безопасности страны имеют свое гуманитарное измерение, связанное с сохранением лучших исторических традиций, разработкой новых социокультурных синтезов как основы единого духовного пространства, с деятельностью национальных элит и защитой базовых ценностей российской цивилизации.

С традициями этой православной по своим истокам цивилизации автор связывает возрождение "экологической аскезы" – ограничения аппетитов "потребительских обществ" в виду перспективы истощения земных ресурсов и разрушения природной среды. В этом отношении наша цивилизационная традиция представляет своевременную альтернативу потребительскому обществу Запада, в значительной мере промотавшему свое протестантское наследие.

Наличие аналогичного аскетического потенциала предполагается и у мусульманской культуры. Поэтому возможный православно-мусульманский цивилизационный синтез выступает не только в качестве основы будущей интеграции народов, живущих в постсоветском пространстве, но и в качестве одной из перспективных моделей постиндустриального мира.

ПРОЕКТНОСТЬ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА

Олег Игоревич Генисаретский

Я родился 28 февраля 1942 г. в г. Коврове под Владимиром, где и рос в доме своей бабушки до конца войны. Школьные годы провел в подмосковном ткацком Ногинске (б. Богородск), а затем в индустриальной Электростали. Высшее образование получил в стенах Московского инженерно-физического института (на факультете электронновычислительных устройств и средств автоматики), который окончил в 1964 г.

Не без влияния преподавателя философии проф. Е.Д.Клементьева в студенческие годы начал изучать немецкую философскую классику и философские вопросы кибернетики.

После слушания на математическом факультете МГУ лекций С.А.Яновской и А.С.Есенина-Вольпина по математической логике и основаниям математики в 1963 г. познакомился с основателем Московского методологического кружка Г.П.Щедровицким и на долгие годы стал прихожанином кружковских семинаров. Среди активных участников этой "машины коллективного мышления" тогда были Н.Г.Алексеев, В.А.Лефевр, Ю.В.Рождественский, В.М.Розин, В.А.Садовский, Б.В.Сазонов, В.А.Швырев, Э.Г.Юдин и другие.

В 1965 г. во ВНИИ Технической эстетики (а затем в Центральной экспериментальной студии Союза Художников) – в кругу К.М.Кантора, А.А.Дорогова, Л.В.Жадовой, И.Н.Голомштока, Е.А.Розенблюма и других энтузиастов дизайна – начал заниматься вопросами теории и методологии системного и художественного проектирования, средового подхода, экологии культуры и эстетического воспитания. Основная тема этих занятий, продолжающихся до сих пор, – *проектность* как качество, присущее не только деятельности проектирования, но также сознанию, окружающей нас среде и культуре.

Сотрудничая с Отделом теории Института конкретных социологических исследований АН, которым тогда руководил Ю.А.Левада, в 1970 г. представил к защите кандидатскую диссертацию по теоретической социологии культуры, которая, после долгих проволочек, была отклонена ВАКом с сакраментальной формулировкой "за нарушение ленинского принципа партийности".

С середины семидесятых годов – при наставническом участии Е.Л.Шифферса начал систематически заниматься историей русской религиозно-философской мысли и молитвенно-созерцательной практи-

ки. Особое место в этих штудиях заняло наследие о. Павла Флоренского, что вылилось в подготовку к изданию его искусствоведческих трудов 20-х годов.

В 1989 г., после первого приступа гласности, защитил кандидатскую, а в 1992 г. докторскую диссертации по искусствоведению (технической эстетике).

Круг научных интересов последнего времени – гуманитарная психология и психотерапия, традиционная и современная психологическая культура, психопрактики сознания и мышления, исихастика и гуманитарная глобалистика.

Заместитель директора Института человека РАН, председатель правления Центра гуманитарных исследований и программ "Путь", вице-президент Международного фонда "Культура и будущее России", сопредседатель Религиозно-культурного диалога "Лицом к лицу".

Автор более восьмидесяти работ, среди которых только две монографии: "Упражнения в сути дела", "Поводы и намеки" – да и те смогли увидеть свет лишь в 1993 г.

Статью для "Иного" я хотел назвать "Неиное", ибо речь в ней идет о "возвращении". Но поскольку и в самом деле нельзя второй раз вступить в одну и ту же воду, пришлось удовлетвориться более удобопонимаемым названием "Культурно-антропологическая перспектива". Все представленные в ней конструкции – методологические и теоретические – сфокусированы на идеальном типе так называемой *антропной цивилизации*.

Становлению развитых постиндустриальных обществ сопутствует фундаментальная ценностная трансформация, которую К.Юнг более полувека назад назвал переходом из "допсихологического" – в "психологическое" время. Он писал тогда, что "человек, осознавший свою современность, отныне не может удержаться от признания могущества психики, с каким бы усердием и настойчивостью он ни защищался от этого. <...> Современный человек обращается к реальности душевной жизни и ожидает от нее достоверности, утраченной им в мире".

Осторожное заглядывание Юнга в нашу современность можно считать сбывшимся. Для культуры развивающихся постиндустриальных обществ сегодня характерно публичное признание такой стратегии актуализации личностного начала в человеке, как *психопрактики личностного роста*. Целью их является культивирование телесной и эмоциональной восприимчивости, диалогового межличностного общения, развития творческих способностей, опыта личностной самореализации (во всех значимых секторах приватной и публичной жизни), словом, как раз тех навыкновений души, что составляют востребуемую ныне психологическую компетенцию.

Для этих психопрактик характерно стремление к синтезу концепций и техник, относящихся к традиционной психологической культуре, – с одной стороны, и современных научно рационализированных и экспериментально реализованных психотехник – с другой.

Я утверждаю, что вычленение психологической компетенции как одной из составляющих человеческого капитала свидетельствует об изменении глубинной антропологической подосновы общественного процесса, проявленности особой, – если угодно, "новой", – культурно-ценностной перспективы, заслуживающей самого пристального исследо-

вательского внимания (в том числе в культурологическом, социологическом и политологическом наклонениях).

Несколько слов о том, что названная культурно-антропологическая перспектива значит для меня самого, коль скоро я связываю ее с психопрактиками личностного роста.

Во-первых, мне важно, что в терминах и понятийных конструкциях гуманитарной психологии и психотерапии концептуализируются как традиционные (фольклорные, конфессиональные, обыденные), так и современные, рефлектированные – с точки зрения тех или иных критериев рациональности – психопрактики.

Во-вторых, на мой вкус, существен опытный, поисковый, а по сути *проектный* залог гуманитарных психопрактик. Речь в них идет именно о "попытках", "упражнениях" и "тренингах", то есть о том, что совершается духовно-практически, а не вербально или концептуально, что порождает новые, по сравнению с наличными, и предзаданные замыслом психические реальности.

В-третьих, что немаловажно в контексте разделяемых мною либеральных ценностей, эти психопрактики суть часть движения за гуманизацию психосферы, и тем самым они обнаруживают отчетливую связь со свойственной всякому подлинному либерализму гуманистикой.

Наконец, в-четвертых, гуманитарные психопрактики работают в расширенном межкультурном контексте, в презумпции *гетеродоксии*, и потому открыты самому различному, если не сказать любому духовно-практическому опыту.

Не ограничиваясь этим перечислением, замечу также, что в современной культурной и социально-политической практике имеет место достаточно далеко уже зашедшая диверсификация аксиопрактик, которые по аналогии с дифференциальными эстетиками А.Ф.Лосева можно было бы рискнуть назвать дифференциальными или *фокальными субэтиками*. Среди них достаточно развитыми и известными являются экоэтика, биоэтика, этика "политической корректности", этноэтика и другие производные от очерчивающейся ныне общей гуманитарной этики.

Так вот, я утверждаю, что развертывание "расширенного порядка" этических норм, социальных институтов и культурных традиций, о котором писал Ф.Хайек, не является непрерывным в историческом времени. Таковым оно могло бы считаться – да и то с долей методологической условности – лишь на этапе наивного или рефлектированного традиционализма, конец которого С.С.Аверинцев в отношении истории литературы датировал примерно серединой XIX в.

Введя в рассмотрение представление об *этической рецептивности* общества (или какой-то социальной группы), можно сказать, что характеристической особенностью культуры и культурно-ценностных элит времен капитализации человеческих ресурсов становится как раз их рецептивность к наличному многообразию субэтик, актуализирующихся в культуре. А она, эта рецептивность, в свою очередь, производна от психологической компетенции, культивируемой с помощью тех или иных психопрактик личностного роста.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Симон Гдальевич Кордонский

В своей работе Симон Кордонский пытается описать структуру экономического пространства постперестроечного общества. С его точки зрения, вся без исключения постперестроечная деловая активность имеет в своем генезисе общую социалистическую природу, а именно *административный рынок*, коим – а вовсе не тоталитарной системой и не плановым хозяйством – являлась социально-политическая и экономическая система СССР. Кордонский полагает, что необходимым и неизбежным экономическим действием при трансформации административного рынка в нормальную экономику и политическую систему стало воровство. Оно может иметь как внешне вполне приличную форму, в виде номенклатурной (ваучерной) приватизации, так и "неприличные" формы, в виде рэкета, бандитизма и тривиальной кражи. Многообразие форм воровства и соответствующие социальные типы являются основным предметом работы Кордонского. Он рассматривает всеобщее воровство (которое ущербные идеологи новой российской государственности называют организованной преступностью) как своеобразную плату за 70 предшествующих лет государственного бандитизма.

Теория административного рынка, с точки зрения Кордонского, представляет собой попытку научного описания и объяснения советской реальности, не содержащую сверхъестественных объясняющих посылок вроде национального характера, исторической судьбы России, заговоров внутренних и внешних врагов, но тем не менее демонстрирующую логичность и предсказуемость происходящих событий.

Кордонский утверждает, что лучше всего чувствует себя наедине с компьютером и при общении с хорошими книгами – а их с возрастом становится все меньше. И вряд ли что-нибудь вызывает большее отвращение у этого пятидесятилетнего желчного человека, чем интеллигентские спекуляции на темы истории России, ее прошлого, настоящего и

будущего. Он утверждает, что отсутствие знания о стране не освобождает от ответственности перед ней и что попытки аффектированных интеллектуалов рассуждать о вариантах развития страны и о самой возможности осознанного выбора этих вариантов смешны ввиду гносеологической стерильности их авторов. Однако – с его точки зрения – российская интеллигентность и интеллектуализм представляют собой весьма любопытные феномены, которые не сводятся к "лоханковщине" и заслуживают естественнонаучного описания хотя бы по причине их политической значимости. Партийно-политическая активность сегодня – лишь проявление инфантильности тех советских людей, которые уже никогда не смогут отличить желаемое от возможного.

Кордонский, зоолог по образованию, социолог по профессии, защитивший диссертацию по методологии теоретической биологии, убежден в единстве научного знания и научного метода и в необходимости повседневного профессионального исследования обыденности. Он считает, что нет принципиальных различий в методах исследования высших животных и людей, хотя и допускает, что его научный опыт ограничен только советскими людьми. С его точки зрения, жизнь в этом государстве – эксперимент, и было бы глупо не пользоваться представившимися исследовательскими возможностями. Инструментом исследования выступает он сам, поэтому поочередно – и не всегда по собственному желанию – становился "врагом народа" (и просит не путать его с диссидентами), строительным рабочим, университетским социологом, бомжем, преподавателем марксизма-ленинизма при ОК КПСС, правительственным экспертом, публицистом "Века XX и мира", руководителем информационно-аналитического центра, обслуживающего интересы "новых русских", и т.п. Теперь он "невыездной" и находится под следствием по подозрению в клевете на высших должностных лиц государства.

Больше всего Кордонского заботит отсутствие первичных научных описаний и элементарных классификаций повседневности. Неописанная реальность социализма уходит в небытие, но не становится прошлым, и потому остается возможность ее воспроизведения как политически актуального настоящего. Другая его проблема – разработка способов организации и представления знания и методологическое исследование научного понимания. Непонятое и неорганизованное в обозримые схемы знание имеет свойство превращаться в мифологемы, которые – ввиду бытовой понятности – вытесняют знание и делают невозможным рациональное социальное действие. В поисках способов представления знания Кордонский сконструировал инструмент, который называет "веерными матрицами" и который использует при исследовании самых разных аспектов социальной жизни.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТЕНЕВИК
Владимир Леонидович Махнач

Аналитик Махнач видит три альтернативы будущего российской культуры и собственно России: ВОЗРОЖДЕНИЕ, РАСПАД и ВЗРЫВ. Махнач-*гражданин* радеет о первом, и условием для него полагает "осознание образованными, творческими людьми себя как русской христианской элиты, народ же должен осознать жизненную необходимость хранить, слушать и почитать свою элиту". Разрушение России и русской культуры автор отчасти связывает с деятельностью "западников", приведшей к культурному разрыву русского общества между двумя культурными ареалами.

В инструментарии Махнача одно из центральных понятий – АНТИСИСТЕМА, "система с отрицательным миросозерцанием" – культурно-идеологическая структура, последовательно осуществляющая деструкцию общества и сокращающая время жизни данного этноса. Наличием "антисистемы" в России XIX столетия автор, в частности, объясняет крах 1917 года. Свои представления *о замкнутости и самодостаточности региональных культур* Махнач возводит к К.Леонтьеву, Тойнби, Данилевскому, Вико. Убежден, что регионированность и цикличность культур относятся к самым ранним представлениям человека. Не претендуя в данном случае на "ноу-хау", он "лишь пытается оживить представления об историческом процессе, искаженные Эпохой Просвещения".

...Владимир Леонидович Махнач родился в 1948 году в Москве. Отца не знал, воспитывался матерью, с детства привившей ему почтение к сакральному. Православный.

Пяти лет от роду прочел "Цусиму" Новикова-Прибоя, и с тех пор отсчитывает свою любовь к истории. В школе (знаменитой в те годы московской физико-математической № 2) увлекался также биологией, однако попытка поступить на биологический факультет МГУ закончилась неудачей. В ленинском комсомоле не состоял. Армейскую лямку тянул в авиационных войсках, начальником наземной радиостанции. В

1973 – 1979 годах учился на историческом факультете МГУ. Любимым педагогом считает В.В.Кириллова, читавшего курс русской архитектуры.

В студенческие годы Махнач познакомился с Л.Н.Гумилевым, и впоследствии регулярно встречался с ним, многие работы Гумилева смотрел еще в рукописи или обсуждал в процессе написания. Один из немногих "московских учеников" Гумилева.

С 1972 года работал в Музее искусств народов Востока – библиотекарем, экскурсоводом, младшим научным сотрудником отдела научной пропаганды; затем – в Музее архитектуры, Музее-усадьбе Абрамцево, музее Останкино. Долгое время хлеб насущный добывал репетиторством (это его опыт принадлежности к "теневой" экономике). Попутно им создавалась фототека, подбирались слайды, книги по архитектуре, истории городов и русской истории в целом. Из этого выросли курсы лекций, читаемые ныне Махначом в вузах. С 1973 по 1982 год приглашался экскурсоводом "нелегальных" автобусных экскурсий по старым русским городам. С конца 70-х участвовал в деятельности религиозных кружков, катехизировал.

В 1983 году "религиозным пропагандистом" заинтересовалась Лубянка. Через органы милиции ему пригрозили возобновленной Андроповым статьей УК "о тунеядстве", в результате чего Махнач на год становится такелажником на заводе железобетонных изделий.

После такелажных работ снова Музей архитектуры. С 1984 года преподавательская деятельность Махнача легализуется в виде факультатива по русской истории в Нефтехимическом институте им. Губкина. С 1985 года Махнач читает публичные лекции в клубах и залах. В 1987 году приглашен преподавателем Московского архитектурного института. Впоследствии также читает курсы лекций в МИФИ, Литературном институте, преподает гуманитарному классу средней школы-лицея № 654.

В середине 80-х годов Махнач активно участвовал в движении по охране памятников истории, культуры и среды обитания человека, с началом перестройки сделал громкую телепередачу, посвященную этим проблемам (единственный "12-й этаж" Э.Сагалаева, не вышедший повторно в эфир). Выдвинул принцип "презумпции невиновности исторической застройки" ("для сохранения исторической городской застройки аргументов не нужно"). В 1986 году временно возглавлял Экспертный консультативный общественный совет (ЭКОС) при Главном архитекторе Москвы, скорректировавший множество архитектурных проектов и, по его мнению, бывший до 1990 года единственной организацией, где ученые-гуманитарии занимали независимое общественное положение...

ОТ "ПЕНОВЕДЕНИЯ" К ИНСТИТУТУ БУДУЩЕГО

Сергей Ервандович Кургинян

Если вы – человек деятельный, реальный, и вместе с тем признаете важность для России целостных мировоззренческих систем, то, по мнению Кургиняна, перед вами в эти "минуты роковые" неизбежно встает вопрос: как быть? Безоглядно окунуться в мутную пену сиюминутного? Или уйти от грязи и сутолоки в мир высоких абстракций? "Как преодолеть раздвоенность между глубокомысленным "пеноведением" и философствованием над бездной?"

Автор статьи "Русский вопрос и институт будущего" раздвоенность в себе преодолевает, пытаясь распознать "среди нагромождения знаков исчерпанности и вырождения живой сгусток нового бытия". Действительно, что всегда отличало Кургиняна от оппозиционных "пеноведов" или идеологов-апокалиптиков, так это стремление предложить выход из "безысходного", дать модель или хотя бы контур разрешения ситуации.

Автор анализирует российскую политическую реальность "в самом ее больном аспекте". Этим аспектом для него является политическая оппозиция. Почему режим, которому полагалось бы быть полностью скомпрометированным, все еще держится на плаву? И почему оппозиция, имея достаточно свободы действования, выглядит столь нелицеприятно и ущербно?

Отдавшись пафосу гонки за лидером, оппозиция приняла правила игры своих предшественников – этот вывод автор иллюстрирует динамикой смены ее лозунгов. "Призвав учиться у демократов и начав учиться у них пошлости, цинизму, современному высокому журналистскому мастерству, презрению к массам, блефу, эклектике и многому другому"... ее идеологи заразили "своим талантом подражания наших оппозиционных политиков".

Формирующиеся в России отношения лишь по недоразумению называются новыми: "В конце XX века в России (СССР) произошел сброс исторического времени на два столетия как минимум. Поскольку этот сброс не был подкреплен хотя бы социально-инженерным проектом движения от этого старого – хоть куда-то, хоть в какое-то будущее, поскольку разрушение было революционным, а созидание почему-то

предполагалось эволюционным и органичным... мы находимся в ситуации всеобъемлющего регресса. Оппозиция борется не против регресса, а за свое место в нем".

Свободно переходя с политологического языка на язык философии истории, Кургинян предлагает читателю свою модель исторических циклов. Дает контур формирующегося "института будущего".

Из официальной биографии Кургиняна можно узнать следующее:

Родился 14 ноября 1949 года в Москве. Отец – Кургинян Ерванд Амаякович, профессор новой и новейшей истории, специалист по Ближнему Востоку. Мать – Кургинян Мария Сергеевна, филолог, научный сотрудник Института мировой литературы им. Горького, специалист по западноевропейской литературе.

В 1967 г. после окончания школы с золотой медалью С.Е.Кургинян поступил в Московский геологоразведочный институт им. С.Орджоникидзе на геофизический факультет. В 1972 г. окончил его с отличием по специальности "Инженер-геофизик". Дипломную работу защищал по проблемам распознавания образов в особых метрических пространствах и решению некорректно поставленных обратных задач.

В 1973 г. поступил в аспирантуру Геологического института АН СССР, в 1974 г. переведен в аспирантуру Института океанологии АН СССР.

В 1976 г. закончил аспирантуру и в 1978 г. защитил диссертацию. Присвоена ученая степень кандидата физико-математических наук. Кандидатская диссертация была посвящена пионерным разработкам в области теории решения обратных задач при анализе информационных полей, описываемых линейными и нелинейными операторами.

С 1974 по 1984 г. – будучи научным сотрудником в Институте океанологии АН СССР, С.Е.Кургинян работал над докторской диссертацией, посвященной проблемам решения обратных задач при анализе информационных полей, описываемых существенно нелинейными операторами, а также проблемам устойчивости сверхсложных динамических систем.

В 1984 – 1986 гг. – работал научным сотрудником в Московском геологоразведочном институте.

К этому времени Кургинян уже являлся создателем и руководителем театра "На досках", одного из самых известных авангардистских, нонконформистских театров в Москве. С этим связано его поступление в 1979 г. на заочное режиссерское отделение Театрального училища им. Щукина, которое Кургинян закончил с отличием в 1983 г. по специальности "режиссер". За годы существования театра официальное "культурное руководство" 14 раз пыталось закрыть неугодный театр. Его постановки, во многом спорные, экспериментальные, включали в себя элементы исследовательской работы как в области театральной техники и актерского мастерства, так и в области психологии, социологии, лингвистики, философии и методологии. Тематика спектаклей отличалась высокой степенью актуальности и нестандартными подходами к решаемым проблемам. В качестве примеров можно упомянуть такие работы, как "Компенсация" – спектакль, посвященный судьбам ликвидаторов Чернобыльской катастрофы, и "Стенограмма" – поставленный по документальным материалам XIV конференции ВКП(б) спектакль о

"судьбе коммунизма" в истории нашей страны. Получивший большую известность и международное признание, поставленный в 1986 г. спектакль по "комедии" А.С.Пушкина "Борис Годунов" в европейской прессе был назван "пьесой о крахе первой русской перестройки". Естественно, что подобный театр, не вписывающийся в общепринятые каноны (даже "перестроечные"), был объектом пристального внимания руководящих культурой официальных структур, и только усилиями и поддержкой ведущих деятелей тогдашней советской культуры и лучших представителей советской интеллигенции удалось его сохранить от разгрома.

1 января 1987 г. – приказом Главного управления культуры Мосгорисполкома С.Е.Кургинян был назначен художественным руководителем-директором Московского театра-студии "На досках", обретшего с этого момента статус государственного.

С 1988 года Кургинян выступает с серией статей, в которых предупреждает, что перестройка будет сорвана и превратится в "предпосылку фашизации Европы и России". В 1990 году выходит нашумевшая книга "Постперестройка", в которой впервые говорится о криминалитете, фашистской угрозе, "управляемом хаосе".

С 1989 г. Кургинян – президент Международного Фонда "Экспериментальный творческий центр", созданного с целью консолидации и сохранения интеллектуального потенциала страны в наступающие "смутные времена" для осуществления адекватных анализа и прогноза в новых условиях.

На базе созданной Кургиняном "Школы целостного анализа" в последние годы действительно удалось получить новое качество в описании макрорегиональных и глобальных процессов, обеспечить высокую эффективность прогнозов развития целого ряда процессов.

С.Е.Кургинян – автор многочисленных статей по политологии. В 1991 – 1993 гг. вышли трехтомный сборник "Седьмой сценарий" и сборник статей "Власть и оппозиция". Он активно и регулярно выступает в печати и по телевидению, пользуется известностью как один из лучших оппозиционных полемистов. Возглавляемый Кургиняном Международный Фонд "Экспериментальный творческий центр" выпускает ежемесячный журнал "Россия-XXI". Московский театр "На досках" под руководством С.Е.Кургиняна является одним из ведущих элитарных театров.

Значительную роль в текущей политической деятельности С.Е.Кургиняна и его Фонда играют созданные им в 1992 г. Межрегиональный клуб "Постперестройка", объединяющий ведущие интеллектуальные силы различной политической ориентации, и возникший в 1994 г. элитный политический клуб "Содержательное единство", членами которого являются такие известные оппозиционные политики как Валерий Зорькин, Олег Шенин (лидер Союза компартий бывшего СССР), Владимир Крючков, Юрий Воронин, Николай Рыжков, Александр Соколов и еще более сотни политиков, ученых и деятелей культуры.

С.Е.Кургинян женат. Жена – Мамиконьян Мария Рачиевна, актриса. Имеет дочь. Основное увлечение – аналитическая работа.

О ЧЕМ МОЛЧИТ РОССИЯ?
Владимир Вячеславович Малявин

"Народ безмолвствует". Такова глубочайшая правда русской жизни. Но это безмолвие не есть небытие; к нему надо прислушаться, и тогда станут внятны небесные обетования русской души – возможно, слишком невероятные для "скромных честолюбцев" Земли...

"Русская идея" рассматривается Малявиным в свете его представлений об общественном бытии людей, в котором выделяются три уровня: традиция, культура и цивилизация. Европа и Азия выработали свои особые формы социума, а Новое Время ознаменовалось подавлением традиции цивилизацией. Развитие НТР несет конец как классического Запада, так и классического Востока (хотя, как полагает автор, наследники "веселых восточных мудрецов" в нынешних условиях явно переигрывают западных наследников Платона и Аристотеля). Вместе с тем современная "постмодернистская ситуация" парадоксальным образом приуготовляет возрождение традиционной "науки духа", благоприятствует ремифологизации сознания.

Россия – единственный в мире историко-культурный регион, где сохраняется ощущение ограниченности цивилизации и вся жизнь общества вольно или невольно рассматривается через призму ценностей и установок традиции. Россия, заключает автор, хранит в себе возможность перехода к мета-цивилизации, существующей помимо объективированных, отчужденных форм жизни духа, непосредственно реализующей принципы традиции...

Владимир Вячеславович Малявин родился в 1950 г. в московском Шелапутинском переулке, а рос в окружении татарских и еврейских детей, поэтому считает себя настоящим русским. По образованию историк, окончил в 1972 г. Институт восточных языков, потом год стажиро-

вался в Сингапуре, где любил болтать с китайцами, американцами, французами, немцами, японцами на их языках и оттого еще более укрепился в значительности своего русского звания. Четырнадцать лет тянул лямку преподавателя в МГУ, желая честно служить академической науке. В результате освоил дюжину лекционных курсов и издал более десятка книг по истории, философии, искусству, религии стран Дальнего Востока, а также типологии мировой культуры. Позднее перешел на работу в систему Академии наук: сначала состоял в Институте этнографии, а потом (и по сию пору) – в Институте Дальнего Востока и Институте Человека. В 1988 г. в МГУ защитил докторскую диссертацию, посвященную идеологии в раннесредневековом Китае. Время от времени занимался исследованиями и преподавал в разных странах: Японии, Китае, США, Франции и проч. А в результате получился странный гибрид: человек, прошедший западную выучку, профессионально изучающий Восток, а живущий в России.

Из опубликованных книг наиболее известны: "Гибель древней империи" (1983), "Чжуан-цзы" (1985), "Традиционная эстетика в странах Дальнего Востока" (1987), "Афоризмы старого Китая" (1988), "Конфуций" (серия ЖЗЛ, 1992), "Антология даосской философии" (1994). Готовятся к изданию еще несколько больших трудов, среди них новый перевод даосских канонов "Чжуан-цзы" и "Ле-цзы", исследование символизма китайского искусства: "Сумерки дао. Дух и быт в Китае в XVII в.". Известен и как разноязычный переводчик литературных и научных произведений, а предпочтение отдает всяческим неудачникам и маргиналам, вроде Эзры Паунда, Антонена Арто или китайских юродивых.

Человек ученый, убежден Малявин, должен писать много, ибо талант нуждается в самовыражении, чтобы было чем и как совершенствовать себя. Но это означает также, что "занятие наукой" должно стать личным убеждением и самой жизнью ученого. По этой причине, помимо прочего, он долгое время учился у даосских мастеров ушу в Китае, здраво рассуждая, что если уж русской душе так хочется попробовать яд чужой культуры, то лучше сделать это самому: по крайней мере, сумеешь прочесть, что было написано на пробирке.

Область интересов: история культуры в странах Дальнего Востока, типология мировых цивилизаций и русская традиция, философия культуры.

"ПРОШЛОЕ РЕАЛЬНО, ПРОДУКТИВНО И НАСУЩНО"

Глеб Олегович Павловский

Автор статьи "Вместо России" ("Слепое пятно") не убежден в существовании одноименного государства, члена СНГ и ООН.

Вообразим, предлагает Павловский, что Израиль был бы создан еще в рамках Версальской системы – до Холокоста и вне сионистской революции, – как государство идишеязычных граждан еврейской национальности. Под именем "Израиль" возникла бы региональная ближневосточная страна, еще одна точка еврейской иммиграции, не более того. Таков, по Павловскому, аналог современной русской ситуации: РФ как "национальное государство", не освященное ни русской классической культурой, ни национальной историей, с бюрократизированными ритуалами, признанное мировым сообществом, – чтобы было с кого взимать долги предшественников. Страна русских реальна, но РФ, вымышленная в роли "Государства Российского" и поддерживающая этот миф, оставляет русских без государства вообще.

Автор считает, что погоня за мифической "мировой цивилизацией" мешает восприятию плачевного состояния реальной – русской цивилизации, откладывая начало ее воссоздания. Его тяготит "образ гигантской обезьяны, забравшейся на склад исторического реквизита всех времен и народов... Не зная что делать, она лихорадочно завладевает все новыми значками, магически полагая, что сумма обозначений реального когда-то пересилит гложущую пустоту, придав небывальщине статус вещи. <...> Смысл российской реставрации – в безмерном притязании на чужое".

Павловский уверен, что шок прошлого мешает России самоопределиться. По его мнению, нам "не объяснять надо, а выжить". "Нужно наново восстанавливать способность ставить вопросы. Нужны не правильные теории, а интерес к живой природе человека – реального, вот этого человека – и способность здраво оценивать личный и политический риск сосуществования с ним".

Автор утверждает: "Только прошлое реально, продуктивно и вполне насущно для нас; "текущим" же, то есть областью домыслов и обманных проекций, является скорее будущее".

...Глеб Олегович Павловский родился 5 марта 1951 года в Одессе, в семье инженера-строителя. В 1968 – 1973 годах учился на историческом факультете Одесского университета. Первое издание Павловского – стенгазета, выпущенная на втором курсе университета, называлась "XX век" и была снята партбюро "за анархизм и левоэкстремистский уклон"; начинающего редактора вскоре исключили из комсомола.

Тогда же Павловский становится участником кружка-коммуны "Субъект Исторической Деятельности" ("СИД") – сообщества молодых людей, зараженных "духом 68-го года" – идеями интеллектуального марксизма, отчуждения, диалектики и т.п. Молодые историки боролись с буржуазным индивидуализмом среди членов коммуны и обсуждали вероятность и риск "ликвидации СССР силами небольшого числа людей". ("Я считал себя чем-то вроде дзэн-марксиста".) Одесская коммуна распалась под натиском появившихся в ней женщин...

Философская активность по правилам эпохи перешла в политическую; установились связи Павловского с одесским диссидентским сообществом, а с начала 70-х – с московскими инакомыслящими Михаилом Гефтером, Генрихом Батищевым, Григорием Померанцем и другими. В 1974 году состоялось неизбежное знакомство с КГБ – по делу о распространении "Архипелага ГУЛаг". Главным итогом тех лет Павловский считает нерастворимость в среде, работавшей на унижение личности. Границы личной свободы определялись под давлением, на изломе. ("Следователи были профессиональными, жесткими тренерами".)

Павловский ушел с работы (он преподавал историю в школе), обучился на столяра и, ради смены биографической идентичности "одессита", переехал в Москву. Последующие годы работал где придется – строительным рабочим, столяром, лесорубом.

В это время Глеб Павловский все тесней сближается с Михаилом Гефтером. ("Мы биографически срослись; с тех пор я чувствовал себя лирическим героем его идей".) Считая годы застоя точкой "столетия, приостановленного в зените", Павловский видел цель страны в осознании ее истории как культурной основы обретения национальной идентичности: СССР и есть Россия, диссиденты – дворянство Республики, а гонители – безродные узурпаторы. ("Эпохе Противостояния – то есть Семидесятым, в отличие от Шестидесятых, – был свойствен невыносимый лиризм. Но размениваясь на пятаки и стираясь, он докатился до Окуджавы".)

В середине 1970-х годов Павловский – записной антисоветчик. В Москве в 1978 – 1980 годах – один из соредакторов "Свободного московского журнала "Поиски". Обыски, допросы, пресс-конференции, ширящийся круг арестованных – обиход Противостояния. Во время одного из процессов "дзэн-марксист" высаживает окно Мосгорсуда кирпичом; за ним гонятся, и, прыгая с крыши, он ломает ногу; друзья под чужой фамилией кладут его в больницу... ("В Склифософском я вдруг очнулся от ненависти к "слугам режима". Живописная безбытность диссидентства обернулась безвкусицей – погони, прятки, женщины, весь этот Дюма, за который люди расплачиваются друг другом, во всем виня "власть". Новых идей никаких; уезжать из страны стыдно; дальше идти некуда. Звериное чувство тупика – закупоренность в собственной биографии. Я решился бежать из биографии. Попытка не удалась".)

С 1981 года Павловский выступает с идеей пакта "общество-власть", отказа от Противостояния, создающего (по его замыслу) некатастрофическую альтернативу для СССР, вступающего в полосу упадка в атмосфере национального раскола. Но в результате оказывается все более сомнительной фигурой для диссидентства и лишней проблемой для властей, делающих ставку на "окончательное решение вопроса". В апреле 1982 года, через полтора года после прекращения выхода журнала, он арестован по обвинению в издании "Поисков".

По прошествии лет главной своей ошибкой в тюрьме считает решение из нее выйти. Но решение принято, требуемая властями цена – признание себя виновным – в тогдашней диссидентской среде строжайшее табу. Получив сравнительно мягкий приговор, ссылку, он следующие три года работает кочегаром и маляром в Коми АССР. ("Я жил в состоянии какого-то державнического неистовства, писал в Политбюро и в КГБ трактаты с поучениями, как спасти СССР, упорно именуя его "Россией". Местный алкоголик-оперуполномоченный читал их и подшивал к моему делу. Так мы переписывались с историей".)

Отбыв срок ссылки, в декабре 1985 года Павловский возвращается в Москву, где ему запрещено проживать, и около года скрывается. Он вне обоих обществ: советского, как "судимый", и диссидентского, как осквернитель святыни Противостояния. Блуждая по андеграунду столицы, выходит на арбатский молодежный клуб, образованный для обработки писем центральных газет. Вскоре на его базе возникает первая в Москве легальная политическая структура оппозиции – "Клуб социальных инициатив" (КСИ); Павловский – один из пятерых учредителей. КСИ знаменит проведением первой легальной конференции неформалов, где впервые встретились многие будущие активисты и лидеры оппозиции.

Оплотом неформалов становится журнал "Век XX и мир": главный редактор Анатолий Беляев "пригрел" Павловского, еще судимого и без прописки. ("Прописан был позднее Ельциным в порядке исключения – за мной должок".)

Осенью 1987 года Г.Павловский – среди учредителей информационного кооператива "Факт" (председатель Владимир Яковлев). "Клуб социальных инициатив" растворяется во второй волне демократической оппозиции; в 1989 году Павловский уходит в "свой" журнал – и в бизнес. Павловский – учредитель информационного агентства "Постфактум", главный редактор журнала "Век XX и мир". Годы перестройки считает прежде всего периодом поразительной умственной нищеты, которая и привела к утрате некатастрофической альтернативы СССР.

Весной 1994 года много шума наделала подготовленная по заказу Павловского аналитическая разработка возможного сценария антипрезидентского заговора ("Версия № 1" была забавная шутка, но пошутил, к сожалению, не я".). С тех пор больше года он вновь под следствием. Время от времени изобретает структуры, откуда затем уходит, и журналы, хотя печатается преимущественно в "своем".

ЛЕВЫЙ ЛИБЕРАЛ БЕЗ СВЯЗЕЙ
Борис Гурьевич Капустин

Может ли в России либерализм выступать в качестве конструктивной идеи? Так формулирует Борис Капустин центральную проблему своего эссе.

Каждый крупный "прорыв либерализма" на английской, американской, германской или иной почве был экспериментом, и в качестве такового осознавался его творцами и участниками. Способен ли российский либерализм к собственному эксперименту?

Опираясь только на частные интересы, нельзя проводить осмысленную государственную политику. В России – в особенности. Между тем, отмечает автор, явление, сопоставимое по своим масштабам разве что с Великой французской революцией, сопровождалось удивительным интеллектуальным убожеством, отсутствием оригинальных политических мыслей. Даже нелиберальная идея "авторитарной модернизации" почерпнута на Западе. Отечественная интеллигенция, ее "властители дум" оказались неадекватны развернувшимся процессам. И это одна из причин того, что широкая либеральная волна захлебывается, не успев дать в осадке институтов, законодательства, нравственных основ нового общества.

И вот промежуточный итог нашего "развития по Гоббсу": движущей силой процесса становятся "молодые волки". Капустин выливает ушат холодной воды на либералов: Жириновский (автор термина) есть в действительности то, что они есть в фантазии. Националистическая риторика создателя ЛДПР – просто ходкий на политическом рынке товар, каковым на ином рынке могут быть "права человека" или "снижение банковской учетной ставки".

...Борис Гурьевич Капустин родился в 1951 году. Окончил Московский институт международных отношений (1974). В 1979 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1988 году – докторскую. Стажировался на факультете социологии Лондонской школы экономики (1984–1985). Автор двух монографий и более 60 статей. Работал в Университете дружбы народов, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Институте современных общественных проблем. С 1992 года – эксперт Горбачев-фонда. Сфера научных интересов – методология философии истории и политической философии, история политической мысли, тео-

рия демократии, динамика и перспективы идейно-политических процессов в современной России.

О себе Борис Капустин пишет:

Моя биография до настоящего времени малособытийна и вряд ли может представлять какой-либо интерес для общественности. Права же на автобиографию в духе Руссо за собой не признаю. Мне кажется, у тех, кто пишет, биографией является вся совокупность опубликованного. Иной, скорее всего, для общественности не должно быть.

Я родился в Свердловске. В 1968 году перебрался в Москву, поступив в МГИМО МИД СССР. Сразу после окончания его в 1974 году как человек "без связей" был призван в Советскую Армию, хотя как выпускник МГИМО служил в Сирии. После демобилизации в 1976 году вопреки всем инструкциям (т.е. будучи беспартийным, без педстажа и т.п.) поступил в очную аспирантуру кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ. Кандидатская диссертация была "ильенковской" по методологии и "водолазовской" по общему мировидению, а непосредственно посвящена изучению эвристического значения категории "формация" для анализа многообразия исторического процесса. Сейчас эта работа очень далека от меня, но степень ее наивности показалась мне чуть меньше той, которую я ожидал, беря недавно диссертацию в руки. Потом последовали семь лет работы на кафедре философии УДН им. П.Лумумбы с затратой большой доли сил на "социологию развития" и "социологию слаборазвитости". Это был также период открытия мною и большого увлечения "западным марксизмом" – от Д.Лукача и К.Корша до Ж.-П. Сартра и Л.Альтюссера. Этой же склонности способствовал год стажировки в Лондонской школе экономики, в результате чего появилась первая книжка "Неомарксистская социология, исторический материализм и развивающиеся страны" (М., 1988). Сейчас, весьма критически оценивая свои труды тех лет, я тем не менее считаю проделанную работу полезнейшей школой, обусловившей то, что я, вероятно, никогда не смогу расстаться с моим местом на левом фланге, на том его участке, который для себя обозначил: "левый либерализм".

В разгар перестройки с массой иллюзий и энтузиазма я перешел на работу в АОН при ЦК КПСС. Тогда мне действительно хотелось понять, каким может быть политфилософское содержание "нового политического мышления", возможен ли методологический синтез формационного и цивилизационного подходов, политического рационализма и ориентации на идеалы. Появились докторская диссертация и другая книжка – "Глобальные проблемы мирового общественного развития" (М., 1991). Последняя оказалась столь же неудачна, как и само стремление пополнить "новое мышление" концептуальным содержанием. Кроме глубоких личных разочарований это вызвало потребность вновь податься в ученичество – к классике политической философии и к ее современным разработкам, чтобы попытаться осмыслить,– ставя, в общем, гефтеровскую проблему "Россия и Мир", – необходимость для мира российской трагедии и возможные условия выхода из нее. Результатом всего этого стали длинная серия статей в академических журналах и газетах, начатая, но еще не дописанная книга "Либерализм и проблема современности", где я попытался обрисовать свое видение либерализма, который может быть жизнетворен в России".

ЧЕЛОВЕК ПУТИ
Шамиль Загитович Султанов

Шамиль Султанов работает с понятиями "элита" и "квазиэлита". Элиты, эти своеобразные "государства во времени", способны проводить человеческие общества по тропе традиции сквозь столетия и даже тысячелетия. Квазиэлиты, напротив, обладают лишь формальными признаками лидирующей общественной группы. "Квази-", в отличие от подлинных элит, не несут ответственности за общество как Целое.

Элита, по Султанову, связана с феноменами традиции, времени и пространства. Она не обязательно реализует функцию власти – именно в той мере, в какой является воплощением сакральной ответственности за Целое, даже зачастую не будучи выделенной в социальной иерархии. Истинная элита объясняет (прежде всего созданием соответствующих моделей поведения) своему социуму, в чем сегодня смысл бытия, жизни, "постоянно интерпретирует в рамках живого мифа поток профанической реальности", объединяет в нечто общее частные ответы на ключевые вопросы: "Кто мы? Откуда пришли? Куда идем?".

Элита, по Султанову, эффективна в социальном контексте, если она одновременно выражает предельный сакральный вызов, то есть осознает некую сверхзадачу вне категорий реального социального бытия. "Рефлексивность элитарного мышления всегда связана и опосредована мистической выразительностью сакрального числа (но не цифры), непосредственно переживаемым единством времени и пространства, верностью Традиции... симфонической мозаикой циклических ритмов. Да и сам процесс формирования и развития элит строго цикличен. Время опускания в социальное периодически сменяется временем погружения в сакральное. Новая модель элиты всегда и прежде всего требует и новой, эвристической формулы интеграции сакрального и социального, только и способной обеспечить органичность элиты как таковой. Если такой формулы нет, то вместо элиты сцену заполняют многочисленные квазиэлиты. "Бульканье" квазиэлит и есть наиболее яркая демонстрация погружения социума в хаос потенциального. Как в нынешней Российской Федерации..." – разъясняет автор в аннотации к своей работе.

Султанов рассматривает проблему элиты в ее метафизическом и мистическом измерениях, выстраивая в качестве разработчиков темы нетривиальный ряд мыслителей – от Плотина до Льва Гумилева. Ста-

тью итожит его анализ законов функционирования советских и постсоветских квазиэлит.

...Шамиль Загитович Султанов родился 16 мая 1952 года в г. Андижане Узбекской ССР. Окончил среднюю школу с золотой медалью, поступил в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) на факультет международной журналистики.

По окончании в 1976 году МГИМО работал там в лаборатории системного анализа международных отношений, защитил кандидатскую диссертацию по проблемам принятия внешнеполитических решений, стал руководителем научной группы. Занимался конфликтологией, региональной и глобальной безопасностью, теорией принятия решений, методологией и технологией политического анализа. Опубликовал свыше 80 научных статей по конфликтологии, проблемам регионального развития, системному анализу и общей теории систем. В серии "ЖЗЛ" вышла написанная им в соавторстве книга "Омар Хайям". В 1989 – 1990 годах Шамиль Загитович – заместитель заведующего отделом в Институте внешнеэкономических связей.

С января 1991 года сотрудничает в газете "День" ("Завтра"), занимая на сегодняшний день должность заместителя главного редактора, возглавляет одноименный аналитический центр. Султанов полагает, что принадлежность к "духовной оппозиции" дает ему дополнительные возможности для воплощения наработанных моделей. Долгий опыт отношений Шамиля Загитовича с заказчиками из "высших эшелонов власти" привел его к выводу, что сам тип сложившегося бюрократического мышления не позволяет подняться в принятии решений на качественно иной уровень. Оппозицию же как таковую Султанов считает более динамичной, требующей постоянного продуцирования новых идей, отвечающих катастрофически меняющейся реальности.

Султанов полагает, что для сохранения и развития своей "самости" человек должен в том числе сознательно отработать значительное число "социальных ролей", что помогает в поиске собственного пути, то есть собственного личностного типа мышления.

Более 15 лет Шамиль Султанов занимается весьма специфической проблемой взаимосвязи между мифологическим, магическим и диалектическим мышлением. Изучая мистику, магию, философов-диалектиков от Платона до Гегеля, пришел к выводу, что на определенном этапе три вида мышления приходят к неким общим принципам, выявление которых и есть задача Султанова-исследователя.

Недавно Султанов закончил работу над книгой "Плотин". Книга, действие которой происходит "где-то неизвестно где" (ибо одна из ключевых проблем – "снятие фактора профанического времени"), дает картину мистического воплощения самонарождающейся реальности.

Султанов – традиционалист, фундаменталист, сторонник иерархии. Считает актуальным создание новых типов корпоративных организаций (включая и государство в целом). Полагает наиболее эффективной государственной формой империю, насущной программной задачей – выработку новой имперской идеологии, формирующей саму структуру государства. Непосредственную программу Султанова выражает лозунг: союз народов, федерация регионов, сильное федеративное государство.

СМЫСЛОПРОХОДЕЦ
Сергей Борисович Чернышев

Родился в 1952 г. в районном центре Богодухове под Харьковом в семье военнослужащего, в связи с чем до совершеннолетия успел пожить еще на Дальнем Востоке, в Казахстане, в Москве и в одном из центров ВПК – г. Ахтубинске Астраханской области, где получил аттестат зрелости.

В 1976 г. закончил Московский физико-технический институт. В качестве специалиста по системному анализу и проектированию организаций служил в отраслевых НИИ Госкомитета по науке и технике и Госстроя СССР. К середине семидесятых окончательно определился в своей принадлежности к распространенному в России типу самозваного "спасителя отечества". Тогда же были предприняты первые (технократические по своим установкам) усилия в этом направлении. Первые годы ему посчастливилось плыть не в одиночку, а в русле многолетней деятельности уникального коллектива системщиков, в работах которого отточенная культура теоретического мышления парадоксально сочеталась с глубоким пониманием прикладных проблем. Это уберегло от многих глупостей.

К концу десятилетия стала окончательно очевидной безадресность этих усилий. Наступила пора изучать Гегеля и решать житейские проблемы.

В 1980 г. Чернышев становится научным консультантом Комитета молодежных организаций СССР. В этой роли его застигает слом эпох, вопль-откровение Ю.Андропова о том, что наше общество не знает самое себя и вынуждено двигаться вперед на ощупь, методом проб и ошибок.

В 1983 – 1987 гг. трое сравнительно молодых людей подготовили и направили партийно-государственному руководству серию теоретических работ, содержавших, наряду с остро критическим анализом положения страны, предложения по концептуальному обеспечению необходимых реформ. Их публикация стала возможной лишь в пору перехода гласности во вседозволенность (книга "После коммунизма": М., 1989 г., под псевдонимом "С.Платонов").

Это были годы напряженной и небезопасной "прогрессорской" деятельности в духе Стругацких: непрекращающегося диалога-интриги с двумя десятками наиболее "прогрессивных" представителей верхушки тогдашней политической элиты, отчаянных усилий помочь формирова-

нию ядра субъекта назревших реформ и его теоретическому оснащению. Но к 1986 году, еще до момента выхода (сразу по трем независимым направлениям) на самый верхний уровень пирамиды власти, стали очевидными концептуальная и духовная пустота этой власти и утопизм попыток инспирировать конструктивные реформы сверху. Было решено "идти другим путем", точнее – несколькими путями сразу.

В 1987 г. Чернышев стал одним из создателей Международного фонда "Культурная инициатива", финансируемого Дж.Соросом, и в течение первых лет деятельности фонда руководил секретариатом его правления.

В том же 1987 г. для дальнейшей разработки концепции реформ, предложенной "С.Платоновым", решением Совета Министров был создан исследовательский центр на базе НИИ внешнеэкономических связей СМ СССР. В 1988 – 1989 гг. центр совместно с фондом "Культурная инициатива" выступил инициатором и координатором крупной международной программы "Открытый сектор в советской экономике"[1].

С 1989 г. Чернышев является президентом интеллектуального клуба "Гуманус". Среди целей клуба – содействие процессам формирования общественного самосознания, создание методологических основ и технологии междисциплинарного синтеза в общественных науках.

Зимой 1989/90 гг. для Чернышева запоздало окончился период теневого реформаторства: впервые в жизни он увидел в печати свои материалы, подписанные настоящим именем. После статьи "Новые вехи" в январском номере "Знамени" за 1990 год, выдержанной в традициях модного тогда жанра публицистики, начался бурный (хотя и сравнительно кратковременный) роман со средствами массовой информации.

С конца 1991 г. Чернышев руководит группой аналитиков Внешнеполитической ассоциации. При этом он опять не появляется ни на экранах, ни на страницах, избегает массовых мероприятий и ничего не публикует. Одним из результатов добровольного затворничества становится книга "Смысл", увидевшая свет осенью 1993 г. Если "После коммунизма" имела подзаголовок "Книги, не предназначенной для печати" (что было правдой), то новое эзотерическое творение, украшенное гексаграммами "И-цзин", вполне заслуживает звания "Книги, не предназначенной для чтения".

С 1993 года Чернышев принимает участие в работе российско-британского Междисциплинарного академического центра социальных наук ("Интерцентр"). С 1994 года – входит в состав его ученого совета.

Средоточием усилий последних трех лет (а возможно, и всей предыдущей жизни) стал проект "Иное".

Мировоззрение и человеческая позиция Чернышева отражены в его статьях, вошедших в "Иное". С момента пробуждения самосознания, несмотря на внешнее разнообразие ролей, проектов и организаций, он всегда занимается одним и тем же. Не представляет интересов ни одной из существующих партий или корпораций, не имеет политических и идеологических пристрастий, а в людях ценит совсем не то, что привыкло ценить общество или они сами. Он обрел счастье в семье, и это многое объясняет.

---

[1] Об истории и идеологии программы, по ряду причин имевшей тогда закрытый характер, рассказано в книге "Второе пришествие" (М., 1991 г.).

"ТРЕТИЙ РИМ" И "ТРЕТИЙ МИР"

Татьяна Евгеньевна Ворожейкина

Экономическая эффективность и социальное благополучие, демократия и стабильность...

С началом реформы выяснилось, что в России на ее нынешней фазе развития эти цели едва ли не противоречат одна другой. Сравнения с Западом вызывают только комплекс неполноценности. Появившиеся в последние годы сопоставления России с латиноамериканскими странами, по мнению Ворожейкиной, более продуктивны. Почему? Опыт модернизации в условиях нестабильности, социальной поляризации и дезинтеграции дает достаточно пищи для кратко- и среднесрочного прогнозов. Далее, латиноамериканский опыт последнего десятилетия свидетельствует о частичной разрешимости коллизий, кажущихся неразрешимыми у нас. Наконец, сопоставления с Латинской Америкой четко выявляют и козыри россиян.

В общем, считает автор, попытка взглянуть на происходящее в России из неевропейского мира позволяет уйти от примитивного оптимизма либеральной парадигмы, не впадая в противоположную крайность.

Статья Ворожейкиной содержит впечатляющее число "параллелей" (и "перпендикуляров") между нашей страной и презираемым некогда "Третьим миром".

Из диктофонной записи беседы с Татьяной Ворожейкиной:

"Я родилась в Москве в 1953 году, здесь же окончила школу, затем истфак МГУ (по специальности "История Латинской Америки"). С тех пор работаю в Институте мировой экономики и международных отношений. Замужем, имею дочь.

Я занималась социально-политическими, экономическими проблемами почти всех стран латиноамериканского континента. Последнее время изучаю взаимосвязь процессов экономической либерализации и политической демократизации, сравниваю, как разворачиваются эти процессы в латиноамериканских странах и у нас. Речь не идет о прямых параллелях. Но общего в реакции обществ на экономическую либерализацию и перемены в политической сфере гораздо больше, чем кажется, несмотря на существенную разность исходных условий. Я много раз бывала на континенте и постоянно в этом убеждалась. Недавно в Бразилии по приглашению Католического университета Рио-де-Жанейро читала лекции по российским проблемам. Реакция моих слушателей: "Как похоже!"

Вообще ситуация в Латинской Америке дает России целый ряд моделей, включая крайние – перуанскую и бразильскую. Зачастую идет прямая трансляция опыта. Есть еще одно важное обстоятельство, которое придает смысл моей специализации.

Сравнение России с развитыми странами Запада повергает наше общественное мнение в отчаяние. Создается впечатление, что никаких перспектив в будущем у нас нет. Я смотрю на Россию из другого мира и понимаю: ситуация не так хороша, но и не так плоха. Есть страны с гораздо более серьезными социальными проблемами; когда туда приезжаешь, становится стыдно за разговоры о массовой бедности и недоедании в России. Катастрофический взгляд на мир ("хуже некуда") бесплоден. В Латинской Америке мне доводилось видеть, что такое "хуже".

Что же касается политических убеждений, то я придерживаюсь левых взглядов в традиционном понимании этого слова, то есть полагаю, что рынок не может выполнять функции единственного регулятора в экономике и обществе.

Считаю, что вмешательство государства или каких-то иных нерыночных институтов необходимо. Однако сегодня для меня очевидно, что нынешние государственные институты в России, коммерциализированные и изъеденные коррупцией, не в состоянии выполнять собственно государственные функции. Такому псевдогосударству, скорее, предпочту жутковатую правду рынка...

Я сторонник парламентской демократии и считаю, что президентский режим не только не способствует политической стабильности, но, напротив, неизбежно углубляет раскол в обществе".

КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ ЦЕНА ОБНОВЛЕНИЯ
Андрей Васильевич Фадин

Андрей Фадин полагает, что эволюция советского общества к началу горбачевской перестройки дошла до точки невозвращения, и Дэн Сяопин на месте Горбачева едва ли добился бы большего. Система стала принципиально нереформируемой сверху. Он подробно объясняет, почему мы – не "китайцы". Социальным фактором, ставящим крест на попытках авторитарной рыночной модернизации, автор считает не только косность номенклатуры, но и установки советского среднего класса (ССК). По его мнению, этот ССК создал мощную (западническую в целом) культурную традицию, проникся антивластным мироощущением и стал главной силой, взорвавшей возможность консервативной эволюции режима.

А коль скоро путь эволюции был заказан, то *выжечь* неэффективные отрасли, структуры, институты могла лишь КАТАСТРОФА. "Да, страшной ценой, и поэтому ни радоваться ей, ни желать ее нельзя. Но цена попыток избежать катастрофы *не будет ниже*, результатом же может стать лишь социальное гниение, относительно плавная многодесятилетняя деградация". Фадин идет дальше и обосновывает, что катастрофа – вообще цена обновления русской истории. "Катастрофой региональных социумов были собирание российских земель под московскую руку, а затем централизация государства (стоит ли напоминать, что́ последняя означала для Твери, Новгорода, Рязани...). Катастрофическими для традиционных социальных структур были опричнина, петровские реформы, сталинская индустриализация и коллективизация деревни".

Автор считает меньшим из зол признать императив катастрофы ("Делай, что нужно рынку, или – выпадай в осадок") и искать варианты "смягчающей страховки" для миллионов выпадающих. Бедность для большинства неизбежна, значит надо возрождать "культуру бедности", противостоящую нищете, идеологию солидарного выживания.

О себе Андрей Фадин пишет:

"К сорока двум годам пришел к странному ощущению, что писать о себе не то что неловко – как-то нечего. А что есть – то как-то неудобно. Для исповеди вроде рано, да и не место (дело-то вроде интимное) и не объем, для объективки – поздно, и тоже – не объем и не место... Но может, кому-то и будут интересны некоторые наобумные пояснения, откуда берутся такие уроды.

ОБ АВТОРАХ...

Родился в 1953-м – и полжизни оказались странным образом связаны с этой датой. Бог – к изумлению современников – оказался смертным, хотя, как стало очевидно чуть позже, – лишь в первом приближении. Для живших во чреве Системы она казалась незыблемой, орвеллиански безнадежной. Два предыдущих поколения прожили в ней, росли, мутировали и умирали вместе с ней. Мы, ее третье поколение, казалось, обречены стать следующими в этом ряду...

Жить и процветать в Системе казалось постыдным, сшибаться в лоб – безнадежным и бессмысленным, отъезжать – банальным и не совсем приличным. Приличным выбором казалось жить слегка на отшибе, во "включенно-выключенном" состоянии, отчасти во внутренней эмиграции, отчасти в не до конца переваренных Системой сферах деятельности. Но соблазн социального успеха и страх аутсайдерства были, если честно, равноправными элементами той жизни. Ежедневно приходилось идти на компромиссы, о которых не принято было рассказывать друзьям. Этой ситуации – при нашей жизни – не было видно конца.

От источников какой-то серьезной идеологической альтернативы люди моего круга были изолированы, искать приходилось "под фонарем". Здесь все было просто: достаточно только отказаться от двоемыслия и всерьез воспринять провозглашенные Системой ценности, чтобы автоматически стать ее противником.

Банально. *Всерьез* воспринятые идеалы социальной справедливости, равенства возможностей, интернационализма и пр. неминуемо превращали любые знания о красном терроре, голодоморе 1930 – 1933, репрессиях или депортациях народов – в мотив борьбы с Системой. В этом смысле марксизм был вполне антисоветской идеологией (Мао: "Марксизм состоит из тысячи истин, но главная из них – это право на бунт").

Но при таком посыле – где искать опору? В 60 – 70-е для моего круга это было очевидно: в живой революции, там, где Система еще не сложилась, где "еще все может быть". Революционное Эльдорадо двадцатилетия – Латинская Америка, герой – Че, фигура которого одновременно противопоставляла нас Системе и буржуазному Западу, сближая с Западом антиофициальным, бунтарским, антисистемным. Советский геварист выходил в перпендикуляр не только к "своему", но и к мировому истеблишменту, к стандартной системе координат "холодной войны", эмигрируя в иную реальность, подсознательно избегая лобового самоубийственного столкновения не только с властью, но и с родным дерьмом советской реальности.

Как ни странно, "нас" было довольно много, и, что особенно поразительно, – в наглухо запечатанной от внешних влияний российской провинции. Конечно, было в этом много простого стремления куда-то туда, прочь от тоскливой муки будней и скуки воскресений ("на далекой Амазонке не бывал я никогда"), самоутвержденческого стремления выделиться из стада. Но была и не менее наивная жажда разделить с "проклятьем заклейменными" мирового Юга их невыносимую судьбу.

Для меня все эти общие вещи имели оттенок личной драмы, ибо многие напряги совцивилизации проходили через семью, отношения с родителями и между ними.

Мать – из семьи репрессированного еврея-революционера (Харбин, КВЖД, подпольные соцкружки, ген. Хорват, Колчак, Чита,

ДВР, КУТВ[2], работа в Китае с Блюхером, 1938, арест, 58-я, расстрел). Мать молчала, но бабуля дрожала от ненависти, произнося слово "сталин". Пунктиром – память о "деле врачей", о еврейском корне.

Отец – из семьи полусельского рабочего-мельника. Дед с Рязанщины (мировая, австрийский плен, побеги, Украина, коллективизация, бегство от голода в Башкирию). Отец: школа в Чишмах под Уфой, война, минометное училище, полностью почти сгинувшее на днепровской переправе, ВИИЯ[3] со шведским, служба радиоперехвата в Карелии, дембель в 1947, Москва, пединститут, школа, Академия педнаук – и, наконец, аппарат ЦК с его странновато-страшноватым внутренним миром, охватывающим жизненный цикл человека в полном смысле от колыбели до могилы (от своих больниц и детсадов – до своих кладбищ).

68-й стал годом какого-то слома, прибивавшего тебя к какому-то берегу помимо твоей воли. В семь утра 21 августа отец разбудил меня словами "Наши в Чехословакию вошли". Когда я в ответ спросил "По какому праву?", мы оба поняли, что очутились по разные стороны.

Опуская детали (хотя, как всегда, в них все дело): через эту семью, как и через миллионы других, прошла дуга напряженности между советской историей – и ее результатами. Механизм этого напряжения я попытался проследить в тексте статьи.

Далее все довольно автоматично – и потому на уровне объективки. Истфак МГУ. Первые контакты с "самиздатом" и "несанкционированной политической активностью". Невоздержность на язык и на перо (зрелый, хлебнувший советской жизни рабфаковец как-то среагировал – "комнатный революционер", запомнилось до сих пор). Соответствующая отдача, от которой спасло положение отца.

Институт мировой экономики и международных отношений. Латиноамериканистика. Тексты. Вечно недописанный диссер.

Одновременно – новый круг ("надо что-то делать"). Афган. Польская "Солидарность". Опять самиздат, на этот раз – свой. 1980-82: попытка издания аналитического журнала "Варианты" (и организация нелегальной структуры для этого издания).

Передача материалов на Запад – 1982: арест всей группы – год под следствием в Лефортове – пошив "дела молодых социалистов" – смерть Брежнева – "помиловка". Со всеми неизбежно сопутствующими и вытекающими...

Новый круг. Возвращение. Завод ГПЗ-2. Промсоциология. Странноватый НИИ культуры...

Затем – 1987 и далее, "perestroika", клуб "Перестройка", раскачивание лодки. Иная реальность, новый опыт – "Коммерсантъ", мир денег.

Но нет, не пошло, шаг обратно и вперед – "Век XX и мир". Его (и мои?) лучшие годы – и умирание.

И вот теперь, блин..."

---

[2] Ком. университет трудящихся Востока.
[3] Военный институт иностранных языков.

СОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: РАСПАД БЕЗ ХАОСА

Владимир Леопольдович Каганский

Владимир Каганский доказывает, что с пространством СССР ничего непостижимого не происходит. Рукотворная конструкция распадается на части, из которых она была собрана. Этот процесс происходит при отсутствии видимых внешних воздействий, следовательно, разгадку происходящего надо искать в особенностях самой конструкции.

Как было устроено советское пространство?

Какие пространственные структуры определяют текущие события?

Эти и другие вопросы исследует автор, приподнимаясь над эмоциональным переживанием процессов регионализации СССР.

Из автобиографии Владимира Каганского:

Родился в 1954 г. в Москве. Активный интерес к географии – с 12 лет. В 1976 г. закончил географический ф-т Московского ун-та по кафедре экономической географии СССР. Студентом стал учеником, позже – коллегой Б.Б.Родомана в теоретической географии. Исходная тема – проблема географических границ. Постепенно тема расширилась, охватывая феноменологию культурного ландшафта и теорию и методологию районирования. Теоретическая география – основная область исследований. 1976 – 1979 гг. – Институт экономики минерального сырья; разобрался в размещении минерального сырья. С 1979 г. – в междисциплинарной среде; "принес" в теорию классификации проблемы упорядочения пространственных сред и границ. Существенны контакты с В.Ю. Милитаревым, С.В. Чебановым, Ю.А. Шрейдером и ныне покойным С.В. Мейеном. Уяснил принципиальную общность проблемы границ и место районирования в упорядочивающе-систематизирующей деятельности. На пересечении теории классификации и теоретической географии написан ряд важных работ.

1980 – 1987 гг.: работа в МГУ по методике картографирования и районирования сельского хозяйства. Освоил его географию; приобрел значительный опыт районирования и картографа-составителя; понял огромное влияние "административной географии" на культурный ландшафт. Разработал ряд методик, составил сотню карт. Параллельно вел семинар по методологии районирования (с Л.Смирнягиным).

Коммуникация в полидисциплинарном теоретико-классификационном сообществе, занятия районированием, картами и культурным ландшафтом (т.е. знание географии "изнутри") привели к осмыслению и реконструкции реальной методологии географии, совсем иной, нежели картины нормативно-методологических манифестов.

1987 – 1990 гг.: аспирант Института истории естествознания и техники. Диссертация "Методологические проблемы географического районирования и его общенаучное значение" (монография в 15 п.л.) – сводка и обобщение результатов вышеупомянутых работ.

Профессиональный взгляд на "перестройку", навыки в теоретической географии, опыт междисциплинарности сошлись в исследовании пространства советского общества=государства. Им в основном посвящены последние годы. Научные контакты с группой теории административного рынка, экономистов и социологов (С.Белановский, С.Кордонский, В.Найшуль и др.), позже образовавшими Институт национальной модели экономики; состою его членом. В 1993 – 1995 гг. исследования ведутся как проект Интерцентра; готовится монография. В этой сфере – эксперт и публицист.

Основа единства сферы исследований – пространствоведческий подход, выросший на материале географического пространства (ландшафта) и обобщенный теоретико-классификационными средствами. Теоретическая география, обобщаемая до пространствоведения, – основа приложений.

Довольно активно путешествую; исследования культурного ландшафта коренятся в опыте его непосредственного проживания.

За 20 лет написано более 50 работ, включая 3 монографии (частично опубликованы). Сделано около 150 докладов на семинарах и конференциях по теоретической географии и регионалистике, теории классификации, теоретической биологии, психолингвистике, герменевтике и др.

СОМНЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ВЕРЫ
Сергей Владимирович Лёзов

Зачин работы Сергея Лёзова "Образы христианства", возможно, не вполне верно ориентирует читателя. Может показаться, что автор развивает достаточно распространенную тему – об ответственности христианских народов и собственно христианства перед евреями, жертвами нацистской душегубки. Однако речь главным образом не о вине христиан за Голокауст, а о "смысле христианского" после Катастрофы, постижение которой должно иметь вероучительные последствия; речь об ориентации истинно религиозного человека в мире, где уже не осталось неопровергнутых утверждений.

Автор, в частности, задается вопросом: может ли плюрализм значить нечто большее, чем способ мирного сосуществования в мировоззренчески расколотом мире?

Возможно ли, чтобы плюрализм из психологической установки стал содержательной ценностью в самом христианстве?

По Лёзову, вера как безусловная отдача включает в себя и сомнение; сомнение – структурный элемент веры. Ибо, по мнению автора, вера, включающая сомнение в свою структуру, подразумевает более "возвышенного", более "божественного" Бога, чем вера, живущая "в мире неопровергнутых утверждений".

Во второй части статьи "Образы христианства" также сопоставляются различные оттенки сомнения как структурного элемента веры. Делается это на примерах творчества и судьбы протоиерея Александра Меня и священника Сергия Желудкова, каждый из которых "по-своему продумывал возможности создания либеральной субкультуры в нашей Церкви".

...Сергей Владимирович Лёзов родился в 1954 году. Детство провел в Смоленске. Закончил МГУ. Работал преподавателем испанского и итальянского языков, преподавал в ИНИОНе. В настоящее время работает в Институте восточных культур в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ), занимается исследованиями Библии (главным образом Нового Завета), переводами. В последние годы занят, в частности, изучением иудаизма эпохи Второго Храма и Талмуда. С 1990 года читает студентам в РГГУ курсы "Введение в Новый Завет", "История иудаизма", "Библейский иврит".

В сознательном возрасте Лёзов стал православным христианином. На рубеже 70 – 80-х был тесно связан с приходом о. Александра Меня.

Изучение западных (в основном протестантских) комментаторов и исследователей Нового Завета подтолкнуло Лёзова к поиску "своего образа мира".

По его словам, он нередко применяет к русской культуре те критерии, которые она сама к себе не применяет. Иногда делает это явным образом, иногда не явным. И сам не сразу понял, что делает именно это...

Лёзов – один из авторов книги "Канонические Евангелия". Участвует в проекте "Новая русская Библия" (при финансовой поддержке издательства "Протестант") – новом полном переводе Библии. Работает над книгой об истории интерпретации Нового Завета (отдельные главы были опубликованы в журнале "Вопросы философии"). Нередко выступает как публицист. Лёзов говорит:

– Я полагаю, вопреки мнению большинства, что в центре христианской веры не обязательно стоит понятие о личном спасении. Это не так и в других религиях (например, в иудаизме). В моей собственной вере стремление к спасению не занимает центрального места. Это важно понимать моим читателям, чтобы было ясно, на чем стою.

В последнее время Лёзов занимается и гебраистикой. Пишет о корнях христианской юдофобии. Надеется остаток жизни посвятить эпохе Талмуда, комментированию еврейской Библии.

"ПРОДУКТИВНЫЙ ИНДИВИД"
Алексей Алексеевич Кара-Мурза

Алексей Кара-Мурза ставит себе задачу "расколдовать" мифы о России, которые в последние два столетия с равным усердием творили наши западники и самобытники.

Метод автора статьи видится таким. Он отыскивает в прошлом точку, где две тенденции почти пересекаются. Это точка "цивилизованности", равно отличающей свободолюбивое славянофильство Ивана Киреевского и религиозное свободолюбие Александра Герцена (в терминах Ф.Степуна). Тогда две тенденции – не параллельные линии, а лучи, зеркально разбегающиеся по оси ординат. Их максимальный разбег в точке "варварства", здесь противостоят крайности реакции и революции. Автор меняет угол зрения, и баррикада разворачивается на 90 градусов. У цивилизованных оппонентов общий идеал – "продуктивный индивид". И общий противник – "варварство", "дурной синтез".

...Алексей Алексеевич Кара-Мурза родился в 1956 году в Москве. Его отец – известный историк и журналист, мать – инженер-химик.

После окончания Института стран Азии и Африки при МГУ (1978 г.), а затем аспирантуры ИСАА, защитил кандидатскую диссертацию по проблемам становления новых элит в странах "Третьего мира". Еще в студенческие годы взял на себя труд постичь соотношения "азиатчины" и "сталинщины", активно участвовал в дискуссиях о т.н. "азиатском способе производства".

С 1981-го работает в Институте философии АН. Сначала в секторе истории философии Востока, затем (1990) возглавляет созданный им сектор философских проблем этнологии, занимается вопросами национальной идентичности (в частности, "русской идеи"). В 1990 – 1991 гг. стажируется и преподает в Высшей школе по социальным наукам в Париже. В 1992-м возглавил в Институте философии Центр философских

проблем российского реформаторства, объединивший ряд коллективов молодых исследователей.

Весной 1992-го к его рабочему месту в институте добавилось другое, попросторнее – на Старой площади, с "вертушкой" и персональной машиной. В течение полугода А.Кара-Мурза руководит группой советников по политико-идеологическим вопросам правительства Бурбулиса-Гайдара. В своей автобиографии Алексей Алексеевич многозначительно намекает, что "этот опыт взаимоотношений интеллектуалов и власти еще ждет своего анализа".

Над докторской диссертацией работает в Париже, защищает ее в 1994 году в Институте философии по теме: "Социальная деградация как феномен исторического процесса (проблема "нового варварства в философско-историческом контексте)".

Алексей Кара-Мурза – известный специалист в области философии истории, политической философии, социально-философской компаративистики. Автор двух монографий и десятков статей в ведущих научных журналах. Руководитель и редактор коллективных трудов, снискавших широкую известность: "Тоталитаризм как исторический феномен", "Из истории реформаторства в России (философско-исторические очерки)" и некоторых других. Главный редактор альманаха социально-философской компаративистики "Параллели (Россия-Восток-Запад)". Много сил отдает преподавательской и просветительской работе: в Высшей школе социологии и политологии Международного университета (профессор), в колледже политологии РГГУ, на философском факультете МГУ (спецкурс "Политическая модернизация России"). В 1993 – 1994 гг. был автором-ведущим курса "Уроки политологии" на 6-м канале телевидения.

Кара-Мурза был председателем оргкомитетов международных научных конференций: "Тоталитаризм как исторический феномен" (1989), "Реформаторство и контрреформаторство в России" (1990), "Россия в поисках идентичности" (1992), "Российское западничество" (1993), "Новая Россия в мировой и региональной геополитике" (1994). Выступал с докладами на международных конференциях и симпозиумах во Франции, Канаде, Англии, Германии, Польше, Болгарии, Монголии...

В графе "семейное положение" пишет: "Имею жену, сына, дочь и вестфальскую овчарку Роджера".

ОСТРОВ, ПОХИЩАЮЩИЙ ЕВРОПУ
Вадим Леонидович Цымбурский

Вадим Цымбурский увлечен поисками ясных критериев российской идентичности: что есть Россия и что не есть? Положим, ее суть – быть "хартлендом" суши, согласно одному теоретику, или симбиозом лесного и степного компонентов Евразии, согласно другому. Какую часть "хартленда" или "лесостепи" должна потерять Россия, чтобы перестать быть собой?!

Из работы Цымбурского можно понять, что Россия XVII века на пути к границам России нынешней могла бы сэкономить изрядную долю усилий. Представим: отвоевав выход в Балтику и Азов, приняв под свою руку племена Кавказа, сохраняя мягкий сюзеренитет над Левобережной Украиной, она переходит на Западе к обороне, торговле и сосредоточивается на освоении Сибири и Дальнего Востока. Разве сильно отличалось бы такое царство Романовых от РФ Ельцина, спрашивает автор? В сегодняшнем строении России ему открываются признаки очень давней альтернативы великоимперскому развитию.

Остров в сердцевине суши. Гигантский русский остров внутри континента с иноэтническими вкраплениями, размытыми, но неприступными границами. С такой Россией – Островом – и работает Цымбурский. Все геополитические притязания России-Острова после Петра оказываются так или иначе причастны к идее "похищения Европы". Не делает автор исключения также для идеологов и практиков евразийства. Ибо, доказывает он, имперская Россия предпринимает широкие акции на востоке, когда ей заблокирован путь на запад, а объектом восточной экспансии всегда оказываются регионы, судьба которых должна *в данный момент* задеть нервы Запада.

В статье "Циклы похищения Европы (Большое примечание к "Острову Россия")" концепция Цымбурского обретает хронополитическое измерение. "Похищение Европы" – духовный комплекс, которым отмечен весь великоимперский период российской истории, когда "остров" стремится оспорить свое цивилизационное "островитянство". В комплексе "похищения Европы" усвоение формальных черт западной

цивилизации синкретически слилось с пафосом прямого геополитического и военного присутствия на платформе Европы, влияния на жизнь европейской цивилизации. Для русских "быть европейцами" – значило "быть силой" в Европе, а "быть силой" – осмыслялось даже как "быть насильно", вопреки воле коренных европейцев. Русские становятся опасностью для Запада лишь с тех пор, как их страна вступает в фазу европеистского псевдоморфоза.

В геополитике великоимперской России обнаруживаются однотипные колебания, образующие циклы "похищения Европы".

В каждом цикле фаза 1 включает попытки России расширяться навстречу Западу, одновременно подключаясь к борьбе сил коренной Европы (или Евро-Атлантики) за гегемонию – так что Россия выступает союзницей каких-либо из евро-атлантических группировок (войны России в XVIII – начале XIX века; участие в начале XX века в Антанте; пакт Молотова—Риббентропа и связанные с ним аннексии). В фазе 2 войска Запада вторгаются в Россию (интервенции Наполеона в 1812 г., Центральных держав и Антанты в 1918 – 1919 гг., Гитлера в 1941 г.). В фазе 3 Россия, отбив агрессию, сама пытается перейти в наступление на Европу, перед которой встает угроза русского домината (походы 1813 –1814 гг. и Священный Союз; попытки большевиков в начале 1920-х перенести революцию в Европу под знаком идеи социалистических "Соединенных Штатов Европы"; боевые действия 1944 – 1945 гг. и Ялтинская система). Фаза 4 отмечена сдерживанием России со стороны Запада и ее отбрасыванием в холодной или горячей войне (Крымская война; сдерживание большевиков в первой половине 20-х; холодная война и крушение СССР). По исчерпании фазы 4 в истории России наступают "евразийские" интермедии как во второй половине XIX века или в годы сталинского курса на "социализм в одной стране". В это время империализм выплескивает геополитическую активность в Центральную Азию и на Дальний Восток, выжидая конъюнктурно благоприятного часа для нового "возвращения в Европу".

Прервана ли сегодня эта череда "европохитительских" циклов? – задается автор вопросом.

Из автобиографии Вадима Цымбурского:

"Родился в 1957 году во Львове. Впрочем, по характеру детского и юношеского моего опыта, вовсе не считаю Галичину родиной: до 1976-го, года моего поступления в Московский университет, моя жизнь была связана частично с Донбассом, частично с Восточной Белоруссией. В университет поступал на отделение русского языка и литературы, через полгода перевелся на отделение классической филологии.

Печатаюсь с 1980 года, интересы – Гомер, древние Балканы и Малая Азия, этруски. Диссертацию защитил в 1987 года по теме отражения в "Илиаде" древнего троянского этногенеза.

С 1990 года работаю в Отделе истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения – с.н.с. Сейчас в Издательстве восточной литературы набирается моя совместная с покойным Л.А.Гиндиным книга "Гомер и Восточное Средиземноморье".

ОБ АВТОРАХ...

До 1985 года политологией не интересовался вовсе. В названном году пришлось заинтересоваться. После окончания аспирантуры работы в Москве по специальности было не найти, хороший знакомый в ту пору, создав "под себя" лабораторию структурного анализа в ИСКАНе, зазвал туда на анализ политических текстов. Там я по 1990 год работал над языком советской военной доктрины с подачи А.А.Кокошина, в ту пору зам. директора ИСКАНа.

В 1989 году поездка в Эстонию заставила столкнуться с национальными проблемами. В 1989 – 1991 годах печатаю совместно с Г.Гусейновым и Д.Драгунским серию статей в "Веке XX и мире". Доминанты тех работ – горбачевизм, либеральное имперство под рыночно-обновленным солнцем, против потемок трайбализма, система "Демократического Севера" из трех империй-федераций – США, Великой России и объединенной Европы – как основа миропорядка, с коим бунтующие малые смирятся... как человек мирится со смертью, находя для нее патетические рационализации. При тех же убеждениях встретил войну в Персидском заливе. Пределом моего демократического падения была чудовищная статья вместе с Д.Драгунским "Рынок и государственная идея" (1991). По слухам, Би-Би-Си из нее тогда передавала отрывок как "голос двух московских либералов". Страшно стыдно, ибо тогда я не видел элементарной вещи: чтобы рынок участвовал в строительстве государства, он сам должен быть замкнут границами этого государства, а выплескиваясь вовне, быть подчинен принципу – "в дом, а не из дома".

В августе 1991-го убогость места компартии при схватке "кратократов" с обеих сторон ясно убеждала: грядет деидеологизированное номенклатурное правление со смысловым, идейным вакуумом, который в конце концов будет заполнен смыслами еще не прояснившимися. Осенняя пауза того же года для меня стала межвременьем, где готовилась кардинальная смена моих верований: впервые возникает образ "острова России", из "либерал-имперцев" иду в неоизоляционисты.

Роспуск СССР принял как выход России из больших континентальных игр, полагая злом не факт, а его демократическую подачу: я считал абсурдом планы, отряхнув империю, вписаться в структуры мирового цивилизованного сообщества, – впрочем, как и идею "сообщества славян, отделившихся от Азии", или евразийские надежды. Зрел миф "острова", где русские смогут в XXI веке обновиться и окрепнуть, чтобы позднее возвращаться в мир континента лишь тогда, когда им это будет необходимо – и в таких формах, в каких это будет удобно для них самих. Иногда шучу, что моему "правению" сильно способствовала длительная невыплата жалованья в 1992-м во время гайдаровской "жесткой финансовой политики". Но сейчас меня даже голодухой не сделать сторонником "обновленной империи" или "второй Ялты", как и вхождения России в Европу, – до решительного изменения в состоянии мира и России.

Из работ последних лет для меня наиболее значимы: "Остров Россия" (1993) и примыкающие к нему публикации 1994-го; статья "К поэтике политики" (1993); брошюра "Военная доктрина СССР и России: понятия "угрозы" и "победы" во второй половине XX века" (1994).

ЧЕЛОВЕК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
Захирджан Анварович Кучкаров

Захирджан Кучкаров работает над созданием изначально управляемых, прогнозируемых социальных структур. Стремится овладеть "стихией социального формообразования". И предлагает для этого концептуальные технологии. По его мнению, метод "технологической линии концептуального проектирования" позволяет по заказу создавать самые разнообразные организации – вплоть до государств. Похоже, переход от "субъекта исследования" к "субъекту проектирования" для автора уже не за горами.

Кучкаров в своей работе поднимает пласт проблем (организационных и управленческих), в котором, по его мнению, заключена масса не осмысленных до сих пор "таинственных" явлений. Здесь он видит причины "краха Системы, ее научной и методологической несостоятельности, культурных проплешин и неумолимой инерции штопора". В самом деле, Система, имевшая полную возможность (невиданную доселе в истории!) манипулировать колоссальными ресурсами, "имела к.п.д. ниже, чем у паровоза", не смогла обеспечить процветание даже сравнительно узкого класса номенклатуры. Эта непостижимая неэффективность Системы при огромной растрате ресурсов имеет, по Кучкарову, вполне определенное наименование – потеря управляемости...

Захирджан Анварович Кучкаров родился в 1957 году в Ташкенте в семье высокопоставленного чиновника, впоследствии – посла СССР в Республике Того. В Африке Захир прожил до семилетнего возраста. Потом учился в советской средней школе с гуманитарным уклоном. Неожиданно для себя в 8-м классе победил на математической олимпиаде, потом участвовал в олимпиадах других уровней, вплоть до всесоюзного. По окончании школы поступил в Московский физико-

технический институт (физтех) на факультет кибернетики. Начиная с третьего курса института занимался на кафедре проблем управления.

В аспирантуре Кучкаров подготовил диссертацию по проблемам управления биотехническими системами (на примере искусственной поджелудочной железы), однако не связал свою дальнейшую карьеру с медицинской кибернетикой: главной сферой его научных интересов к тому времени стало управление социальными системами. С первого курса института и вплоть до окончания аспирантуры (10 лет) Кучкаров сотрудничал в институтской многотиражке "За науку", 5 лет был ее редактором. В начале 80-х много писал для газеты "Московский комсомолец". По окончании аспирантуры, преследуемый проблемой "прописки", нашел работу в оборонном КБ в г. Балашиха Московской области, где работал до 1988 года.

Кучкаров – приверженец относительно нового научного направления, именуемого "системный анализ и концептуальное проектирование". Появившись в 60-е годы, оно крайне неохотно признается академической наукой и практиками (недавно, впрочем, открыта соответствующая кафедра в том же МФТИ). В 80-е годы это направление (скорее, движение) было ориентировано на придание осмысленности тогдашней системе государственного управления и так называемой "плановой экономике", которая на самом деле плановой, конечно, не была. Движение поддержал главный редактор "Строительной газеты" Чекалин, напечатав ряд статей. Тема нашла понимание у тогдашнего председателя Госстроя СССР, была выявлена польза подобного подхода для управления капитальным строительством, что привело к созданию специального отдела в ЦНИИ экономики и управления строительством. Там с тех пор Кучкаров возглавляет сектор проектирования систем организационного управления. Постепенно этот сектор пополнился специалистами, выпестованными Кучкаровым в подмосковной Балашихе.

С 1990 года Кучкаров – директор аналитического центра "Концепт", занимающегося как фундаментальными междисциплинарными исследованиями, так и конкретными практическими разработками. В числе его заказчиков – федеральные министерства, Совет Безопасности России, образовательные учреждения, коммерческие структуры.

У Кучкарова две дочери, дошкольницы. В процессе общения с ними он понял, что способный ребенок может получить школьное образование в течение полутора лет, на основании чего предложил друзьям создать собственный детский сад для выращивания "концептуальных людей", не дожидаясь их поступления в физтех.

ПРОСТРАНСТВО И ЕГО СМЫСЛ
Александр Фридрихович Филиппов

Незадолго до распада Советского Союза одной из постоянных тем публичных дискуссий стала проблема империи: идентифицировать СССР как империю означало часто едва ли не то же самое, что приговорить его к немедленному распаду. После формального роспуска СССР вопрос ставится иначе: если нынешняя Россия – тоже империя, то отсюда может следовать и угроза распада, и неизбежность для нее имперской, "империалистической" политики. Не столько объективное положение дел, сколько состояние указанных публичных дискуссий и стало отправной точкой в статье А.Филиппова "Смысл империи", одной из наиболее загадочных работ в составе "Иного".

Другая линия статьи связана с чистой социологической теорией. Принципиальная несовместимость многих социологических теорий создает сложности для исследователя, заинтересованного не в последовательном проведении некоторой идеи, но в гибком использовании максимума имеющихся теоретических ресурсов при решении теоретических и прикладных проблем.

Обе линии изложения пересекаются в *социологии пространства*. С одной стороны, пространство – это схема созерцания, позволяющая сочленять даже очень разные понятия и концепции (на уровне элементарной социологии). С другой стороны, сама империя есть не что иное, как специфически значимое социальное, точнее, политическое пространство. Итак, на основе элементарной социологии пространства конструируется один из аспектов социологии империи.

Социологи могут сосредоточиться на исследовании смысла коммуникаций и действий – в данном случае смысла тех действий и коммуникаций, которые конституируют империю. Но смысловые взаимосвязи в фактическом функционировании коммуникаций не всегда продумываются до конца. Исследователь смысла обнаруживает не факты, но возможности, резервы смысла. Смысл не всегда явлен в коммуникации, он может предполагаться, оставаясь, говоря языком феноменологии, "горизонтом". Центральный пункт статьи А.Филиппова состоит в том, что империя – это горизонт: пространство столь большое, что оно, соб-

ственно, не созерцается, но остается как бы "задним планом" внятных созерцаний. Большое политическое пространство как схема – не произвольно сконструированная, но необходимо присущая нашим смысловым операциям.

О себе Александр Филиппов пишет:

"Я родился в 1958 году в Нижнем Тагиле (Средний Урал) в семье преподавателей-историков. В Тагиле мой отец (Ф.Р.Филиппов, 1924 – 1990) заинтересовался социологией, особенно социологией образования и социальной структуры, и участвовал в формировании одного из самых влиятельных у нас в 70-е гг. направлений в рамках этих дисциплин. В 1975 году мы переехали в Москву, где отец почти до самой кончины заведовал отделом в Институте социологических исследований АН СССР (ныне Институт социологии РАН).

Влияние отца на меня было огромным. Я хотел стать социологом и в 1975 году поступил на философский факультет МГУ, причем именно на отделение научного коммунизма, будучи уверенным, что это ближе к жизни, научно познавать которую я намеревался. Разочарование пришло не столько от столкновений с жизнью, сколько от самой учебы. Хотя мне и встретилось несколько достойных преподавателей, общее убожество, включая и то, что тогда в МГУ называлось социологией, было просто невыносимым. Чувствуя, что чтение предписанной отечественной литературы может привести меня к полному отупению, я вознамерился читать литературу западную, а руководителем моим с 1978 года на много лет стал выдающийся специалист по истории социальной философии Ю.Н.Давыдов.

Именно по совету Ю.Н.Давыдова я сразу занялся социологией Н.Лумана, может быть, самого сложного из ныне живущих теоретиков. Я приступил к изучению Лумана с весьма прагматической целью: понимая, что в университете мне не дают никакого образования, я хотел только получить новые знания, сохраняя комплекс марксистского превосходства. Однако изучение Лумана (и других теоретиков, так или иначе с ним связанных) обернулось катастрофой: оказалось, что Маркс и Ленин не то что не отвечают на некоторые вопросы, но и вообще их не ставят. Обнаружилось также, что писать о Лумане надо очень тщательно, выясняя место каждого утверждения в сложной системе. Такому строгому философскому анализу учил меня Ю.Н.Давыдов.

Вскоре после окончания аспирантуры ИСИ АН СССР (1980 – 1984) и защиты диссертации, посвященной социологии Лумана, я начал работать в отделе истории и теории социологии. Необходимость писать бесчисленные словарные статьи, рефераты и обзоры позволила мне довершить самообразование на рабочем месте. Большую роль сыграло и то, что с 1987 года я почти непрерывно работал над комментированны-

ми переводами западных авторов. Однако здесь же и таилась опасность. Место марксистского самодовольства (я все знаю лучше, ибо стою на позициях передового класса и вооружен универсальным методом) заняло самодовольство историка (я все знаю лучше, ибо могу проследить идейные истоки любого положения, доказать его противоречивость или отсутствие в нем новизны и *следовательно* истинности).

Избавиться от этого самодовольства мне помогла стажировка в Германии. Я пробыл в ФРГ весь 1990 год, в Билефельде, где в то время еще трудился вышедший ныне в отставку Луман. Я ходил на его семинары, иногда дискутировал с ним и учился не критиковать, но практически применять его понятия. Впервые в жизни я увидел, что такое живое теоретическое творчество. Я увидел теорию как теорию, а не как критику (даже в лучшем, кантовском смысле слова). Но изощренная, универсальная по замыслу (а до известной степени и по исполнению) концепция Лумана – это тоже ловушка. Можно долго доказывать, что он чего-то не учел или философски не проработал. Но если начать пользоваться его понятиями, то освободиться от его системы почти невозможно.

В Германии я не только увидел "живьем" настоящую теоретическую социологию. Я еще и почувствовал, насколько далек мой социальный опыт от опыта западных коллег. Мы осваиваем в понятиях во многом совершенно разную реальность – но могут ли тогда понятия быть во всем теми же самыми? Вот это убеждение, что, с одной стороны, никакой иной полноценной теоретико-социологической традиции, кроме западной, не существует, а с другой, – что не только нет универсальной теоретической отмычки, но и многие фундаментальные понятия, выработанные на Западе, должны быть глубоко переосмыслены, прежде чем их можно будет применять у нас, – это убеждение и определило характер моей нынешней деятельности. Я стараюсь совместить просветительство (переводы занимают большую часть времени) с собственно теоретической работой. Среди своих публикаций я хотел бы выделить комментарии и перевод в "Избранных произведениях" М.Вебера (М., 1990); "Социо-Логос" (М., 1991) – альманах, задуманный В.В.Винокуровым и мною как периодическое издание и как таковое пока не реализованное, а также первый номер (1992) журнала "Вопросы социологии", из числа издателей которого я затем вышел. Я сотрудничаю также в "Социологическом журнале" и альманахе "THESIS".

ЧЕЛОВЕК ИГРАЮЩИЙ
Петр Георгиевич Щедровицкий

Автор статьи стремится увидеть и распознать за происходящими на наших глазах процессами распада оформление исторических новообразований. Прежде всего – становление нового исторического субъекта, который взял бы на себя миссию развития Мыследеятельности (как логического аналога Высшего Разума) и связанные с развитием риски, которые уже отчетливо продемонстрировал нам XX век через опыт мировых войн, революций и глобальной "экологической" ситуации. Так сам автор формулирует сверхзадачу своих размышлений.

В подходе к процессам трансформации Петр Щедровицкий разделяет методологию немецкой классической философии, согласно которой анализ более сложных форм организации помогает нам понять простые: "ключ к пониманию анатомии обезьяны лежит в понимании анатомии человека". По мере складывания нового субъекта будут меняться наши оценки прошлого. И в другом, главном, автор выступает последователем немецких классиков философии и методологии: по его убеждению, "история есть пространство реализации высшего смысла, процессов эволюции и развития Мышления и Мыследеятельности... а конкретная динамика социальных сил обусловлена социокультурной морфологией данного (всегда конкретного) культурного и хозяйственного региона".

Щедровицкий уверен, что процессы, происходящие на территории бывшего СССР и России, имеют глобальный культурно-исторический смысл: "История рожает в муках и, как всегда, в антисанитарных условиях". Вместе с тем он сохраняет "профессиональный" оптимизм.

Петр Георгиевич Щедровицкий родился 17 сентября 1958 года в Москве, в семье русского советского философа Г.П.Щедровицкого (1929 – 1994), дело которого наследовал и продолжил. После окончания школы № 12 на Арбате в 1975 году поступил в Педагогический институт им. Ленина на факультет педагогики и психологии, созданный за год до этого с целью подготовки специалистов-исследователей в этой области. Получил обширное гуманитарное образование и две дипломные специальности: методист начального обучения и преподаватель педагогики и психологии.

Интерес к педагогическим практикам и вопросам философии образования сохраняет до сих пор. Автор книги "Очерки по философии образования".

С 1976 года он начинает активно посещать Московский методологический кружок (ММК), организованный Г.П.Щедровицким. Во время учебы в пединституте занимается наследием Л.С.Выготского. Его дипломная работа и диссертация на звание кандидата философских наук посвящены истокам культурно-исторической концепции Выготского (на основе анализа его ранних работ). Параллельно специализируется в ММК по методологии исторических исследований.

По окончании пединститута заканчивает аспирантуру Института общей и педагогической психологии. Занимается логико-методологическими проблемами исследования, дескрипции, объективности и объективации в гуманитарных науках. Подрабатывает чтением лекций по педагогике, логике, психологии, управлению, этике, эстетике.

В 1984 году после полуторагодичной "безработицы" (читай: размышлений за письменным столом) Щедровицкий поступает на службу в Институт нефти и газа, в группу прикладных системных исследований, где работает четыре года. Затем он – сотрудник организации с труднопроизносимым, но вполне прозрачным названием Мособлпассажиртранс, где занимается проблемами управления, а также вопросами инфраструктуры и городской среды. С началом "перестройки" с увлечением занимается историей отечественного хозяйства и анализом новых форм организации хозяйствования (хозрасчет, аренда, концессии, потребительские и производственные кооперативы). В конце 1991 года переходит работать в НИИ культуры, где и поныне возглавляет сектор региональных программ. С этого момента развивает новую область и новый тип "универсальной человеческой практики" – культурную политику.

С 1979 года Петр Щедровицкий участвует сначала в качестве соорганизатора, а потом и ведущего в организационно-деятельностных играх (ОДИ) – придуманной Г.П.Щедровицким интенсивной форме решения междисциплинарных комплексных проблем, не имеющей аналогов в мире.

ОДИ – уникальная технология коммуникационного решения проблем, трудно поддающаяся описанию ("в игру надо играть"). Интрига ОД-игры заключается в поиске способа соорганизации специалистов разных профилей для решения поставленной задачи. Своеобычное отсутствие коммуникации, отрицание или нежелание взаимодействия и кооперации между профессионалами разных областей преодолевается в игре посредством специально разработанных методологических техник мышления, предполагающих распредмечивание, проблематизацию, отказ на какой-то период (период игры) от своих профессиональных мыслительных представлений, схематизацию смысла межпрофессиональной методологически организованной коммуникации, формирование комплексного и системного (панорамного) видения объекта, дополняемого особым мотивирующим видением проблемной ситуации всеми участниками коммуникации, определение применимости к объекту профессиональных средств и техник и их корректировку. За счет построения более сложной картины объекта формируется новое

пространство для взаимодействия и развития каждой из профессиональных позиций.

Объектом обыгрывания может быть любая проблемная ситуация. Проводились игры с научно-исследовательскими и проектными институтами, учебными заведениями, городскими органами управления, промышленными предприятиями. В 1980 году состоялась ОДИ по проблеме разработки программы вывода из эксплуатации ядерного реактора на Белоярской АЭС. В ходе игры были получены результаты, предсказывающие возможность "чернобыльской ситуации". В 1987 году П.Г.Щедровицкий и С.В.Попов впервые применили игровую форму для решения социально-политических проблем (конкурсы и выборы руководителей предприятий на РАФе, в Артеке, на БАМе). 1988 год – первая всесоюзная социально-экономическая экспертиза ситуации в регионе озера Байкал. Параллельно разворачивается серия игр по региональному планированию (1988 год – Закарпатье, 1989-й – Оренбургская область и др.).

После 1989 года начинается использование ОДИ как игровых серий, включенных в более сложные программы. В 1991 году П.Щедровицкий начал программу работ по системной реорганизации компании "Якуталмаз" (ныне "Алмазы России-Саха") от акционирования до переподготовки персонала, в которую включена и серия ОД-игр. Разворачивается комплекс работ с так называемыми "свободными экономическими зонами" – прежде всего СЭЗ "Находка" (Приморский край) и СЭЗ "Янтарь" (Калининградская область).

В период с 1980 по 1993-й в стране работало более 20 групп игротехников, проводилось около ста игр в год. В каждой из них участвовало от 60 до 300 человек. В подавляющем большинстве случаев это представители научных кругов, инженеры, работники систем управления разного уровня, образования и культуры.

С 1987 года Щедровицкий консультировал Союз кинематографистов. В рамках сотрудничества различных аналитиков и Союза был создан Совет по экранной культуре, взявший на себя миссию анализа перспектив развития экранных технологий. В его составе: Олег Генисаретский, Валерий Подорога, Анатолий Прохоров (научный руководитель студии "Пилот"), Кирилл Разлогов и Петр Щедровицкий.

В 1989 году Щедровицкий создает Школу культурной политики – независимую университетскую корпорацию, являющуюся по замыслу прообразом университета будущего ("университета пятого поколения"), объединяющего исследовательскую, учебную и консультационную (программную) деятельности. Сейчас в Школе обучается около 50 человек. Финансирует проект сам П.Щедровицкий.

Основной своей задачей – в том числе и через создание на базе Школы культурной политики нового университета (питаемого, как и сам Петр Георгиевич, идеей "нового методологического универсализма") – считает формирование в стране профессиональной общественности, исходя из трех "политических" принципов: синергизм (группизм, коллективизм, коммуникация); профессионализм и компетенция в решении конкретных вопросов; и свобода (умение пользоваться ресурсами свободы).

ПРЕДЕЛЫ САМОРАЗВИТИЯ
Андрей Рэмович Белоусов

Андрей Белоусов увязывает в единое целое экономику "до" и "после" реформ.

Опыт трех лет реформ, полагает автор, показывает, что есть факторы (ресурсно-технологические) посильнее известных публицистам чисто "рыночных". Они постоянно напоминают о себе. Так, структурные диспропорции и порождаемые ими приоритеты в распределении ресурсов влияют на соотношения "рыночных" цен и добавленной стоимости, потребления и накопления.

По мнению Белоусова, кризисные явления последних лет – сокращение производства и инвестиций, инфляция, разбалансированность финансовой системы и прочие – скрыли глубинные процессы, берущие начало в советской экономике, потенциал развития которой был исчерпан.

Автор анализирует структурный кризис советской экономики через призму вводимого им понятия "индустриальной системы" (ИС). Обозначившийся явно в 90-е годы, этот кризис назревал в предыдущие десятилетия и генетически связан с успехами прошлых лет. Созданная ИС оказалась не способной ответить на социальные, ресурсные, военно-политические вызовы новейшего времени. Пределы саморазвития ИС проявились в 70-е годы как ресурсные ограничения и "узлы напряженности" в экономике (среди последних отмечаются, в частности, черная металлургия и сельское хозяйство). "Можно выделить три узловых момента в развитии структурного кризиса ИС: инвестиционно-технологическая стагнация; рост оборонной нагрузки; деградация потребительской сферы".

Итак, радикальные реформы 90-х годов тайное сделали явным. Однако, доказывает Белоусов, шоковый скачок цен, ужесточение бюджетной и монетарной политики вызвали усиление кризисных тенденций и качественно изменили их механизм – обусловили переход "от ресурсоограниченной к спросоограниченной модели воспроизводства". Он считает новой чертой кризиса деиндустриализацию экономики России, наметившийся структурный сдвиг в сторону топливного и аграрного

секторов. Автор не может смириться с тем, что "пространство альтернатив развития экономики сужается до единственного сценария деиндустриализации страны".

...Андрей Белоусов родился в 1959 году. Окончил экономический факультет Московского государственного университета. Кандидат экономических наук. Заведует лабораторией анализа экономических механизмов воспроизводственных процессов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Сфера его научных интересов — инфляция и структурный кризис в экономике советского типа, прогнозирование макроэкономических тенденций.

В 1960-е годы в отечественной экономической науке возникло специфическое направление, связанное с необходимостью поднять планирование на новый уровень. Нужно было, отбросив идеологические догмы, ответить на ряд вопросов: куда мы идем? какие у нас ресурсы, сколько их и куда их вкладывать? можем ли мы себе позволить иметь одновременно, скажем, высокоразвитую оборонную промышленность и потребительский сектор? какие требуются инвестиции? И так далее. На этой основе сложилась группа исследователей, школа, возглавляемая ныне покойным академиком А.И.Анчишкиным, выросшая позднее из отдела ЦЭМИ в Институт прогнозирования. Андрей Белоусов подключился к этой программе еще в бытность студентом, в 1978 году.

В 1986 г. ряд здравомыслящих людей из экономического отдела ЦК КПСС, не доверявших бодрым рапортам статистики, обратились в ЦЭМИ с просьбой проанализировать текущую ситуацию. "Годом" тогда никто из экономистов не занимался, это была неинтересная временная единица. Большинство мыслило "пятилетками". Директор института Яременко поставил такую задачу перед Белоусовым и еще тремя сотрудниками (один из них сейчас в большом бизнесе, другой возглавляет сектор в Госдуме, третий – А.Нечаев). Необходимая работа была проделана. Так возник новый научный жанр – краткосрочного конъюнктурного анализа. В следующий раз потребность в краткосрочных прогнозах появилась у власти в 1991 году. Лаборатория Белоусова в Институте стала головной для такого рода деятельности. Жанр среднесрочного прогноза временно отошел на второй план, хотя постепенно и возвращается на достойное его место...

Андрей Рэмович является членом аналитического клуба "ГРУППА БЕССМЕРТНЫХ" при Внешнеполитической ассоциации. Он – директор проекта Интерцентра, направленного на "ознакомление научной общественности, политической и хозяйственной элиты с текущим положением в российской экономике и альтернативами ее развития в краткосрочной перспективе". Будучи по воспитанию советским человеком, далеко не "new russian", Белоусов-ученый отчетливо понимает, что реформаторов-разрушителей к нам не на парашютах забросили, кризис отечественной экономики имеет системный характер.

ТРАГИЧЕСКИЙ РАЦИОНАЛИСТ
Дмитрий Евгеньевич Галковский

Родился 04.06.1960 года в Москве. Раннее детство провел в центре города. В 1967-м родители Г. переехали в Нагатино – рабочую окраину с полууголовной социальной обстановкой. В этом же году Г. поступил в школу. Состав ее учителей объективно соответствовал уровню провинциальной "восьмилетки", однако после расширения Хрущевым городской черты школа рабочего поселка Нагатино получила статус столичной, и учителя здесь были не просто невежественные, а с придурью, с претензией на "интенсивный учебный процесс" и "перевоспитание". Начиная с первого класса Г. был двоечником, подвергался систематической травле со стороны школьных учителей и одноклассников, и в 1974 г. в результате побоев Г. сломали руку.

В 1977 г. у Г. умирает от рака отец. Смерть отца переживалась Г. очень тяжело – в его мире это был единственный человек, способный к систематическому мышлению. Отец был человеком добрым и талантливым, но слабым. Его разум подчинялся водке. Пьяный, а затем смертельно больной, угасающий на глазах отец явился для Г. символом униженного разума. Собственно, всю жизнь Г. можно рассматривать как все более сложную защиту своего внутреннего мира от искажающего воздействия коллективистского невежества.

После окончания школы Г. был рабочим на заводе им. Лихачева. В 1978 году, чтобы избежать службы в советской армии, симулировал психическое заболевание, в результате чего был помещен в психиатрическую больницу с диагнозом "шизоидная психопатия". В 1980 году, дав взятку приемной комиссии, поступил на вечернее отделение философского факультета МГУ. Вплоть до окончания университета официально нигде не работал, подделав запись в трудовой книжке и зарабатывая на жизнь нелегальным размножением запрещенной литературы (в основном по русской философии). Студенческие научные работы Г. были посвящены анализу мотивов смерти и самоубийства в творчестве Платона. Учился в МГУ хорошо, но старался не привлекать внимания. Однако в дипломной работе в надежде на поступление в аспирантуру позволил себе несколько неординарных высказываний, в результате

чего во время защиты диплома преподаватели МГУ публично назвали Г. негодяем. После окончания учебы безуспешно пытался устроиться на работу: в работе по специальности ему отказывали из-за отметки о психической неполноценности в военном билете, а в работе не по специальности – так как последнее было запрещено советским законодательством. При этом дома начались чудовищные скандалы, так как мать и сестра, с которыми он жил в одной квартире, восприняли "тунеядство" Г. как собственную компрометацию перед властями. В этой безвыходной ситуации Г. пишет "Бесконечный тупик" (закончен в 1987 г.).

Это большое произведение (70 п.л.), состоящее из 949 "примечаний". Размер "примечаний" колеблется от афоризма до небольшой статьи. "Бесконечный тупик" – философский роман, посвященный истории русской культуры XIX – XX вв. Внешне он может произвести впечатление книги, написанной спонтанно, на одном дыхании, но на самом деле является продуктом кропотливой обработки личных дневников Г., которые он вел с 17 лет. Г. надеялся, что книгу удастся опубликовать на Западе, и тогда он сможет эмигрировать из СССР. Это не получилось – книга не опубликована до сих пор.

Начиная с 1990 г. в советской прессе стали печатать отдельные фрагменты из "Бесконечного тупика". С точки зрения литературной частичная публикация делала бессмысленным сам замысел книги, суть которого – в передаче ощущения "трагического единства" мира и текста. Однако это по крайней мере дало Г. некоторый социальный статус "литератора" и позволило в конце концов в 1993 году вырваться от ненавидящих его родственников и снять отдельную квартиру. К этому времени Г. опубликовал также серию статей в "Независимой газете", "Литературной газете", "Новом мире" и др. изд. Статьи были написаны Г. для массового читателя и представляют собой газетные фельетоны, посвященные высмеиванию внутренней ущербности советской культуры. Г. написал их, чтобы заработать деньги на аренду квартиры.

Публикация отрывков из "Бесконечного тупика" и статей вызвала со стороны советской интеллигенции поток оскорблений. Даже вполне невинное название книги вызвало злобную ругань: "Бесконечный тупик" (кстати, посвященный автором памяти умершего отца) советский литературный критик Немзер окрестил "Колхозным евреем" и "Вислоухим лопухом", а критикесса Н.Иванова заявила, что это эвфемизм женских половых органов. Сама по себе травля в печати не произвела на Г. серьезного впечатления – по обстоятельствам жизненного опыта он чрезвычайно устойчив ко всякого рода оскорблениям и обидам. Однако постепенно выяснилось, что контролирующая книжный рынок советская интеллигенция сознательно отказывается публиковать его книгу, так как видит в Г. опасного социального конкурента. Ввиду этого с начала 1994 года Г. вообще прекратил какие-либо контакты с советской общественностью и решил издавать все свои произведения самостоятельно – методом "самиздата".

Двусмысленная ситуация вокруг имени Г. сложилась в значительной степени потому, что для него творчество не обладает самостоятельной значимостью, а является серией адаптивных текстов, позволяющих,

как ему кажется, вести индивидуалистическое существование в стране, где индивидуалистический тип поведения подвергается остракизму. Для Г. интеллектуальная деятельность представляет личный интерес, но ему совершенно не нужны оппоненты и тем более читатели, сама публикация есть ошибка, попытка диалога – ошибка еще большая. К своим оппонентам он относится как к опасным невеждам, вроде чеховского "злоумышленника". В сущности, Г. не является ни писателем, ни философом: если для подлинного писателя или мыслителя творчество есть экстатический момент, жизненная кульминация, то для Г. это результат компромисса и унизительной "траты себя".

При таком мировосприятии трудно говорить о какой-либо связной философской концепции. Достаточно условно философские взгляды Г. можно определить как "трагический рационализм". Для его жизненного опыта все проявления иррационального происходили в виде первобытной русско-советской глупости, глупости смертоносной, и к тому же уродливой. Если можно говорить о притягательности религиозного или литературного иррационализма, то атеистический иррационализм советского государства нелеп абсолютно, ибо это отказ от разума не ради красоты или веры, а ради самого разума: то есть нигилизм абсолютный, следовательно – вульгарный. На фоне этого разум эстетичен уже сам по себе. Но разум также абстрактен, потому что за свою жизнь Г. не видел реально ни одного действительно умного человека. Разум силен, но слаб человек, его носитель, никогда не выдерживающий божественной задачи. Самое элементарное и самое безнадежное проявление этого – смертность конкретной личности. Свое произведение Г. посвятил отцу – слабому и униженному русскому разуму, замечательному русскому народу, но народу интеллектуально обиженному, наказанному своей славянской унылой глупостью за какие-то метафизические проступки. Быть может, за врожденный артистизм и чувство слова, быть может, за самовлюбленную безответственность, а быть может, просто "ни за что".

Жизненная философия Г. – не "истина" и даже не "поиск истины", а "мудрая ошибка". И высший тип этой мудрой ошибки, которой он, к сожалению, в жизни никогда не совершал – "любовь". Любовь есть безумная переоценка личности другого (чужого) человека, искупаемая этим другим человеком. Взаимное наложение ошибок превращается в истину. В сущности, доведенный до отчаяния хаосом русской бытовой жизни, Г. всю жизнь мечтал об одном – о спокойной семейной жизни с любящей женой и детьми. Ирония в том, что, пока он боролся за уютный мир частной жизни, в психике и в самом составе души произошли такие изменения, что именно этот абсолютно враждебный мир анонимного коллективистского хамства и стал родным или по крайней мере относительно понятным, привычным, *сподручным*. Г. пережил трагедию одиночества так глубоко, что навсегда остался наедине с самим собой в замкнутом пространстве сюжета.

"МЫ РОДОМ ИЗ ИДЕИ"
Вячеслав Юрьевич Ушаков

Откуда мы родом?

Мы родом из идеи, утверждает Вячеслав Ушаков. Из идеи о русском предназначении, о таинстве русского духа.

Но это еще не ответ. То, откуда мы родом, всегда имело смутные, ускользающие очертания. "Русскость" духа, предназначения добавляет тумана этим понятиям, множит знаки вопроса. Русский дух, по Ушакову, противостоит духу вообще. Русские государство, экономика с трудом сопоставимы со своими аналогами. Русское слово соотносится полно с собой лишь в вопросах веры и литературы, но не применительно к науке, праву, технике, экономике, философии... Прилагательное меняет смысл существительного. Чтобы приблизиться к сути русской идеи, автор статьи предпринимает обзор ключевых вопросов русской жизни. И первый из них, конечно: "Кто мы?"

Из "Жизнеописания" Ушакова В.Ю.

Родился в 1960 г. (7 декабря) в г. Петропавловске (Казахстан).

Вырос в г. Северодвинске Архангельской обл., куда семья переехала в 1961 г.

Первые слова во внутренней речи, оставшиеся в памяти, – "Думать про себя – это как?". Начало бесконечной внутренней речи.

1968 – 1978 гг. Учеба в школе.

Сочеталась со спортивными достижениями (кандидат в мастера спорта по плаванию), с постоянным чтением всего и вся и легкостью успехов в школьной математике и физике (победитель математических городских и областных олимпиад).

1978 г. – окончил среднюю школу в г. Северодвинске, не прошел по конкурсу при поступлении в МФТИ.

1978 – 1979 гг. – работал на Северном машиностроительном предприятии (г. Северодвинск) слесарем-сборщиком.

Становление представителя рабочего класса. Самообразование.

1979 – 1982 гг. – служил в Военно-Морском Флоте радиотелеграфистом (г. Пинск (Беларусь) – Владивосток – Сахалин – о. Итуруп).

Постижение просторов родины. Процесс потупления собственного и отечественного.

1982 – 1988 гг. – учился в Московском физико-техническом институте (г. Долгопрудный Московской обл.).

Учеба. Бесхозность, бездомность и безденежье. Новое освоение просторов родины (стройотряды). Внутреннее самокопание. Технократизация мышления.

Специальность по окончании – инженер-физик.

1988 г. – неопубликованная статья "Записки с улицы".

Поиск ответов на внутренний запрос.

1988 – 1989 гг. – простой советский безработный (г. Москва).

Бездеятельность – лучшая основа для философствования. Случайный заработок. Поиск своего места.

1990 г. – директор коммерческой фирмы "Инициатива" (г. Москва, ВДНХ).

Поиск и приобретение нового организационного опыта, а также денег. Попытка создания "Биржи идей и технологий". Первые появления на телеэкране и в прессе.

1991 г. (июль) – герой телефильма (РТР) "Вячеслав Ушаков – простой советский миллионер".

1991 г. (декабрь) – конфликтный уход фирмы с ВДНХ.

1992 г. – проректор по экономической политике Московского физико-технического института.

Опыт административный. Первая поездка за границу (Италия – Франция). Деятельный застой.

1992 г. – издавал альманах "Здесь и теперь" (г. Москва).

Реализация интеллектуального запроса.

С 1993 г. – управляющий, а с 1994 г. президент Московского инвестиционного фонда.

Социализация собственного организационного опыта. Регулярность телепоявлений.

С 1993 г. – регулярные еженедельные выступления на экономические темы по Московскому радио.

Экономическая проповедь.

1994 г. (июнь) – авторская публикация в "Независимой газете" – "Великая нация...".

Поиск пространства идей.

ГИБРИДИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИЙ
Вадим Валерьевич Радаев

Наши представления об обществе меняются сегодня куда быстрее, чем само общество. Вадим Радаев не верит популярным ныне заявлениям о мировоззренческой нейтральности, безразличии по отношению ко всякой идеологии. Просто, по его мнению, идеологический калейдоскоп вертится так быстро, что это вызывает известный эффект блеклого бесцветия, размытости общей картины.

Под идеологией автор понимает системный взгляд на развитие экономики и общества, целостное мировоззрение, "рационально обоснованную систему идей" (К.Манхейм). Базовых идеологий (то есть имеющих за собой традицию и продолжающих "работать") он насчитывает четыре: Демократизм, Консерватизм, Либерализм и Социализм. Предостерегая против упрощенчества, Радаев все же предлагает их лаконичные формулировки: "Лозунгом Социализма служит Всеобщее Равенство. Лозунгом Демократизма – Полноправное Членство. Либерализма – Индивидуальная Свобода. Консерватизма – Традиционное Единство". Вживаясь в предложенные образы, он смотрит на политику и экономику, их прошлое и будущее, попеременно меняя стекла идеологических очков. Анализируются им и наиболее популярные в нынешней России гибриды.

Радаев Вадим Валерьевич родился в 1961 году в Москве.

В 1983-м закончил экономический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, а в 1986 году – аспирантуру того же факультета, защитив кандидатскую диссертацию. Диссертация и первая серия его научных работ посвящены противоречиям и социальным последствиям интенсификации общественного производства.

С 1987 года Радаев работает в Институте экономики АН СССР (ныне Институт экономики РАН). Его интерес к социально-экономической проблематике советского общества нашел свое выражение в ра-

ботах по хозяйственной мотивации, отчуждению труда и бюрократизации экономики, прежде всего – в монографии "Отчуждение труда: история и современность" (М., Экономика. 1989; в соавторстве с Я.И.Кузьминовым и др.).

В этот же период начинается переориентация Вадима Валерьевича на собственно социологические проблемы, и в первую очередь на изучение социальной стратификации обществ советского типа. Его частичной профессиональной переквалификации способствует в 1990 – 1991 гг. обучение и работа в ряде британских университетов. Одновременно публикуется серия статей Радаева о природе общества советского типа, в которых выдвигается концепция этакратизма (совместно с О.И.Шкаратаном).

В конце 1991 года Радаев организует сектор экономической социологии в рамках Института экономики РАН, которым он и заведует по настоящий момент. В секторе проводятся самостоятельные специализированные эмпирические исследования, посвященные проблемам становления нового российского предпринимательства, структуре рынка труда, поведению средних слоев населения в области сбережений. Часть исследований финансируется зарубежными благотворительными фондами.

В 1993 – 1995 годах Вадим Валерьевич работает, наряду с Институтом экономики, и в Междисциплинарном академическом центре социальных наук (Интерцентр) в качестве директора проекта по социологии нового российского предпринимательства. Публикует серию статей по результатам проведенных опросов предпринимателей.

В исследованиях, сочетающих экономическую проблематику с социологическими методами сбора и анализа данных, Радаев в целом тяготеет к неовеберианской методологии, фокусирующей внимание на системах социально укорененного экономического действия.

В течение ряда лет Радаев читает авторский лекционный курс по экономической социологии в различных московских университетах. С августа 1994 года этот курс публикуется им в виде цикла статей под рубрикой "Экономическая социология" в "Российском экономическом журнале". Отчасти как учебное пособие можно рассматривать и находящуюся в печати монографию "Социальная стратификация" (совместно с О.И.Шкаратаном).

Радаев продолжает заниматься чисто теоретическими исследованиями, к числу которых относится несколько работ по природе и взаимосвязям идеологических систем. Всего им опубликовано более 70 научных работ, в числе которых – статьи в ведущих обществоведческих журналах и ряд работ в зарубежных изданиях. Преобладающая часть его исследований носит принципиально академический характер и посвящена проблемам советского (российского) общества.

МУЖЕСТВО СМИРЕНИЯ
Диакон Андрей Кураев

Чтобы сохранить себя в условиях технологической цивилизации, человеку надо смириться с тем, что не все в мире технологично-конструктивно, что есть такие области и сферы, где кончаются "проблемы" и начинаются "тайны". Для такого смирения, пишет диакон Андрей Кураев, нужно мужество – признать и принять, что не все до конца познаваемо, не все разрешимо и устранимо, не все зависит от нас. Мужества требует само наше отношение к истине. "Всерьез человек нуждается не в тех истинах, которые служат ему, а в тех истинах, которым бы он сам мог служить. Нам необходим скачок из мира человеческого обладания в мир служения и послушания".

Отношения человека с "объектом" изучения в христианстве не подобны обладанию. Поэтому, говорит Кураев, они не могут строиться и пониматься как отношения классического субъекта и классического объекта в акте научного познания. Религиозное познание должно строиться по принципу диалогичности. Автор напоминает законы диалога: чтобы войти в общение, необходимо обратиться к собеседнику, назвать его по имени и повернуться к нему; следует хранить молчание, когда говорит собеседник; надо понимать, что без желания собеседника диалог просто не состоится. Иными словами, в отличие от светской гносеологии, в христианстве истина – это не "что", а "Кто". По метафоре Честертона, поразиться красоте заката и знать, Кому сказать "Спасибо", – это ли не счастье?!

...Андрей Вячеславович Кураев родился в 1963 году в Москве. В детском возрасте несколько лет прожил в Праге, где работали его родители. Семья Кураевых была вполне атеистической. В старших классах школы Андрей выпускал газету "Атеист". Затем, поступив на философский факультет МГУ, учился на кафедре научного атеизма.

Во время учебы в университете Кураев получил доступ к хорошей библиотеке, конфискованной у церквей и монастырей. Сказался и общий диссидентский дух эпохи (Солженицына он достаточно рано прочитал). Сопоставляя атеистическую пропаганду, курсовые лекции с Евангелием и философской литературой, Андрей убедился, что официальная пропаганда "безбожно" лжет, критика бьет мимо цели.

В интервью для книги "Иное" диакон Кураев вспоминает: "Первыми религиозными авторами, которых я прочитал, были Франк и

Шестов. Они показали мне, что можно быть христианином и при этом человеком XX века. Затем отец Сергий Булгаков вполне убедил меня: мир духовной жизни – это такой мир, о котором нельзя судить снаружи. На третьем курсе МГУ я всерьез заболел Достоевским. Сначала я понял, что есть дьявол, и только потом, что есть Христос. Если Христом был отвергнут дух сверхчеловеческий, умный и злой, значит и Христос более, чем человек. Ощущение внутренней пустоты прошло, свет в окошке забрезжил..."

Осенью 1982 года Кураев крестился. По окончании университета он поступил в аспирантуру, но не закончил ее, а стал секретарем ректора Московской духовной академии. Затем, осуществив давнее желание, поступил в духовную семинарию. Но учиться там пришлось мало ("нормальной" жизни было только месяц – до крупного пожара в 1986 году, после чего пришлось работать на стройке). Затем ректор академии снова взял Кураева в свой штат. Следующий поворот в судьбе произошел в 1988 году. Знакомая пригласила Андрея Вячеславовича на диспут в Коломенский пединститут. В огромном зале собралось много профессуры, студентов. Случилось так, что профессиональные атеисты были легко побиты "каким-то семинаристом". По этому поводу обком КПСС вынес даже специальное постановление о плохом состоянии дел в пединституте. Нашлись силы, которые захотели отправить Кураева подальше из Москвы. Послали его в Румынию.

"Двухлетний опыт пребывания в Румынии был для меня очень важен. Я видел нерусское православие (а для меня православие – вселенская религия). Кроме того, Румыния – очень религиозная страна, там сохранилось много церковных народных традиций. Самое важное, что там произошло: меня рукоположили".

В 1990 году Патриархом стал Алексий II. Ему потребовался референт, который "умеет писать". Ректор порекомендовал отца Андрея. "Патриарх встретил меня с улыбкой: "Говорят, Вы хорошо умеете писать?" – "Нет, Ваше Святейшество, я пишу только от лености и ради экономии – чтобы не повторять десять раз одно и то же". Посмеялись. Характерно, что первая фраза, которую я сказал при нашей встрече, была: "Нет, Ваше Святейшество..." Патриарх позволяет с собой не соглашаться. Два последующих года пребывания в этой должности для меня были очень важны. Я знакомился с политическими и общественными деятелями. Видел, из каких страстей, побуждений исходят люди, делающие политику. Нет автоматической машины истории, фантастически много зависит от поступков конкретных людей. При этом сам я никогда не стремился заниматься политикой – ту деятельность воспринимал скорее как послушание".

Все же отец Андрей считает, что его призвание – педагогика. В январе 1993 года он ушел во вновь созданный Православный университет деканом богословского факультета. Кроме того, вернулся и в МГУ на родную кафедру, которая называется теперь кафедрой истории религии. Его курс по православию там – один из самых посещаемых (на одного "обязательного" студента подчас приходится 15 вольнослушателей). Диакон Кураев очень активно выступает в периодической печати – как он выражается, "от безысходности". Утверждает: "Я невысокого мнения о своем публицистическом таланте, а тем более о богословском. Пишу на какую-либо тему только тогда, когда вижу: никто больше этого не делает..."

В КРОНЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТВОЛА
Владимир Борисович Пастухов

"Нечто коммунистическое" в отечественной истории 1917 – 1991 годов кажется Владимиру Пастухову органичным, более того, необходимым звеном эволюции российской государственности. Если доимперская и имперская эпоха – "корни" процесса, а мы сегодня обживаем "крону", то "так называемое тоталитарное государство есть всего лишь ствол, связывающий корни и крону".

Пастухов пишет о циклах развития российской культуры и циклах развития российской государственности. Автором, в частности, отстаиваются тезисы:

1) российский коммунизм исторически был для России логической фазой развития;

2) поскольку в России западные ценности не могут быть прямо заимствованы и усвоены, то распад коммунистической системы означает начало новой фазы – эволюции специфической евразийской цивилизации.

Сам Пастухов так обозначает методологические рамки своей статьи:

– история России – это история развития уникальной мировой культуры, отличающейся от культур Запада и Востока;

– отечественная культура имеет гетерогенный характер, соединяя в себе европейское личностное и азиатское общинное начала;

– культура России образуется как неорганическое (неоднородное) явление и движется к органичности через длительную эволюцию;

– история России – это прежде всего постоянная культурная трансформация;

– воплощением неорганичности российской культуры является государство. Многие века государство в России было важнейшим факто-

ром этногенеза. Поэтому вопрос о судьбе государственности всегда был принципиальным для общества;

– неорганичность российской культуры проявляла себя во времени как неравномерность исторического развития;

– периодические общественные кризисы имманентны российскому развитию. Именно в такие моменты происходил переход от одного "культурного типа" к другому;

– российская революция есть прежде всего культурная революция.

Что же касается тезиса о неизбежности "советского звена" в развитии отечественной государственности, то его автор обосновывает, в частности, так. Для европейского опыта характерна последовательная эволюция государственных форм: государства-классы постепенно сменялись государствами-бюрократиями и затем, уже в новое время – государствами-нациями. В царской России так и не сформировалось государство-бюрократия в чистом виде. Коль скоро самодержавная империя, будучи превращенной формой государства-бюрократии, не была способна развиться непосредственно в государство-нацию, как в Европе, между самодержавием и современным государством в России должно было бы образоваться дополнительное звено. Этим звеном стала особая форма государственности, в рамках которой бюрократический принцип оказывается, наконец, всеобщим. Пастухов заключает: коммунизм как стремление к идеалу безгосударственности является необходимым и логически оправданным звеном в эволюции российской государственности.

О себе Владимир Пастухов пишет:

"Моя биография не содержит ничего экстравагантного и выдающегося. Родился 22 апреля 1963 г. в г. Киеве в семье юристов. Проблемы выбора профессии для меня не существовало. Еще до школы я знал, что буду адвокатом. Однако довольно рано у меня обнаружилась склонность к "теоретизированию", которую позже стали называть философским складом ума. Компромиссом между семейной традицией и внутренним призванием стала кафедра теории государства и права Киевского университета. Мне повезло в жизни в том отношении, что я всегда знал твердо, чего хочу, я занимался своим делом. На втором курсе я сделал первый научный доклад, посвященный теоретическим проблемам политической власти, что предопределило всю мою последующую научную судьбу. Моим высшим достижением в университете были медали за лучшую научную студенческую работу и за победу на

Всесоюзной студенческой олимпиаде, которыми я горжусь даже сегодня.

Аспирантура юридического факультета была для меня естественным следующим шагом в научной карьере. Вопреки ожиданиям, диссертацию я писал долго и тяжело, с трудом уложившись в отведенные для этого три года. Я пытался исследовать закономерности развития теории политической власти в СССР. Сегодня эта работа поражает своей запредельной абстрактностью. Тем не менее я не отказываюсь от большей части того, что отстаивал тогда. Более того, без этого фундамента вряд ли было бы возможно все то, чем я занимаюсь сегодня.

Я поступил в аспирантуру в октябре 1985 г. и принадлежу к тому счастливому поколению в нашей науке, для которого первые самостоятельные шаги на академическом поприще совпали со вторым потеплением советского политического климата. Нам не пришлось подличать и ломать себя в такой степени, как старшим коллегам. Не потому, что мы были лучше, а потому, что нам повезло. У меня нет глубокой внутренней потребности публично каяться и оправдываться, так как я не успел сильно согрешить. Я спокойно отношусь к коммунистическим идеям и их носителям как к объективной реальности, данной нам в ощущениях. У меня нет желания отряхнуть прах прошлого с моих ног.

Как зрелый ученый я сформировался под влиянием марксизма и русской идеалистической философии. То, чем я занимаюсь до сих пор, во многом было попыткой найти современную интерпретацию идей, рожденных в русле этих двух научных течений. Это не значит, что я могу определить себя как марксиста или что я согласен со всем, написанным Бердяевым или Соловьевым. Но эти люди, включая Маркса и Энгельса, продолжают оставаться для меня высочайшими научными авторитетами. И никакая политическая конъюнктура не заставит меня изменить это мнение.

Четыре последних года я занимался поиском логики в развитии общества и государства в России. Российская политическая жизнь с ее алогичностью и непредсказуемостью представляет собой настоящее эльдорадо для исследователя. Наиболее значительным своим достижением в этом направлении считаю публикацию статей в журнале "Полис", благодаря которым мое имя стало известно публике".

"ИНОЙ РАЗ ТАКОЕ ПРИСНИТСЯ..."
Сергей Александрович Медведев

...Первое в мире государство рабочих и крестьян заслуживало самой подробной в мире карты. И работа закипела. Начиная с 1925 года высшие советские сановники и "картографы в штатском" торопили специалистов. Задача все усложнялась, сроки окончания работы отодвигались, масштаб карты увеличивался. Наконец к 70-летию И.В.Сталина карта масштаба 1:1 была готова и силами внутренних войск развернута. Теперь уже не понять, то ли та карта истлевает, превращаясь в лохмотья, то ли – страна под ней, подобно туше ископаемого животного...

Из автобиографии автора:

"Сказали написать о себе. Сколько раз (тысячу раз) я это делал – и что политически устойчив, и морально грамотен, и что лектор-общественник я, и спортсмен-разрядник, разве что не чемпион Берлина по теннису. Но теперь другое время, теперь иное. Надо начистоту.

А если начистоту, то мне неловко. Как бы некоторую свою неуместность, нехрестоматийность я ощутил среди авторов этого собрания – экономистов, социологов, историков, географов, страноведов, культурологов. Кругом предметники (и несколько системщиков), люди, у которых есть дело, застолблена делянка на поле знаний. А у тебя есть дело?

В том-то и дело, что нет. Сколько ни учился я, так и не стал специалистом, ни молодым, ни каким-либо еще. Смотрю свое "резюме", отпечатанное на английском языке лазерным шрифтом на плотной, шершавой (полицейской?) бумаге верже. Вот, например, строка: Карлов университет, Прага – а что я там делал, в Праге 87 – 88-го, на излете эпохи? Пил пиво, ходил по концертам, да еще стипендии не хватало, и я с командой бомжей еженощно убирал пассажирские вагоны в депо Михле. Вот еще строчка: магистерская степень в Колумбийском университете, Нью-Йорк-город, США. Прилетев в Америку с первыми ласточками перестройки, вместо штудирования политических наук (признаюсь, что к этим наукам, как и к университету, как и к самой стране-Америке, я относился скептически), я тоскующим Эдичкой месяцами шлялся по Нью-Йорку, сносил три пары башмаков, обошел его

весь, и точно знаю, что манхэттенский квартал, "блок", составляет ровно семьдесят четыре моих шага.

А вот и про аспирантуру: "Диссертация по проблемам католичества в заочной аспирантуре Института Европы РАН". Европа! Не из книг я узнал тебя, не из папских булл и энциклик – но воочию. О, загранкомандировки! Сперва на наши инвалютные, как научный консультант делегации, потом на ихние, несчитанные – от всевозможных фаундэйшнов и штифтунгов. В перерывах между стажировками была постахановски написана диссертация, хотя с большим успехом мог бы выйти путеводитель по европейским кладбищам ("дорогие могилы") и концертным залам.

Что же остается?

Остается сирая строчка: журфак МГУ. Журфак не как символ мимоходного образования, а как образ мышления – с мира по слову. Но хотя бы на том стою: вот моя bottom line, моя профессия. Не журналист даже – хотя и работал недолго в ТАСС и в районной газете "Заря коммунизма" на Чукотке (хорошее название, почти "Алеет восток") – а текстовик. Я просто пишу тексты: от "записок" для высокого начальства (как сотрудник все того же Института Европы) до прозы (рассказы, повесть в "Знамени"), от европейской политики до проблемы современного христианства. И чем дальше, тем больше убеждаюсь, что между этими текстами нет принципиальной разницы, поскольку меня в них интересует не предмет, а сам процесс письма, структура, форма. Откровенно говоря, мне почти все равно, о чем писать; главное – как. Добравшись в свое время до теорий русских формалистов 20–30-х, я нашел опору этим мыслям. Текст для меня – средство, но еще более цель, профессия – и убеждение. С этой точки зрения я и рассматриваю феномен СССР: как текст. Наша повседневность насквозь текстуальна: бесплотное роение знаков, символов, кодов, симуляций. Текст снится мне ночами. Один раз он представился мне как чудище из средневекового бестиария – то ли единорог, то ли гиппогриф – только без ног, без хвоста и без головы. В другой раз – как огромный, в полнеба, дембельский альбом, с виньетками, фотографиями и стихами. Однажды привиделся текст-симулякр, даже несколько, целая процессия симулякров. Симулякры шли с вывертами и кривлянием, как цирковой парад-алле, как феллиниевские клоуны. А иной раз такое приснится, что и не расскажешь".

Сергей Медведев. "СССР: деконструкция текста"
(Из ожидаемых отзывов прессы и читательских писем)

"Полку доморощенных постмодернистов прибыло. Еще один "русский мальчик" прочел написанные 20 – 30 лет назад тексты постструктуралистов и, взволнованный, решил поделиться с публикой своими открытиями".

"...этот странный, ускользающий от читателя текст. Байки, анекдоты, матюки, живые картины, ассоциативные ряды, аллитерации, аллюзии, иллюзии, тени. Автор прячется за собственной речью, текст балансирует на грани небытия".

"...ибо цинический огонь сжигает прежде всего самого циника".

"Нет, это не тот Сергей Медведев, что в 1992 г. опубликовал в "Русской Мысли" статью на разворот под заголовком "Коммунизм и национальное раскаяние" (3.01.92. С. 16–17). Теперь вместо нравственной оценки прошлого – напускная беспристрастность "семиотического анализа". Вместо указания на духовные основы нашего сегодняшнего кризиса – отрицание самого понятия духовности. Вместо поиска христианских путей исправления – осмеяние православия".

"С возмущением обнаружила грязные намеки на АО МММ. Когда же угомонится пишущая братия?"

"Рассуждения автора о "еврействе как форме русского юродства" заставляют задуматься о подлинных заказчиках этой работы".

"К сожалению, отдавая дань моде, Медведев не останавливается и перед огульной критикой молодой российской демократии. Ставить знак равенства между "текстом СССР" и "текстом Россия" – значит не видеть подлинных демократических завоеваний последних лет, которые, в том числе, сделали возможным опубликование самой этой работы. <...> И конечно, возмутительная апология Жириновского..."

"По прочтении работы остается горький осадок. Если все – игра знаков, симуляция, то чему верить? <...> Верните мне деньги за билет".

"Умная, тонкая, местами искрометная работа. <...> Пули одна за другой ложатся..."

"Предлагая постмодернистскую интерпретацию СССР, Медведев не открывает... Это поле уже основательно вспахано добрым десятком исследователей от Гройса до Рыклина".

"В постмодернистском запале Медведев посягает не только на ценности советского периода, но и на такие святые для каждого русского патриота символы, как Империя, Государственность, Самодержавие, Народность. <...> ...квалифицировать как преступный текст".

"Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма..."

"...на чрезмерное увлечение работами Жана Бодрийара. Медведев пытается синтезировать теории французского философа разных лет (от "симуляции" до "соблазна" и "молчания масс"), создав некий бодрийаровский гипертекст, "соборную цитату", по выражению А. Белого".

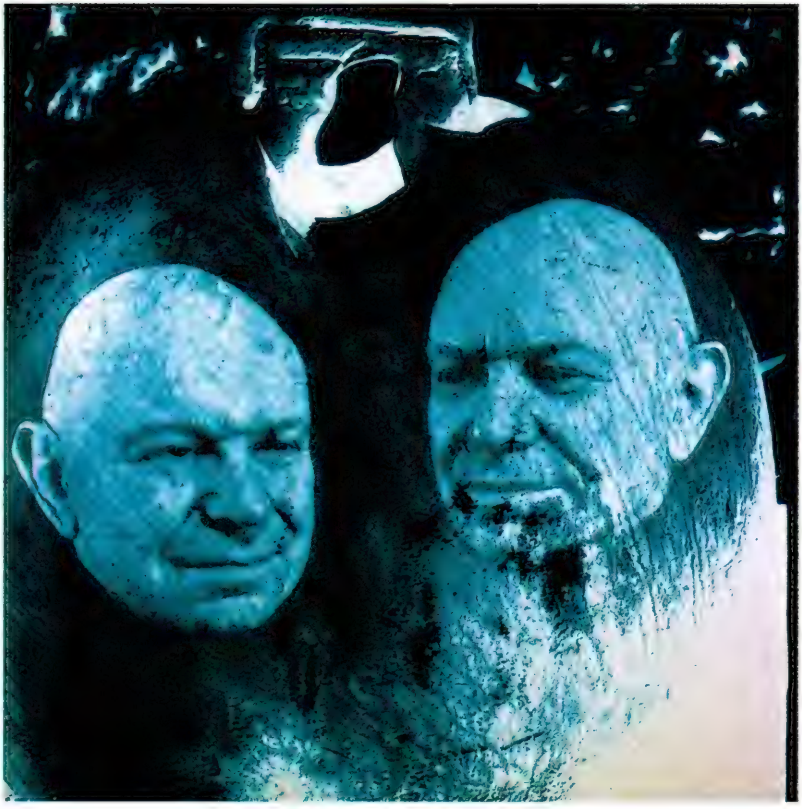
"Метод Сергея Медведева – восстановление перпендикуляра (можете понимать эту метафору в любом смысле, вплоть до фаллического). Перпендикуляр к плоскости текста. Перпендикуляр к своим собственным высказываниям, сделанным страницей ранее. Перпендикуляр к общепринятому..."

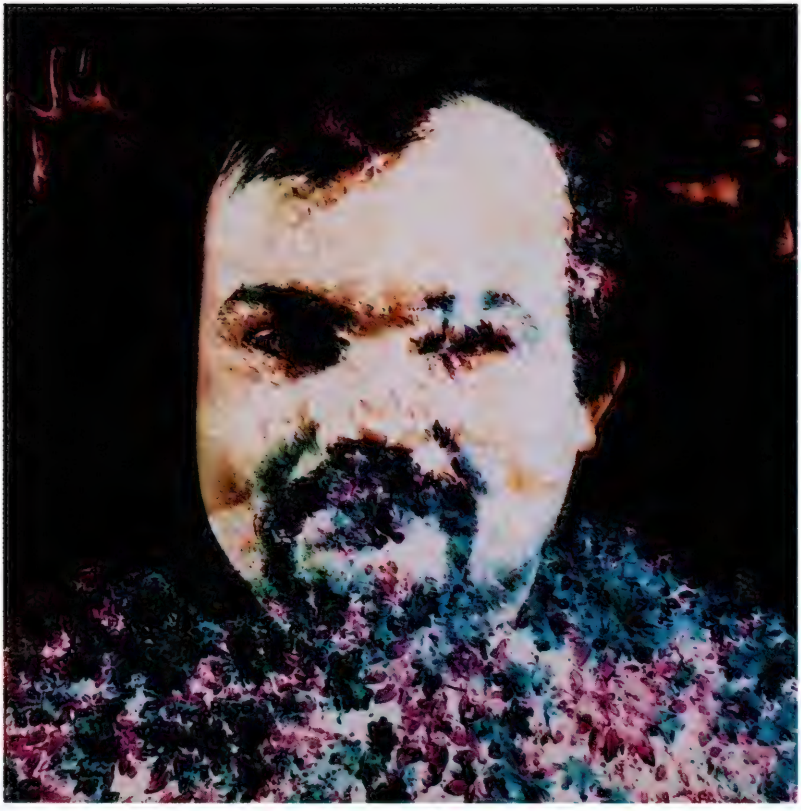
"У нас в доме живет Николай Иванович Ступин, у него теория, что все – дым. А по-моему, не все дым. Может, и дыма-то никакого нет. Ничего, может быть, нет".

Справочник подготовлен на основании материалов, представленных авторами "Инога", творческой группой в составе: Александр Вознесенский, Сергей Кредов, Сергей Чернышев.

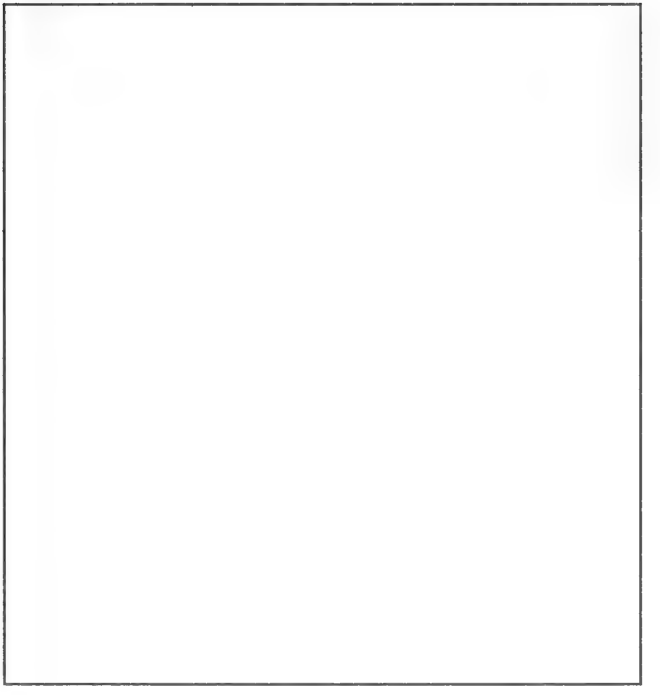
ВИКТОРА БРЕЛЯ

© Брель В.Т., 1995





КТО ЭТО СДЕЛАЛ?
(Инокнижники)



ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ:

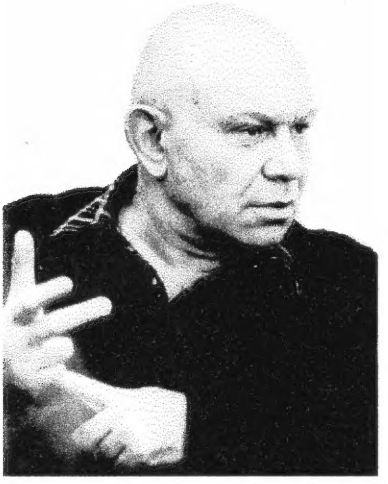
Первое. "Иное" – не как идея, а как вещь, увесистый четырехтомник – это продукт, произведенный по нетрадиционной схеме, с нарушением многих канонов книгоиздательского дела. В значительной мере он создан благодаря добровольному труду и бескорыстной помощи, методами "народной стройки" и "коммунистических субботников". Поэтому у книги, строго говоря, нет классически понимаемых "издательства", "редакции", "спонсоров" и т.п. Приводимое ниже распределение ролей между участниками работы – условно.

Второе. "Иное" создано не организациями, а людьми. Конечно, многие из них, будучи руководителями и действуя в рамках законности и официальных полномочий, привлекали вверенные учреждения к работе по проекту. В подобных случаях название организации указано вслед за именем участника. Но главным во всех случаях был их собственный вклад, добрая воля, неповторимый отпечаток творческой личности.

Третье. "Иное" никогда не появилось бы на свет, если бы не самоотверженная помощь и бесконечное терпение авторов включенных в него статей, которые взяли на себя большой объем чисто технической работы. Приходится ограничиться здесь этой общей констатацией, потому что детальное ее раскрытие заняло бы слишком много места.

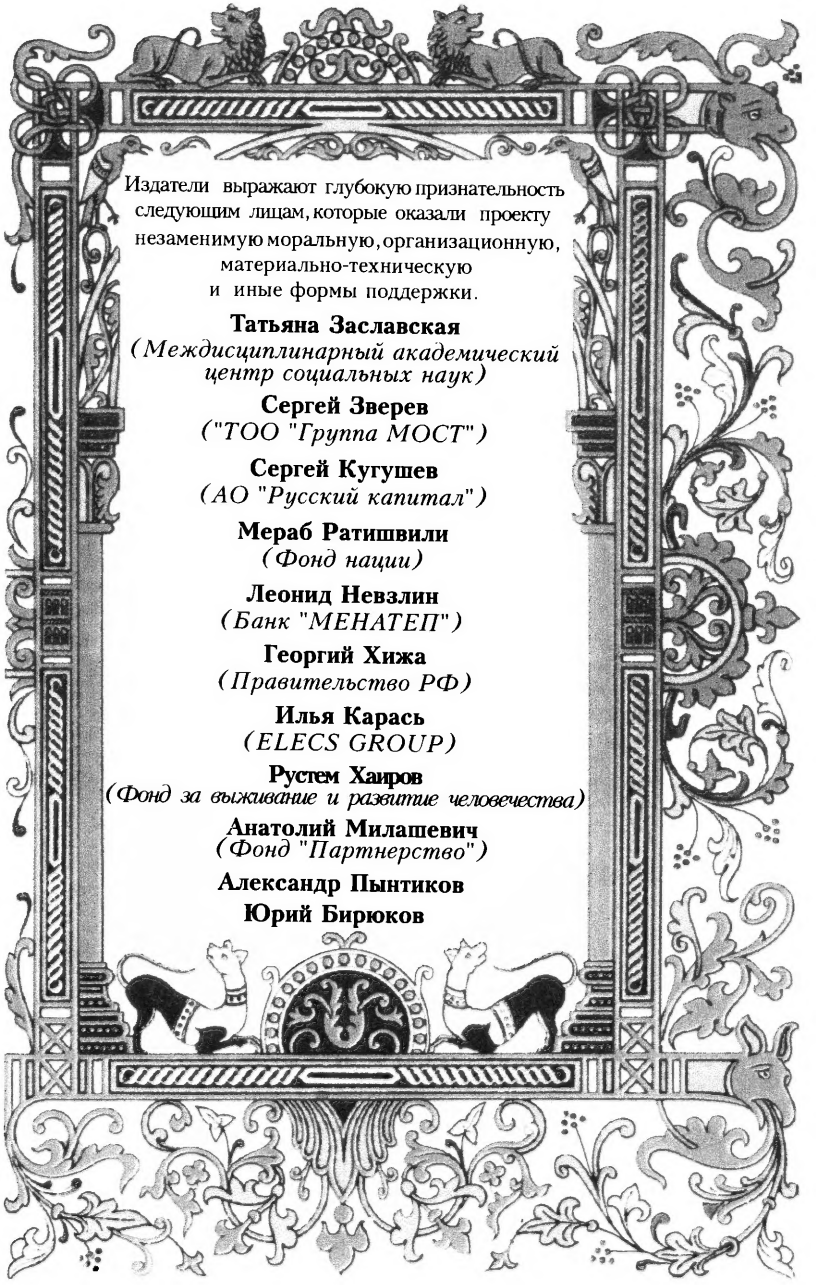
И последнее. Множество людей, тем или иным путем узнав о замысле "Иного", тут же предлагали всестороннюю помощь, которой издателям удалось воспользоваться лишь в малой степени. Это дает нам все основания не переоценивать собственную роль: не будь нас, идея "Иного" все равно нашла бы пути самореализации.

Попечители издания:



Теодор Шанин
Ректор Московской школы социальных и экономических наук, профессор Манчестерского университета.

Александр Бессмертных
Президент Внешнеполитической Ассоциации, Президент Всемирного совета экс-министров иностранных дел.



Издатели выражают глубокую признательность следующим лицам, которые оказали проекту незаменимую моральную, организационную, материально-техническую и иные формы поддержки.

Татьяна Заславская
(Междисциплинарный академический центр социальных наук)

Сергей Зверев
("ТОО "Группа МОСТ")

Сергей Кугушев
(АО "Русский капитал")

Мераб Ратишвили
(Фонд нации)

Леонид Невзлин
(Банк "МЕНАТЕП")

Георгий Хижа
(Правительство РФ)

Илья Карась
(ELECS GROUP)

Рустем Хаиров
(Фонд за выживание и развитие человечества)

Анатолий Милашевич
(Фонд "Партнерство")

Александр Пынтиков

Юрий Бирюков

Редактор-составитель

Сергей Чернышев

Оформление издания

Дизайн:
Вячеслав Глазычев *(Академия городской среды)*

Оригинал-макет:
Вячеслав Глазычев, Татьяна Ильина

Фотохудожественные работы:
Виктор Брель

Производство издания

Административная группа:
Сергей Чернышев, Олег Черп, Александра Горячева

Редакторская группа:
Сергей Чернышев, Наталия Халатянц

Издательская группа:
Алексей Волков *(Издательство «Аргус»)*

Типографские работы:
АООТ «Тверской Полиграфический комбинат»

ИНОЕ

Хрестоматия нового российского самосознания

Путеводитель

Выпускающий редактор *С.Н.Петропавлов*
Технолог *Е.М.Амигут*
Корректоры *А.И.Киселева, Л.С.Кузнецова, Е.А.Самолетова*
Оператор компьютерной верстки *Т.В.Ильина*

ЛР № 061591 от 07.09.92.
Подписано в печать 20.09.95. Формат 60x90 1/16
Гарнитура «Кудряшов». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 10000 экз.
Заказ 665.

Издательство «Аргус»
127018, Москва, Октябрьский пер., д. 32.
Тел. 289-25-91

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.